

Насыщенный и очень изобретательный литературный
триллер... Альтернативная история в широком масштабе.

Minneapolis Star Tribune

ДОМИИОН

Впервые на русском!

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

The Big Book

Кристофер Сэнсом

ДОМИНИОН

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Доминион / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус», 2012 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24507-5

История не терпит сослагательного наклонения, но что было бы, если... Британия в 1940-м, после Дюнкерка, капитулировала перед гитлеровской Германией? К. Дж. Сэнсом отвечает на этот вопрос в своем захватывающем альтернативно-историческом эпике «Доминион», не переосмысливая, а заново создавая прошлое. 1952 год. На востоке продолжается война между Германией и Россией, обескровливая мировую экономику. Принудительные наборы на работу вынуждают молодых людей во Франции, Италии и Испании в буквальном смысле прятаться по норам. Англичане на собственном опыте постигают все ужасы фашистского авторитаризма, но их неповиновение растет. Сопротивление, возглавляемое Черчиллем, упорно пытается сдвинуть баланс сил на мировой арене, и точкой опоры может послужить некая тайна, которую хранит ученый, запертый в бирмингемской больнице для умалишенных. По заданию Сопротивления его похищают, чтобы переправить за границу, однако гестапо отправляет по следам беглеца безжалостного, не знающего поражений охотника за людьми... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24507-5

© Сэнсом К. Д., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	79
Глава 10	84
Глава 11	91
Глава 12	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

К. Дж. Сэнсом Доминион

*Посвящается памяти моих родителей
ТРЕВОРА СЭНСОМА (1921–2000)*

и

*ЭНН СЭНСОМ (1924–1990),
которые в 1935–1945 годах терпели тяготы
и внесли свой вклад в разгром нацистов,
а также
РОЗАЛИТЫ,
умершей 19.02.2012*

Очень скоро вся ярость и мощь врага должны обратиться против нас. Гитлер понимает, что обязан сокрушить нас на этом острове, иначе он проиграет войну. Если мы выстоим, вся Европа может обрести свободу и мир устремится к новым, залитым солнцем высотам. Но если мы проиграем, целый мир, включая Соединенные Штаты, и все, что мы знаем и любим, погрузится в бездну нового темного века, который окажется, возможно, более ужасным и продолжительным по вине науки, поставленной на службу злу.

Уинстон Черчилль, 18 июня 1940 года

C. J. Sansom

DOMINION

Copyright © 2012 by C. J. Sansom

All rights reserved

thebigbook.

Перевод с английского Александра Яковлева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Карты выполнены Юлией Каташинской.

© А. Л. Яковлев, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Все события, имевшие место после пяти часов пополудни 9 мая 1940 года, являются вымышленными.

Пролог

Лондон, Даунинг-стрит, 10, Зал заседаний правительства, 16 часов 30 минут, 9 мая 1940 года

Черчилль прибыл последним. Он резко постучал в дверь один раз и вошел. За высокими окнами угасал теплый весенний день, длинные тени ложились на плац Конногвардейского полка. Марджессон, главный кнут¹ Консервативной партии, сидел с премьер-министром Чемберленом и министром иностранных дел лордом Галифаксом за дальним концом длинного стола в форме гроба, стоявшего посреди зала заседаний правительства. Когда Черчилль подошел, Марджессон, одетый, как всегда, в строгий утренний костюм черного цвета, встал.

– Уинстон.

Черчилль кивнул главному кнуту, твердо глядя ему в глаза. Марджессон, ставленник Чемберлена, попортил Черчиллю немало крови перед войной, когда тот выступил против политики партии в отношении Индии и Германии. Черчилль повернулся к Чемберлену и Галифаксу, правой руке премьер-министра в осуществлении правительственной стратегии умиротворения Германии.

– Невилл. Эдуард.

Оба выглядели неважно; никакого намека на свойственную Чемберлену полуусмешку, как и на гордую заносчивость, вызвавшую раздражение в палате общин накануне, во время дебатов по поводу военного поражения в Норвегии. Девяносто консерваторов проголосовали вместе с оппозицией или воздержались, Чемберлен покинул зал под крики «Долой!».

Глаза премьер-министра были красными от недосыпания, а может, даже от слез, хотя сложно было представить Невилла Чемберлена плачущим. Прошлым вечером по взбудораженной палате общин пронесся слух, что эти события могут похоронить карьеру премьер-министра.

Галифакс выглядел несколько лучше. Непомерно высокий и тощий, он, как всегда, держался прямо, но лицо его было смертельно бледным, белая кожа обтягивала длинный угловатый череп. Поговаривали, что для премьерства у него кишка тонка – в буквальном смысле: при сильных потрясениях лорда скручивало от мучительных колик в животе.

– Каковы последние новости? – обратился Черчилль к Чемберлену. Его низкий голос звучал мрачно, шепелявость резала ухо.

– Все больше немецких войск подтягивается к бельгийской границе. Нападение может начаться в любой момент.

С минуту висела тишина, и вдруг громко затикали каретные часы на мраморной каминной полке.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал Чемберлен.

Черчилль опустился в кресло.

– Мы довольно долго обсуждали вчерашнее голосование в палате общин, – спокойно и озабоченно продолжил Чемберлен. – И пришли к выводу, что существуют серьезные препятствия для моей дальнейшей работы в должности премьер-министра. Я решил уйти. Все меньше членов партии поддерживают меня. Если в повестку дня внесут вотум недоверия, вчерашние воздержавшиеся могут проголосовать против правительства. А при выяснении настроений лейбористов стало понятно, что они готовы войти в коалицию только при назначении нового премьер-министра. При таком уровне личной антипатии я считаю невозможным и далее занимать свою должность.

¹ *Главный кнут* – в английском парламенте человек, которому поручено следить за дисциплиной среди членов фракции.

Чемберлен посмотрел на Марджессона, словно прося поддержки, но главный кнут лишь печально кивнул:

– Если нам предстоит создать коалицию, а мы просто обязаны сделать это, единство нации является необходимым условием.

Глядя на Чемберлена, Черчилль смог найти в себе сочувствие к нему. Этот человек потерял все: два года он старался удовлетворять требования Гитлера и решил, что в Мюнхене тот наконец получил все желаемое. Но месяц спустя фюрер вторгся в Чехословакию, а затем в Польшу. За польской кампанией последовали семь месяцев военного бездействия, «странная война». Еще в начале апреля Чемберлен уверял палату общин, что Гитлер «пропустил автобус» и не сможет приступить к весенней кампании, но тот внезапно начал вторжение и оккупировал Норвегию, отбросив английские войска. На очереди была Франция. Чемберлен посмотрел на Черчилля, на Галифакса и заговорил снова; голос его по-прежнему ничего не выражал:

– Выбор между вами двумя. Я готов, если понадобится, работать под началом любого из вас.

Черчилль кивнул, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Галифакса, встретившего его взгляд холодным испытующим взором. Черчилль понимал, что у Галифакса на руках почти все карты, что большинство консерваторов желает видеть его новым премьер-министром. Он был вице-королем Индии, много лет занимал ключевую должность в правительстве – сдержанный, олимпийски спокойный аристократ, пользующийся одновременно доверием и уважением. К тому же большинство тори так и не простили Черчиллю его либерального прошлого, как и несогласия с политикой собственной партии относительно Германии. Они смотрели на него как на авантюриста, человека ненадежного и склонного к необдуманным решениям. Чемберлен хотел видеть своим преемником Галифакса, так же как Марджессон и большинство членов Кабинета. Этого же, как знал Черчилль, желал и король, друживший с Галифаксом. Но у Галифакса не было огня в жилах – один пшик. Черчилль ненавидел Гитлера, а Галифакс относился к вождю нацистов с неким патрицианским презрением; однажды он обмолвился, что внутри Германии фюрер осложнил жизнь разве что профсоюзным деятелям и евреям.

А вот популярность Черчилля после объявления войны в сентябре прошлого года заметно выросла. Когда его предостережения о вероломстве Гитлера оправдались, Чемберлену пришлось вернуть Черчилля в кабинет. Но как разыграть этот единственный козырь? Черчилль поудобнее устроился в кресле. «Ничего не говори, – сказал он себе, – выжидай и смотри, как ведет себя Галифакс: хочет ли он сам заполучить должность, и насколько сильно».

– Уинстон, – начал Чемберлен, и на этот раз в его голосе послышалась вопросительная интонация. – Вы бешено схлестнулись с лейбористами во время вчерашних дебатов. И всегда были их яростным оппонентом. Как полагаете, способно это обстоятельство стать препятствием для вас?

Ничего не сказав, Черчилль резко встал, подошел к окну и посмотрел на залитую вечерним весенним солнцем улицу. «Не отвечай, – подумал он. – Пусть Галифакс выдаст себя».

Каретные часы отбили пять – звон был высокий, пронзительный. Едва они закончили, как послышались гулкие удары Биг-Бена. Когда последнее эхо смолкло, Галифакс наконец заговорил.

– Я полагаю, – сказал он, – что лучше прийти к соглашению с лейбористами.

Черчилль повернулся к нему, внезапно приняв гневный вид:

– Испытание, которое нам предстоит, Эдуард, будет чрезвычайно жестоким.

У Галифакса был вид уставшего, доведенного до отчаяния человека, но на его лице проступила решимость. Он все-таки нашел в себе волю.

– Вот поэтому, Уинстон, я и хотел бы ввести вас в создаваемый ныне, более узкий военный кабинет. Вы станете министром обороны, на вас ляжет вся ответственность за ведение войны.

Черчилль обдумывал предложение, медленно шевеля тяжелой нижней челюстью. Возможно, возглавив военное ведомство, он получит перевес над Галифаксом и рано или поздно займет пост премьер-министра. Все завит от того, кому еще Галифакс отдаст портфели.

– Как насчет других? – спросил он. – Кого вы назначите?

– От консерваторов будем вы, я и Сэм Хор – мне кажется, такой расклад лучше всего отражает соотношение взглядов внутри партии. От лейбористов войдет Эттли, а интересы либералов станет представлять Ллойд Джордж. Это еще и фигура общенационального масштаба, человек, приведший нас к победе в восемнадцатом году. – Галифакс повернулся к Чемберлену. – Вы, Невилл, как я считаю, можете принести больше всего пользы в качестве лидера палаты общин.

Новости были плохие, хуже некуда. Хотя в последнее время Ллойд Джордж пытался сдать назад, все тридцатые годы он воспевал Гитлера, называя его германским Джорджем Вашингтоном. А Сэм Хор, архиумиротворитель, был давним недругом Черчилля. Эттли, при всех расхождениях с Черчиллем, был бойцом, но они вдвоем оказывались в меньшинстве.

– Ллойд Джорджу семьдесят семь, – заметил Черчилль. – Сможет ли он нести такой груз?

– Думаю, да. К тому же его назначение укрепит дух нации. – Голос Галифакса звучал теперь более уверенно. – Уинстон, мне бы очень хотелось иметь вас рядом с собой в этот час.

Черчилль колебался. Создаваемый военный кабинет связывал его по рукам и ногам. Он понимал, что Галифакс решил стать премьер-министром против своего желания, из соображений долга. Конечно, Галифакс старался бы изо всех сил, но сердце его не лежало к предстоящей борьбе. Подобно многим другим, он сражался в Великой войне и страшился нового кровопролития.

Сперва Черчиллю захотелось отказаться, но потом он решил: какой из этого прок? И Марджессон сказал правильно: единство народа сейчас важнее всего. Он будет делать все, что может, и покуда может. Раньше в тот же день ему показалось, что наступил его час, но все-таки этого не случилось. Пока не случилось.

– Я буду работать под вашим началом, – с тяжелым сердцем проронил он.

Глава 1

Ноябрь 1952 года

Почти все, кто ехал до станции метро «Виктория», направлялись, подобно Дэвиду с семьей, на парад Поминального воскресенья. Утро выдалось холодным, и мужчины, и женщины были в черных зимних пальто. Шарфы и сумочки тоже были черными или темно-коричневыми, единственное цветное пятно – алые маки в петличках. Дэвид втолкнул Сару и ее мать в вагон, они нашли две пустые деревянные скамьи и уселись лицом друг к другу.

Когда поезд, стуча колесами, тронулся со станции «Кентон», Дэвид огляделся. Все держалось печально и торжественно, как и подобало в такой день. Пожилых людей было относительно немного – большая часть ветеранов Великой войны, как, например, отец Сары, уже прибыли в центр Лондона и готовились к прохождению мимо Кенотафа. Дэвид и сам был ветераном – участником второй войны, недолгого конфликта 1939–1940 годов, который люди называли Дюнкеркской кампанией или Еврейской войной, в зависимости от политических предпочтений. Но Дэвиду, воевавшему в Норвегии, и прочим уцелевшим бойцам той побитой и посрамленной армии, за отступлением которой из Европы последовала скорая капитуляция Британии, не полагалось участвовать в церемониях Поминального дня. Как и английским солдатам, погибшим в бесчисленных столкновениях в Индии, а потом и в Африке – тех, что начались после подписания мирного договора в 1940 году. Поминальный день приобрел политический подтекст: помните о бойне Первой мировой, когда Англия и Германия противостояли друг другу, помните, что она не должна повториться. Британия обязана оставаться союзницей Германии.

– Очень облачно, – сказала мать Сары. – Только бы дождь не пошел.

– Все будет хорошо, Бетти, – обнадежил ее Дэвид. – Прогноз говорит, что будет просто пасмурно.

Бетти кивнула. Пухлая низенькая женщина шестидесяти с лишним лет, она посвятила свою жизнь заботам об отце Сары, которому взрывом оторвало половину лица – в 1916 году, на Сомме.

– Джиму будет очень неуютно шагать под дождем, – сказала она. – Капли станут затекать под протез, а снять его он не сможет.

Сара взяла мать за руку. Ее квадратное лицо с твердым округлым подбородком – отцовским – несло печать достоинства. Длинные светлые волосы, курчавившиеся на концах, выбивались из-под скромной черной шляпки. Бетти улыбнулась дочери. Поезд остановился на станции, стали входить люди.

– Пассажиров сегодня больше, чем обычно, – обратилась Сара к Дэвиду.

– Всем хочется в первый раз посмотреть на королеву, я полагаю.

– Надеюсь, нам удастся разыскать Стива и Айрин, – посоветовала Бетти, снова забеспокоившись.

– Я велела им ждать нас у билетных касс на «Виктории», – ответила Сара. – Они будут там, милая, не переживай.

Дэвид смотрел в окно. Его не радовала перспектива провести половину дня в обществе сестры жены и ее мужа. Айрин, вполне добродушная, была, однако, набита дурацкими идеями и ни на минуту не затыкалась. А вот Стива, скользко-обаятельного и в то же время надменного, с убеждениями чернорубашечника, Дэвид терпеть не мог. Придется, как всегда, держать рот на замке.

Перед въездом в туннель поезд резко остановился. Послышался свист воздуха, вырывавшегося из тормозов.

– Только не сегодня, – произнес кто-то. – Опозданий становится все больше. Это позор.

Из окна вагона Дэвид видел ряды плотно стоявших лондонских домов, кирпичных, в пятнах сажи. Над трубами поднимался серый дым, во дворах сушилось белье. Улицы были пустыми. В окне расположенной прямо под ними бакалейной лавки висело приметное объявление: «Здесь принимаются продуктовые талоны». Поезд резко дернулся и втянулся в туннель, но несколькими секундами позже остановился. Дэвид смотрел на отражение своего лица в темном окне. Голова над просторным темным пальто с широкими белыми отворотами. Коротко подстриженные черные волосы прячутся под котелком, видны лишь несколько непокорных локонов. Благодаря округлым, правильным чертам лица он выглядит моложе своих тридцати пяти и кажется обманчиво мягким. Ему вдруг вспомнилось, как в детстве мать постоянно говорила заглядывавшим к ней подругам: «Ну какой милашка, разве не хочется прямо взять его и съесть?» Когда она произносила эти слова со своим резким дублинским выговором, он смущенно сжимался. Всплыло еще одно воспоминание: ему было тогда семнадцать, и он выиграл межшкольный кубок по прыжкам в воду. Вот он стоит на вышке, внизу море лиц, трамплин легонько покачивается под ногами. Два шага вперед, потом полет вниз, к шире спокойной воды, секундный страх и, наконец, возбуждение, с которым он врывается в объятия тишины.

Стив и Айрин ждали на «Виктории». Айрин, старшая сестра Сары, – такая же высокая блондинка, но с ямочкой на подбородке, как у матери. Стив – красавчик на этакий хулиганский манер с тонкими черными усиками: Эррол Флинн для бедных. Черная фетровая шляпа покоилась на густой шевелюре набриолиненных волос – пожимая свояку руку, Дэвид уловил химический аромат.

– Как там государственная служба, старик? – осведомился Стив.
– Живем помаленьку, – улыбнулся Дэвид.
– Все надзираете за империей?
– Вроде того. Как мальчишки?
– Шикарно. С каждой неделей все больше и все шумнее. На следующий год возьмем их с собой, будут уже достаточно взрослыми.

Дэвид заметил тень, пробежавшую по лицу Сары, и понял, что она подумала про их мертвого сына.

– Нужно спешить, чтобы пересесть на поезд до Вестминстера, – сказала Айрин. – Только поглядите, сколько народу.

Они влились в поток людей, направлявшихся к эскалатору. В густой толпе пришлось убавить шаг до бесшумного топтания. Дэвид вспомнил, как в бытность солдатом он вот так же плелся среди усталых бойцов, ожидавших посадки на корабли, которые эвакуировали английскую армию из Норвегии в 1940 году.

Они свернули к Уайтхоллу. Контора Дэвида располагалась сразу за Кенотафом; прохожие все еще почтительно снимали шляпы, проходя мимо памятника – по привычке, хотя таких становилось все меньше: со времени окончания Великой войны минуло уже тридцать четыре года. Небо было серовато-белым, воздух – холодным. Дыхание облачками пара срывалось с губ, когда люди, спокойно и уважительно, занимали места за низким металлическим ограждением напротив белого прямоугольника Кенотафа, перед которым выстроились шеренгой полицейские в толстых шинелях. Некоторые были обычными констеблями в шлемах, но многие были сотрудниками вспомогательных частей особой службы, судя по островерхим шапкам и приталенным синим мундирам. Когда в сороковые годы создавали вспомогательные части, для подавления растущего общественного недовольства, отец Дэвида сказал, что они напоминают

ему черно-пегих², жестоких окопных ветеранов, которых Ллойд Джордж набирал в помощь полиции во время войны за независимость Ирландии. Все были вооружены.

В последние несколько лет церемония изменилась: служащие больше не выстраивались на площади вокруг Кенотафа, загораживая обзор зрителям, а на плиты тротуара за ограждением положили деревянные помосты, чтобы люди могли лучше видеть происходящее. Это было частью того, что премьер-министр Бивербрук назвал «демистификацией события».

Семейству удалось занять хорошее место напротив большого викторианского здания на Даунинг-стрит, в котором размещалось Министерство доминионов, где работал Дэвид. За ограждениями, по трем сторонам пустынной площади вокруг Кенотафа, уже расположились военные и религиозные чины. Офицеры были в парадных мундирах, архиепископ Хедлем, глава оставшейся верной ему части англиканской церкви – другая часть откололась из-за его уступок режиму, – в роскошном зелено-золотом облачении. Рядом стояли политики и послы, каждый с венком. Дэвид обвел их взглядом. Был тут и премьер-министр Бивербрук с морщинистым, как у мартышки, лицом; уголки его мясистых губ печально обвисли. В течение сорока лет – после того как он переехал в Англию из Канады, сопровождаемый шлейфом бизнес-скандалов, – Бивербрук строил газетную империю и одновременно занимался политическими хитросплетениями, продвигая идеи свободы предпринимательства, сохранения империи и умиротворения среди широкой публики и государственных деятелей. Мало кто доверял ему, никто не собирался за него голосовать, и после смерти Ллойд Джорджа в 1945 году члены коалиции сделали его премьер-министром.

Лорд Галифакс, премьер-министр, сложивший полномочия после капитуляции Франции, стоял рядом с Бивербруком, возвышаясь над ним на целый фут. Галифакс совсем облысел, его лицо под шляпой казалось мертвенно-бледным, глубоко посаженные глаза с каким-то странным безразличием смотрели поверх толпы. Близ него расположились коллеги по бивербрукской коалиции: министр внутренних дел Освальд Мосли, высокий и прямой, как шомпол; министр по делам Индии Энох Пауэлл, всего лишь сорокалетний, но выглядевший намного старше, с черными усами, мрачный как туча; виконт Суинтон, министр доминионов, начальник Дэвида, рослый, с осанкой аристократа; министр иностранных дел Рэб Батлер, тип с мешковатой жабьей физиономией; лидер коалиционных лейбористов Бен Грин, один из немногих видных лейбористов, восхищавшихся нацистами в тридцатые годы. Когда в 1940 году лейбористы раскололись, Герберт Моррисон возглавил меньшинство, выступившее в поддержку мирного договора и вошедшее в коалицию с Галифаксом, – он был из тех политиков, для которых амбиции затмевают все. Но в 1943-м он ушел в отставку, сочтя, как и некоторые другие деятели, вроде консерватора Сэма Хора, что Англия слишком рьяно поддерживает Германию. Все они, получив титул пэра, удалились к частной жизни.

Были здесь и представители доминионов, тоже в темных пальто. Дэвид узнал нескольких верховных комиссаров, с которыми сталкивался по работе, – например, коренастого и хмурого Форстера из Южной Африки. Позади них стояли послы других стран, сражавшихся в Великой войне: Роммель из Германии, зять Муссолини Чиано, дипломаты из Франции и Японии, Джо Кеннеди из США. А вот представителя России не было: как союзница Германии, Британия все еще официально находилась в состоянии войны с Советским Союзом, хотя не имела возможности отправить свои войска в гигантскую мясорубку под названием «советско-германская война», которая продолжалась уже одиннадцать лет на фронте протяженностью в тысячу двести миль.

Чуть поодаль группа людей окружала телекамеру для внестудийного вещания – здоровенную приземистую штуковину с тянувшимися из нее толстыми проводами, с надписью «Би-

² Черно-пегие – полицейские особого резерва полиции Ирландии, получившие прозвище из-за разношерстной формы.

би-си» на боку. Рядом с ней виднелась дородная фигура Ричарда Димблби, что-то говорившего в микрофон, хотя Дэвид находился слишком далеко, чтобы расслышать слова.

Сара поежилась и потерла ладони, обтянутые перчатками.

– Черт, как холодно. Бедный папа промерзнет до костей, дожидаясь начала марша. – Она посмотрела на Кенотаф, голый белый мемориал. – Господи, как все печально.

– Ну, мы хотя бы знаем, что войны с Германией никогда больше не будет, – сказала Айрин.

– Глядите, вот она, – проговорила Бетти сдавленным от благоговения голосом.

Из Министерства внутренних дел вышла королева. Сопровождаемая королевой-матерью, бабушкой, старой королевой Марией, и несшими венки придворными, она встала перед архиепископом. Милое молодое личико плохо сочеталось с черным одеянием. То было одно из немногих ее появлений на публике с тех пор, как умер ее отец – в этом же году. Дэвиду показалось, что королева выглядит усталой и испуганной. Глядя на нее, он вспомнил лицо покойного Георга VI в 1940 году, когда тот ехал по Уайтхоллу в открытой машине рядом с Адольфом Гитлером. Это было во время официального визита фюрера после подписания Берлинского мирного договора. Дэвид тогда поправлялся после полученного в Норвегии обморожения и смотрел церемонию по телевизору: его купил отец, когда Би-би-си возобновила трансляцию, одним из первых на улице. Гитлер, похоже, был на седьмом небе: сияющий, раскрасневшийся, розовощекий. Его мечта о союзе с арийской Британией наконец-то сбылась. Он улыбался и махал молчаливой толпе, король же сидел с застывшим лицом, лишь иногда вскидывая руку, и отклонялся в противоположную сторону. Некоторое время спустя отец Дэвида сказал, что с него хватит, и перебрался к своему брату в Новую Зеландию. Дэвид тоже уехал бы, если бы знал, как все обернется, послав к чертям государственную службу. Слава богу, подумал Дэвид с чувством, что мать не дожидается до всего этого.

Сара глядела на королеву.

– Бедная женщина, – сказала она.

Дэвид покосился на нее.

– Зря она позволила сделать из себя марионетку, – проговорил он едва слышно.

– Разве у нее был выбор?

Дэвид не ответил.

Люди в толпе поглядывали на часы, а когда Биг-Бен начал отбивать одиннадцать ударов, разнесшихся по Вестминстеру, все замолчали, сняли шляпы и шапки. Затем, оглушительно громко среди безмолвия, выстрелила большая пушка, отмечая тот миг, когда в 1918 году смолкли орудия. Все склонили голову в двухминутном молчании, вспоминая о страшной цене, уплаченной Британией за победу в Великой войне, или, как Дэвид, за поражение сорокового года. Две минуты спустя полевая пушка на плацу Конной гвардии выстрелила снова, обозначив конец паузы. Горнист затрубил отбой, похоронный сигнал звучал невыразимо тоскливо и печально. Люди слушали молча, подставив обнаженные головы холоду, лишь изредка раздавался чей-нибудь сдавленный кашель. Всякий раз, присутствуя на церемонии, Дэвид удивлялся, как никто в толпе не расплачется или, памятуя о недавнем прошлом, не упадет с воем на землю.

Замерла последняя нота. Затем под звуки «Похоронного марша», исполняемого оркестром Гвардейской бригады, молодая королева понесла венок из маков, выглядевший непомерно большим для нее, возложила его к Кенотафу, застыла со склоненной головой, потом медленно вернулась на место. Настала очередь королевы-матери.

– Слишком молода, чтобы овдоветь, – промолвила Сара.

– Да.

Дэвид ощутил слабый дымный запах и, подняв взгляд в небо над Уайтхоллом, заметил легкую пелену. Ночью ожидался туман.

Остальные члены королевской семьи также возложили венки, за ними – военачальники, премьер-министр и политики, представители правительств стран империи. Цоколь простого, внушительного монумента скрылся под темной зеленью венков с красными маками. После этого немецкий посол Эрвин Роммель, один из участников победоносной кампании 1940 года во Франции, выступил вперед, спортивный, по-военному подтянутый, с Железным крестом на груди, с суровым и печальным лицом. Венок, который он нес, был даже больше, чем у королевы. В центре его на белом фоне была изображена свастика. Возложив венки, Роммель долго стоял, склонив голову, прежде чем отойти. За его спиной ждал своей очереди Джозеф Кеннеди, американский посол, ветеран дипломатической службы. Вдруг позади Дэвида раздался крик: «Долой нацистский надзор! За демократию! Да здравствует Сопротивление!» Что-то пролетело над головами собравшихся и упало у ног Роммеля. Сара охнула. Ступени Кенотафа и полы пальто Роммеля вмиг покрылись красными полосами, и Дэвид подумал было, что это кровь, что кто-то бросил бомбу, но потом увидел, как по ступеням на мостовую скатывается банка с краской. Роммель не шелохнулся. А вот посол Кеннеди в ужасе отпрыгнул. Полицейские схватились за дубинки и пистолеты. Вперед выступил отряд солдат с винтовками на изготовку. Дэвид заметил, что королевских особ торопливо уводят прочь.

– Долой нацистов! – заорал кто-то в толпе. – Мы хотим Черчилля!

Полицейские прыгали через ограждение. Несколько человек в толпе тоже выхватили оружие и лихорадочно оглядывались – это были переодетые агенты особой службы. Дэвид прыгнул к себе Сару. Толпа раздалась, пропуская полицию; справа от них разгорелась стычка. Дэвид видел, как взметнулась дубинка, услышал, как кто-то крикнул, подбадривая констеблей: «Хватайте мерзавцев!»

– Господи, что они делают? – воскликнула Сара.

– Я не знаю.

Айрин поддерживала Бетти, пожилая женщина плакала. Стив взирал на потасовку, мрачный как туча. Говорили все, кто был в толпе, время от времени шум голосов перекрывали громкие выкрики:

– Чертовы коммунисты, настучите им по башке!

– Они правы, долой немцев!

Английский генерал, худощавый мужчина с загорелым лицом и седыми усами, взял громкоговоритель, поднялся по ступенькам Кенотафа, лавируя среди венков, и призвал всех к порядку.

– Их поймали? – спросила Сара у Дэвида. – Я не вижу.

– Да. Похоже, это всего несколько человек.

– Проклятая измена! – проворчал Стив. – Надеюсь, мерзавцев вздернут!

Церемония продолжилась: возложили остальные венки, архиепископ Хедлем провел короткую службу. Он читал молитву, голос его из-за микрофона отдавался странным, слабым эхом:

– О Господь, призри нас, пока мы вспоминаем храбрецов, погибших в сражениях за Британию. Мы помним легионы тех, кто пал с тысяча девятьсот сорока по тысяча девятьсот сорок пять, в той великой и трагической схватке, что оставила отпечаток на нас всех, здесь и в Европе. Боже, вспомни о боли тех собравшихся, кто потерял дорогих им людей. Даруй им утешение, даруй им утешение.

Затем начался марш. Тысячи солдат – многие были уже стариками – гордо шагали, шеренга за шеренгой, а оркестр исполнял популярные в годы Великой войны мелодии; каждая колонна возлагала венки. Как всегда, Дэвид и его семья высматривали отца Сары, но так и не увидели его. На ступенях Кенотафа остались красные пятна, свастика Роммеля бросалась в глаза среди венков. Дэвид размышлял о том, что это были за демонстранты. Скорее всего, из

какой-то независимой группы пацифистов – члены Сопротивления стреляли бы в Роммеля; они перестреляли бы всех нацистов в Британии, если бы не боялись репрессий. В любом случае стоило пожалеть бедолагу, которым предстояло избивание в допросном центре особой службы, а то и в подвале Сенат-хауса, здании, где помещалось германское посольство. Поскольку объектом нападения был Роммель, английская полиция могла передать виновников немцам. Дэвид испытывал чувство бессилия. Он даже не перечил Стиву. Следует оставаться под прикрытием, никогда не выступать из ряда, стараться играть роль образцового гражданского служащего. Особенно с учетом прошлого семьи Сары. Дэвид ощутил приступ беспричинного раздражения против жены.

Его взгляд вернулся к ветеранам. Пожилой мужчина лет шестидесяти, со строгим и вызывающим видом, проходил мимо, гордо выпятив грудь. На одном борту пиджака был ряд медалей, зато на другой красовалась желтая звезда Давида, крупная и блестящая. Евреи предпочитали не выходить на передний план, не привлекать внимания, но этот старик бросил вызов здравому смыслу, выйдя на марш с приметной звездой, хотя мог обойтись маленькой звездочкой в петлице, как и все евреи в то время, – очень скромно и по-английски.

– Жид! – крикнул кто-то.

Ветеран даже ухом не повел, в отличие от Дэвида, которого захлестнула волна гнева. Он отдавал себе отчет, что по закону тоже обязан носить желтую звезду и не может работать в правительственном учреждении, – евреям запрещалось занимать подобные должности. Но из всех людей только отец, находившийся в двенадцати тысячах миль от этого места, знал, что мать Дэвида – птица редчайшей породы: ирландская еврейка. Теперь в Британии наполовину евреи причислялись к евреям, а за сокрытие своей национальности полагалось бессрочное задержание. Во время переписи 1941 года, когда от людей впервые потребовали указать религиозную принадлежность, он назвался католиком. Так же он поступал всякий раз, когда обновлял удостоверение личности, и во время переписи 1951 года, в которую включили вопрос о том, был ли евреем кто-нибудь из родителей в первом или втором поколении. И хотя Дэвид старался загонять эти мысли вглубь, иногда он просыпался в страхе посреди ночи.

Остальная часть церемонии прошла без помех. Встретившись с Джимом, отцом Сары, члены семейства отправились в Кентон, где Дэвид и Сара занимали дом в псевдотюдоровском стиле – отдельный, но имевший общую стену с соседским домом. Там Саре предстояло накрыть обед для всех. Джим узнал о случае с краской от родственников, хотя и заметил красные пятна на ступенях Кенотафа. Джим почти не говорил о происшествии по пути домой, так же как Сара и Дэвид, зато Айрин и особенно Стив просто кипели от возмущения. Когда они вошли в дом, Стив предложил посмотреть новости и узнать, что там говорят про нападение.

Дэвид включил телевизор и развернул к нему кресла. Ему не нравилось, что в большинстве домов мебель теперь расставлялась в зависимости от расположения экрана; за минувшее десятилетие аппарат, который кое-кто все еще называл «идиотским ящиком», появился у половины жителей страны – наличие телевизора стало границей, отделяющей богатых от бедных. Он стремительно подчинял себе жизнь нации. Новости еще не начались, показывали детский сериал, экранизацию какой-то приключенческой книжки про Бульдога Драммонда, где фигурировали отважные герои империи и коварные туземцы. Сара подала чай, Дэвид пустил по кругу пачку сигарет. Он бросил взгляд на Джима. Тесть, хотя и превратился в пацифиста после Великой войны, неизменно участвовал в парадах на Поминальный день: при всей своей ненависти к войне он воздавал почести старым товарищам. Дэвиду было интересно, что он думает о происшествии с краской, но понять что-либо по маске-протезу было невозможно. Протез был хорошим – плотно сидящий, телесного цвета; имелись даже искусственные ресницы вокруг нарисованного плоского глаза. Сара призналась однажды, что когда она была маленькой, тогдашняя отцовская маска, примитивная, из тонкого листа железа, пугала

ее. Когда отцу случалось усадить ее на колени, она начинала реветь, и Айрин забирала ее. Мать называла Сару жестокой, противной девчонкой, но Айрин, четырьмя годами старше сестры, обнимала ее и говорила: «Не надо так делать. Папа не виноват».

Начались новости. Они смотрели, как юная королева приносит дань памяти, внимали звучному, торжественному репортажу Димблби. Но об инциденте с Роммелем Би-би-си не упомянула – показали, как представители доминионов возлагают венки, и сразу перешли к послу Кеннеди. Изображение коротко мигнуло, совершенно незаметно, если не быть начеку, и комментарий не прервался, – судя по всему, операторы Би-би-си позже сделали перезапись.

– Ничего, – сказала Айрин.

– Должно быть, решили не сообщать.

Раскрасневшаяся от готовки Сара пришла из кухни – посмотреть новости.

– Остается только догадываться, о чем еще нам не сообщают, – тихо заметил Джим.

Стив повернулся к нему. На нем был один из его любимых свитеров яркой расцветки, некрасиво обтягивавший пухлый живот.

– Не хотят будоражить людей, – сказал он. – Ни к чему видеть, что такое происходит в Поминальный день.

– Но люди должны знать, – яростно заявила Айрин. – Должны видеть, что творят эти подлые террористы. Да еще на глазах у королевы, бедной девочки! Неудивительно, что она так редко появляется на публике. Это позор!

– Вот что происходит, когда народу не позволяют роптать против своих хозяев, – брякнул Дэвид, не удержавшись.

Стив развернулся к нему. Он был все еще зол и искал, на ком бы сорваться.

– Ты на немцев намекаешь, кажется?

Дэвид небрежно пожал плечами, хотя страстно желал пересчитать Стиву все зубы.

– Немцы – наши партнеры, – продолжил свояк. – И нам, кстати, очень повезло, что это так.

– Повезло тем, кто наживает деньги на торговле с ними, – отрезал Дэвид.

– Что ты, черт возьми, имеешь в виду? Намечаешь на мои дела в Англо-Германском содружестве?

Дэвид сердито глянул на него:

– Правда глаза колет.

– Ты бы предпочел видеть у власти ребят из Сопротивления, да? Черчилля, если старый милитарист еще жив, и свору коммунистов, с которыми он спутался? Убивать солдат, взрывать людей – вроде той маленькой девочки, которая на прошлой неделе наступила на их мину в Йоркшире?

Лицо у Стива побагровело.

– Пожалуйста, – произнесла Сара резко, – не нужно затевать ссору. – Она переглянулась с Айрин.

– Ну ладно, – сдался Стив. – Не хочу портить день, который эти свиньи и так испортили. Для государственного служащего очень важно быть беспристрастным, – язвительно добавил он.

– Это ты к чему, Стив? – вскинулся Дэвид.

– Ни к чему. – Свояк вскинул руки, раскрыв ладони. – Мир.

– Роммель, – с грустью промолвил Джим. – Он был солдатом на Великой войне, как я. Если бы только Поминальный день не был таким военизированным. Тогда бы люди не испытывали желания протестовать. Ходят слухи, что Гитлер сильно болен, – добавил он. – Не выступает по телевизору в последнее время. И с возвращением демократов в Америке, быть может, грянут перемены. – Джим улыбнулся жене. – Я всегда говорил, что перемены будут, стоит только как следует подождать.

– Уверен, если бы герр Гитлер болел, нам бы сообщили, – отмахнулся от него Стив. Дэвид посмотрел на Сару, но ничего не сказал.

Позднее, когда остальные члены семьи уехали на новеньком «моррис-майноре» Стива, Дэвид и Сара поругались.

– Ну зачем ты насакиваешь на него перед всеми? – спросила Сара. Она выглядела усталой, так как всю вторую половину дня хлопотала вокруг гостей. Ее волосы были растрепаны, голос звучал раздраженно. – Перед папой, причем не когда-нибудь, а сегодня. – Женщина поколебалась, затем продолжила с горечью: – А ведь ты сам много лет твердил мне, что нужно держаться подальше от политики и что безопаснее помалкивать.

– Знаю. Прости. Но Стив не может не раскрывать свой поганный рот. Сегодня это было... уж совсем чересчур.

– Представь, как мы с Айрин себя чувствуем во время таких ссор.

– Тебе он нравится не больше, чем мне.

– Нам придется с ним уживаться. Ради семьи.

– Ага, и ходить к нему в гости, видеть эту фотографию, где он и его деловые партнеры сняты вместе со Шпеером, книжки Мосли и «Протоколы Сионских мудрецов», – буркнул Дэвид. – Не понимаю, как он еще не вступил в чернорубашечники, ему не хватает только этого. Впрочем, тогда ему придется делать физические упражнения и порастрясти свой жир.

– Разве с нас не довольно? – вскричала вдруг Сара. – Разве не довольно?

Она выбежала из гостиной. Дэвид услышал, как она скрылась в кухне и захлопнула за собой дверь. Он встал и стал складывать грязные тарелки и приборы на тележку, потом выкатил ее в маленький коридор. Проходя мимо лестницы, он не смог удержаться и бросил взгляд на ободранные обои в верхней части пролета и в нижней, где стояли маленькие воротца. После смерти Чарли они с Сарой не раз говорили о том, что надо бы переклеить обои. Но – как случилось и со многими другими задумками – ничего не сделали. Через минуту он пойдет к жене, извинится, попробует хоть немного сузить трещину, что разрасталась между ними. Но Дэвид понимал, что никогда не сможет уничтожить ее полностью – с теми тайнами, которые ему приходилось хранить.

Глава 2

Началось все двумя годами ранее, когда обнародовали итоги выборов 1950 года – несколько месяцев спустя после смерти Чарли. Со времени Венгерского банковского краха 1948 года, вызванного истощением европейской экономики из-за бесконечной германской кампании в России, экономическое и политическое положение постоянно ухудшалось. В северной Англии и в Шотландии устраивались забастовки и демонстрации, Индию охватил почти непрерывный мятеж, росло число арестов, совершаемых на основании так и не отмененных законов о государственной безопасности 1939 года. Люди, спокойно воспринявшие мирный договор 1940 года, начали испытывать недовольство, поговаривая, что Британии пора занять более твердую позицию по отношению к Германии и что после десяти лет стоит сменить правительство, дав шанс Черчиллю и Объединенной демократической партии во главе с Эттли. Хотя газеты и Би-би-си кормили народ проправительственной пропагандой, Бивербрук терял популярность; ходили слухи, что ОДП может заметно улучшить свои показатели.

Но когда огласили результаты, выяснилось, что партия потеряла большую часть своих мест в парламенте: они отошли к Британскому союзу, фашистской партии под руководством Мосли, усилившейся с тридцати до ста четырех депутатов и присоединившейся к созданной Бивербруком коалиции мира из консерваторов и лейбористов. В итоге Черчилль увел своих сторонников из палаты общин, осудив в своем выступлении «подтасованные выборы в гангстерский парламент». Такой слух витал в коридорах Уайтхолла, хотя газеты и телевидение твердили, что члены оппозиции сбежали, раздосадованные из-за проигрыша. Чуть погодя объединенных демократов обвинили в провоцировании политических забастовок и объявили вне закона. Они ушли в подполье, и вскоре на стенах стали писать их новое название, «Соппротивление» – в честь французского Résistance.

Новое правительство быстро заняло еще более прогерманскую позицию. Согласно Берлинскому мирному договору 1940 года покинувшие Германию еврейские беженцы были возвращены на родину, но английские евреи, несмотря на рост антисемитизма, подвергались лишь немногим ограничениям. Теперь же правительство объявило евреев непримиримыми врагами величайшего из союзников Британии, и в стране частично ввели Нюрнбергские расовые законы. Дэвид просыпался среди ночи в поту, с мыслью о том, что случится, если всплывет его тайна. Все знали, что Германия многие годы добивается депортации на восток английских евреев – последних свободных евреев в Европе, наряду с оставшимися во Франции. Вероятно, теперь этому суждено было произойти. Дэвид понимал, что сейчас как никогда важно не рассказывать никому, особенно Саре, о своей матери-еврейке.

Зато в последующие месяцы Дэвид начал заводить с Сарой и близкими друзьями разговоры на другие темы: про затянувшуюся рецессию, растущее число завербованных в вспомогательные полицейские части особой службы «крепких парней» Мосли, призванных разбираться с недовольными и забастовщиками, про обещание Черчилля поджечь Британию при помощи «саботажа и сопротивления». Естественно, доступа к телевидению и радио Черчилль и его сторонники не имели, зато ходили слухи о тайно циркулирующих грампластинках с речами Черчилля, где он призывал никогда не сдаваться, говорил о «темной тирании, спустившейся на Европу». Внутри Дэвида что-то щелкнуло – после выборов, а может быть, раньше, когда умер Чарли.

Чаще всего он беседовал с Джеффом Драксом, своим старейшим другом. Джефф учился с ним в Оксфорде и поступил в Министерство по делам колоний тогда же, когда Дэвид пришел в Министерство доминионов. Джефф шесть лет прослужил в Восточной Африке, а в 1948 году вернулся в Лондон на штабную работу. Уже тогда он говорил о том, как был потрясен,

увидев воочию, что Британия превратилась в жалкое, соглашательское государство, сателлита Германии.

Проведенные в Африке годы изменили Джеффа. На длинном, худом лице под копной соломенных волос проступили новые морщины, уголки плотно поджатых губ печально обвисли. Дракс всегда был склонен к иронии, но теперь сыпал едкими, язвительными замечаниями, сопровождаемыми взрывами лающего хохота. Он рассказывал о своей несчастливой любовной связи с замужней женщиной в Кении, признавался Дэвиду, что так и не смог привыкнуть к этому и завидует упорядоченной жизни друга с Сарой и Чарли. Кабинетная работа в огромном новом здании Министерства по делам колоний, в Черч-Хаусе, ему не нравилась, и, когда они встречались за ланчем, Дэвид ловил себя на мысли, что Джеффу не по себе в черном пиджаке и брюках в полоску, словно он по-прежнему хотел носить мятые шорты и пробковый шлем.

Жил Джефф в Пиннере, неподалеку от дома Дэвида в Кентоне, и утром по субботам они вместе ходили плавать и играть в теннис. Затем усаживались в углу бара теннисного клуба и разговаривали о политике – негромко, поскольку в клубе едва ли нашлось бы много сочувствующих им. Как-то раз, летом 1950 года, – дело было в субботу – Джефф принялся рассказывать о событиях в Кении.

– Там сейчас сто пятьдесят тысяч колонистов, – говорил он с тихим нажимом. – Это чертов хаос. Безработные из Дарема и Шеффилда и их жены клюнули на обещания свободной земли и неограниченного числа работников-туземцев. Для них устроили трехмесячные курсы фермерства, потом раздали по тысяче акров буша. Переселенцы понятия не имели, что это означает для негров. А это земли черных. Кикуйю подняли настоящий бунт. Пролилась кровь. Некоторые строители будущего Восточно-Африканского доминиона сильно пожалели, что покинули родину.

Джефф зло хохотнул в свойственной ему манере. Дэвид замялся, потом проговорил вполголоса:

– Кое-кто в правительствах доминионов очень недоволен решениями нашего нового Кабинета. Канадцы и новозеландцы подумывают о выходе из империи. В департаменте этим сильно озабочены.

Дэвид забыл об осторожности до такой степени, о которой всего год назад не мог и помыслить. Он рассказал о протестах в Новой Зеландии, вызванных недавними английскими мерами против тред-юнионов. Когда Дэвид закончил, Джефф молча смотрел на него некоторое время, потом прошептал:

– У меня есть один друг, с которым ты, возможно, захочешь познакомиться.

Осознав, что был чересчур откровенен, Дэвид ощутил укол беспокойства.

– Мне кажется, ваши взгляды во многом совпадают, – продолжил Джефф. – По правде сказать, даже уверен.

Дэвид посмотрел на друга. Сперва он подумал, что Джефф имеет в виду кого-нибудь из Сопrotивления. Раздраженный, неумный Джефф вполне мог учинить такое.

– Не знаю, – сказал Дэвид, подумав об оставшейся дома Саре, которая скорбела по их покойному сыну. Джефф сухо улыбнулся и махнул рукой:

– Я не предлагаю ни во что ввязываться. Просто поговори с тем, кто смотрит на вещи так же, как мы. Поймешь, что ты не один.

Какая-то часть Дэвида хотела сказать «нет», перейти на спорт или погоду, закончить разговор. Но затем его охватило сердитое нетерпение, отеснившее страх.

Спустя неделю Джефф познакомил его с Джексоном. Был разгар лета, с безоблачного неба светило палящее солнце. Дэвид встретился с Джеффом на станции «Хэмпстед-Хит», и они стали подниматься на Парламентский холм. Держась под руку, прогуливались парочки:

женщины – в ярких летних платьях с белым низом, мужчины – в рубашках с расстегнутым воротом и в легких пиджаках. Встречались и семьи: детишки запускали змеев, яркими пятнами выделявшихся на фоне синевы.

Дэвид ожидал, что приятель Джеффа окажется примерно одного с ними возраста, но сидящий на скамье мужчина был лет пятидесяти с лишним, со стального цвета сединой. При их приближении он поднялся – он был высоким и дородным, но двигался легко. Джефф представил его как мистера Джексона, и мужчина крепко пожал руку Дэвида. Крупное, располагающее к себе лицо, пронзительные голубые глаза. Он широко улыбнулся Дэвиду.

– Мистер Фицджеральд. – Мать Сары назвала бы его речь манерной. – Рад познакомиться.

В его поведении угадывалась привитая частной школой уверенность, то, что называют естественным превосходством. Оно всегда вызывало легкое раздражение у Дэвида, выпускника обычной средней школы.

– Давайте пройдемся, – весело предложил Джексон.

Они зашагали к Хайгейтским прудам. Группа подростков в скаутской форме отрабатывала гимнастическое представление: трое стояли в ряд, еще двое балансировали у них на плечах, шестой медленно взбирался, чтобы увенчать пирамиду. Несколько человек глазели на них. Командир скаутов спокойным голосом давал советы: «Теперь осторожно, распределяйте вес аккуратно, в этом вся соль».

Джексон остановился и посмотрел на них.

– Боже мой, – тихо проговорил он. – Я помню время, когда скауты помогали старушкам переходить через улицу. А теперь все сводится к военным и гимнастическим упражнениям. Стоит ли удивляться, что поговаривают об их насильственном слиянии с Лигой фашистской молодежи?

– Людям это не понравится, – сказал Дэвид. – У многих сыновья в скаутах.

Джексон мягко рассмеялся:

– Кто знает, за что стоят те или иные люди, в наши-то дни? – Он повернулся и пошел через пустошь. Джефф и Дэвид двинулись за ним. Замедлив шаг, Джексон негромко сказал Дэвиду: – Джефф сообщил, что вы не одобряете тот путь, по которому идет наша бедная старая родина?

– Да, не одобряю. – Дэвид помедлил, потом подумал: «А пошло оно все к черту!» – Им сошла с рук подтасовка на выборах. Все больше людей подвергается аресту на основании статьи восемнадцать «а». Мосли – министр внутренних дел, вводятся антисемитские законы: мы скоро станем такими же фашистами, как все в Европе.

Дэвид почувствовал, что покраснел, говоря об антисемитских законах, и взглянул на Джексона, но тот, похоже, ничего не заметил. Он лишь кивнул, поразмыслил, потом сказал:

– Давно уже придерживаетесь такого мнения?

– Давно, наверное. Я знаю, что все это зрело годами. А после выборов все стало ясно.

Джексон задумался.

– Как понимаю, вы некоторое время назад потеряли ребенка? Несчастный случай.

Дэвид не ожидал, что Джефф расскажет приятелю о Чарли.

– Да, – ответил он сдержанно и хмуро посмотрел на Джеффа.

– Мне жаль.

– Спасибо.

Джексон кашлянул, прочищая горло:

– Джефф сказал, вам довелось участвовать в войне.

– Да, в Норвегии.

Джексон грустно улыбнулся:

– Норвежскую кампанию свернул Чемберлен. Есть мнение, что, если бы премьером был Черчилль, мы бы продолжили воевать после падения Франции. Интересно, как бы тогда развивались события?

Они шли теперь быстрым шагом. Несмотря на свои габариты, Джексон нисколько не запыхался.

– В Норвегии творился хаос, – сказал Дэвид. – Я видел, как погибали наши, а немцы... немцы казались неуязвимыми. После падения Франции я полагал, что мы должны заключить мир. Думал, что договор – единственная альтернатива завоеванию.

– И Гитлер пообещал оставить империю в покое. Многие сочли этот жест щедрым. Но Черчилль говорил, что договор все равно означает германское владычество, и оказался прав.

Джексон послал Дэвиду открытую, любезную улыбку, но взгляд его оставался таким же острым. Дэвид понимал, что это типично английский способ прошупать, испытать его. Что-то в Джексоне выдавало в нем государственного служащего вроде Дэвида, только гораздо более высокого ранга. Было любопытно, куда он клонит. Джексон снова улыбнулся, на этот раз ободрительно. Дэвид набрал в грудь воздуха и очертя голову ринулся вперед, как в тот раз, когда мальчишкой прыгал с трамплина.

– Моя жена – пацифистка, – сказал он. – Я привык соглашаться с ней. Она до сих пор считает, что мы, по крайней мере, остановили войну. Хотя знает, что Британия поддерживает происходящее в России – бесконечную кровавую бойню.

Джексон остановился и обвел взглядом Хайгейтские пруды.

– Немцы никогда не победят в России, – проговорил он все тем же спокойным тоном. – Одиннадцать лет они сражались, пытаясь достичь своей цели: построить государство из германских поселений, тянущихся от Архангельска до Астрахани, за которыми лежало бы капиталистическое полукOLONиальное государство русских, на Урале и дальше в Сибири. Но это им никогда не удастся. Каждое лето они захватывают небольшие территории на востоке, прорывая там и сям Волжскую линию, и каждую зиму русские отбрасывают их при помощи своих новых автоматов Калашникова, которые миллионами выпускают за Уралом, легких и эффективных. А за линией фронта половину страны контролируют партизаны. Кое-где в руках у немцев находятся только города и железные дороги. Вы знаете, что произошло после того, как десять лет назад они захватили Ленинград?

– Так ведь никто не знает. Нам говорят только, что немцы понемногу продвигаются.

– Знайте, что это не так. Что до Ленинграда, то немцы в него не вошли, а просто окружили город и оставили жителей умирать. Три с лишним миллиона человек. С сорок второго года в Ленинграде полное радиомолчание. Ничего, ни звука. Когда нацисты взяли Москву, то вывели из нее всех, поместили в лагеря и обрекли на голодную смерть. Так же поступают и с европейскими евреями. Предполагается, что для них созданы трудовые лагеря где-то на востоке. В телерепортажах мы видим милые бревенчатые домики посреди лужаек, с цветами в окошках. Вот только ни один английский еврей не получил от переселенных туда друзей и родственников ни единой весточки – ни письма, ни открытки. Ничего.

Дэвид воззрился на Джексона. «Ему известно обо мне?» – подумал он. Но никто не знал его тайны, за исключением отца. Просто с принятием новых законов люди стали чаще говорить про евреев.

– В трудовые лагеря отправили шесть-семь миллионов человек, не так ли? – сказал Дэвид. Джексон угрюмо кивнул:

– Да. Из евреев остались только наши и сколько-то французских. Не допустить расправы с ними, вопреки немецкому давлению, – это вопрос нашей национальной гордости и независимости. Однако Мосли хочет выслать их, а влияние его растет с каждым месяцем. – Он вздохнул. – Как думаете, Фицджеральд, куда мы идем?

– Мне кажется, мы катимся в ад в ручной тачке.

Мимо проходила молодая пара, на женщине были солнечные очки в белой оправе и розовое платье в цветочек. Между родителями шла маленькая девочка; держа за руки, они поднимали ее в воздух, и она радостно взвизгивала. Вокруг них бегала колли, виляя хвостом. Семья прошла дальше, направляясь к воде.

– И в Индии все становится хуже, – сказал Джефф, когда они удалились на достаточное расстояние. – С тех пор, как Ганди умер в тюрьме в сорок седьмом году. Не имеет значения, скольких лидеров посадили под замок вместе с Неру. Процесс продолжается: бунты против высокой квартирной платы, бойкот английских товаров, забастовки на предприятиях, экспортирующих изделия в Британию. А мятежи индийских полков против офицеров способны обрушить вообще все. По иронии судьбы, Берлинский договор ограничил нашу торговлю с континентом – посмотрите на пошлину, которую мы платим за ввоз и вывоз товаров только ради того, чтобы Гитлер мог использовать Европу как рынок сбыта для собственной промышленности. А ведь именно за это ратовали Бивербрук и его сторонники. – Джефф помолчал немного. – Свободная торговля внутри империи и пошлины на торговлю с другими странами. Мечта всей его жизни. Ну вот она и сбылась. – Джефф безрадостно хохотнул в свойственной ему лающей манере. – А мы получили депрессию, растянувшуюся на двадцать с лишним лет.

– Мне доводилось слышать на работе, – робко заговорил Дэвид, – что Энох Пауэлл намерен нанять пару новых английских дивизий для отправки в Индию. Тогда численность нашей армии превысит предел, установленный договором.

– А вы в курсе, – начал Джексон, – что Гитлер однажды предлагал нам отправить в Индию пару дивизий СС?

«Насколько хорошо осведомлен этот человек? – подумал Дэвид. – Кто он такой?»

Джексон посмотрел на него:

– Джефф сообщил, что вы служите в Министерстве доминионов.

– Да. – «Слишком быстро все разворачивается», – мелькнула мысль. Он и так уже сказал Джеффу чересчур много.

– Ведущий специалист политического отдела, главная задача – подготовка еженедельных совещаний министра с верховными комиссарами доминионов.

Тон Джексона снова изменился, став сухим и деловитым.

– Да.

Еженедельные совещания с участием министра и верховных комиссаров доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и, с прошлого года, Родезии – организовывал и протоколировал начальник Дэвида. При этом Дэвид выполнял основную часть черновой работы.

– Присутствуете на большинстве совещаний?

Дэвид не ответил. Повисла пауза.

– Насколько мне известно, вы бывали за океаном. – Джексон снова заговорил обычным тоном. – В Новой Зеландии?

– Да. Я там служил с сорок четвертого по сорок шестой. У моего отца семья в Окленде. По сути, он перебрался туда. Ему тоже кажется, что мы катимся в ад на ручной тачке.

– А ваша мать?

– Умерла, когда я ходил в школу.

– Судя по фамилии, в вас течет ирландская кровь.

– Мой отец происходит из семейства дублинских адвокатов. Он перевез нас с матерью сюда, когда мне было три года, во время Войны за независимость.

Джексон улыбнулся:

– Не обижайтесь, но у вас ирландская внешность.

– Очень многие считают так же.

– Преданность Ирландии?

Дэвид покачал головой:

– Республике Де Валеры? Нет. Мой отец на дух не переносил весь этот фанатичный католический национализм.

– Не думали поселиться в стране Киви, вместе с отцом?

– Думал. Но потом мы решили вернуться. Все-таки здесь наша родина.

Тогда не действовали антисемитские законы, а репрессии были весьма умеренными.

Джексон обвел взглядом Лондон, раскинувшийся внизу, под голубым небом.

– Британия становится опасным местом. Если выбиваешься из общего ряда, конечно. Однако, – добавил он тихо, – оппозиция крепнет.

Дэвид посмотрел на Джеффа. Нос друга покраснел от солнца. Любопытно, как он, со своей белой кожей, прожил в Африке столько лет?

– Да, – согласился Дэвид. – Так и есть.

– Крепнет, и притом быстро.

– Много людей гибнет с обеих сторон, – сказал Дэвид. – Забастовщики, солдаты, полицейские. Становится все хуже.

– Черчилль сказал, что «подожжет Британию», когда стало ясно, что последние выборы сфальсифицированы.

– Он еще жив? – спросил Дэвид. – Мне известно, что ходили подпольные записи с его призывами к сопротивлению, но какое-то время о них никто не слышал. Ему уже под восемьдесят. Его жены Клементины больше нет – умерла от пневмонии в прошлом году в их ланкаширском имении. Жить в бегах – каково это для престарелого человека? – Он покачал головой. – Его сын Рэндольф – коллаборационист, выступает по телевидению в поддержку правительства. А если Черчилль мертв, то кто возглавляет теперь Сопротивление? Коммунисты?

Джексон впери в Дэвида долгий, одобрительный взгляд.

– Черчилль жив, – сказал он тихо. – И Сопротивление включает в себя самые разные силы, не только коммунистическую партию. – Он медленно кивнул, посмотрел на часы и вдруг заявил: – Ладно, не пора ли нам двигаться обратно к станции? Меня ждет жена. Решила устроить семейные посиделки.

И Дэвид понял, что, если Джексон намеревается куда-то отвести его, это произойдет в другой день.

По дороге на станцию Джексон оживленно разглагольствовал про крикет и регби – он состоял в итонской команде «школа XV». При расставании он пожал Дэвиду руку, одарил его щедрой улыбкой и ушел прочь. Джефф сдал Дэвиду плечо, что случалось с ним очень редко.

– Ты ему понравился, – сказал он тихо.

– К чему все это, Джефф? Зачем ты рассказал ему обо мне так много?

– Я решил, что ты, возможно, захочешь присоединиться к нам.

– Для чего?

– Быть может, со временем ты станешь помогать нам. – Джефф улыбнулся своей быстрой, нервной улыбкой. – Но это твое дело, Дэвид. Решение должно исходить от тебя.

Дэвид слышал, как Сара моет в кухне посуду, сердито укладывая тарелки на решетку для сушки. Он повернул прочь от лестницы. С самого начала, с той первой встречи с Джексоном в Хэмпстед-Хит, безопасность Сары заботила его сильнее всего. Как позднее объяснили его наставники, жене можно сообщить о занятиях мужа только в том случае, если она полностью вовлечена в их дело. Сара не любила правительство, но, будучи пацифисткой, не стала бы поддерживать Сопротивление, особенно после того, как начались взрывы бомб и выстрелы в полицейских. С тех пор Дэвид ощущал неприязнь по отношению к ней, винил ее за необходимость нести неподъемное бремя еще одной тайны.

Глава 3

В следующее воскресенье Сара поехала в город, чтобы встретиться с Айрин и сходить в кино. На неделе они поговорили по телефону и обсудили случившееся в Поминальное воскресенье. В новостях так ничего и не сообщили – создавалось впечатление, что нападения на Роммеля и арестов не было вовсе. Они пошли в кинотеатр «Гомон» на Лестер-сквер на новую американскую комедию с Мэрилин Монро. Перед основной картиной категории «В», как всегда, демонстрировали легкомысленную музыкальную ленту немецкого производства, а между фильмами зрителям пришлось просмотреть новостной выпуск от контролируемой государством студии «Пате». К его показу всегда зажигали свет, чтобы сторонники Соппротивления не шикали при появлении на экране нацистских лидеров. Первым шел репортаж о европейской евгенической конференции в Берлине: Мэри Стоупс беседовала с немецкими учеными в колонном зале. Следующий сюжет казался видением из ада: заснеженные просторы, старуха в отрепьях рыдает и кричит по-русски рядом с догорающей избой, немецкий солдат в каске и шинели утешает ее. Голос Боба Денверс-Уокера звучал сурово: «В России идет война против коммунизма. Советские террористы продолжают творить ужасные зверства в отношении не только немцев, но и своего собственного народа. Под Казанью трусливая шайка так называемых партизан, прячущихся в лесах, обстреляла ракетами из „катюши“ деревню, жители которой посмели продать германским солдатам немного еды». Камера отъехала от руин, показывая разоренную и сожженную деревню. «Иные русские предпочли забыть о том, от чего спасли их немцы – от тайной полиции и принудительного труда сталинского режима; миллионы согнаны в арктические концентрационные лагеря». На экране появились зернистые кадры лагеря, обнаруженного немцами в 1942 году: тощие как скелеты тела, лежащие в глубоком снегу, колючая проволока и наблюдательные вышки. Сара отводила глаза от жутких сцен. Голос диктора стал тверже: «Никогда не сомневайтесь в конечной победе Европы над злобным азиатским учением. Германия побила Сталина, побьет и его преемников». В качестве напоминания показали знаменитые снимки пленного Сталина, сделанные после захвата Москвы в октябре 1941 года: невысокий человечек с густыми усами, рябой, с растрепанной седой шевелюрой, хмуро потупил взгляд, хохочущие немецкие солдаты держат его за руки. Позже его публично повесили на Красной площади. На следующих кадрах новые гигантские танки «Тигр-4» с пушками в восемнадцать футов длиной прокладывали себе путь через березовую рощу, охотясь на партизан. Молодые деревья ломались, как спички, а в небе стрекотали вертолеты. Затем показали запуск ракеты «Фау-3»: камера перемещалась вслед за огромным цилиндром, заостренным на одном конце и извергавшим из другого огненный хвост, что уходил в небо, устремляясь к цели на противоположной стороне Уральских гор. Играла бравурная музыка. Затем пустили сюжет, как Бивербрук открывает новую современную телевизионную фабрику в Мидленде. Наконец свет снова погас и началась собственно картина: грянула музыка и появился яркий лейбл студии «Техниколор».

Когда женщины вышли из кинотеатра, короткий зимний день уже приближался к концу: в магазинах и ресторанах зажигали свет, огни по краям размывались в тусклой желтоватой дымке.

– Туман опускается, – сказала Сара. – В прогнозе погоды говорили, что возможен смог.

– На метро доберемся без проблем, – ответила Айрин. – У нас есть время на кофе.

Она направилась через улицу, остановившись, чтобы пропустить трезвонящий трамвай. Навстречу им стремительным шагом прошли двое парней в длинных драповых пальто и узких брюках, с высоко зачесанными сальными челками. Полицейский в будке неподалеку проводил их неодобрительным взглядом.

– Ну разве не чудной у них вид? – сказала Айрин. – «Джазовые мальчики». В ее тоне звучало пренебрежение.

– Просто юнцы, старающиеся отличаться от прочих.

– Эти пальто...

– Зут-костюм. – Сара рассмеялась. – Американская мода.

– А эта их драка с молодыми фашистами в Уондсворте в прошлом месяце? – воскликнула Айрин возмущенно. – Ножи и кастеты! Люди сильно пострадали. Я против того, чтобы детей секли розгами, но им это не повредило бы.

Сара улыбнулась про себя. Айрин вечно так сердилась, так негодовала. Но Сара знала, что это лишь слова, а на самом деле у нее доброе сердце. После сюжета про евгеническую конференцию Сара вспомнила, что пару месяцев тому назад они вот так же выходили из кино и увидели, как подростки мучают монгольского мальчика, внушая ему, что после принятия новых законов его стерилизуют. Заступилась за него не кто иная, как Айрин, сторонница евгеники, – обругала задир и прогнала их прочь.

– Даже не знаю, куда мы катимся со всем этим терроризмом, – сказала Айрин. – Ты слышала, что Соппротивление устроило взрыв в армейских казармах в Ливерпуле? Что погиб солдат?

– Я знаю. Вероятно, сторонники Соппротивления скажут, что они ведут войну.

– Война – это убийство, и ничего больше.

– Нельзя верить всему, что сообщают про Соппротивление. Посмотри, как скрывают то, что случилось в прошлое воскресенье.

Они направлялись к «Британскому уголку» – так стали называться «Уголки Лайонса» после их экспроприации у евреев. Чайный зал, весь в зеркалах и сверкающем хроме, был полон женщин, совершавших походы по магазинам, но сестры нашли свободный столик на двоих и уселись. Когда официантка в аккуратных передничке и чепчике приняла заказ, Айрин огляделась.

– Думаю, вскоре пора будет думать о покупках к Рождеству. Никак не решу, что подарить мальчикам. Стив предлагает купить им большой железнодорожный набор Хорнби, но, по моему, он сам хочет в него поиграть. Няня говорит, что они предпочли бы армию игрушечных солдатиков.

– Как там няня?

– Кашель никак не проходит. Не думаю, что от доктора по страховке будет прок, ты ведь знаешь, какие они. Я договорилась насчет приема у нашего специалиста. Мне страшно, что дети заразятся, и потом, представь, как чувствует себя бедная девушка.

– Боюсь я Рождества, – сказала Сара, вдруг сникнув. – С тех самых пор, как умер Чарли. Айрин взяла сестру за руку, ее милое личико исказилось.

– Мне жаль, дорогая. Я тут разглагольствую о...

– Я не вправе ожидать, что люди никогда не станут упоминать о детях в моем присутствии.

Голубые глаза Айрин светились заботой.

– Я понимаю как это тяжело. Для вас с Дэвидом...

Сара достала из сумочки сигареты и предложила сестре. Затем, вдруг рассердившись, сказала:

– Вообще-то, после двух с лишним лет должно было полегчать.

– И никаких намеков на перемены? – спросила Айрин.

Сара покачала головой:

– Нет. – Она смахнула слезу. – Мне жаль, что в воскресенье Дэвид поругался со Стивом. Временами он бывает... не в духе.

– Пустяки. Мы все были на взводе.

– Потом он извинился. Но не то чтобы от чистого сердца, – со вздохом добавила Сара.

– Вы с Дэвидом... – проговорила Айрин, колеблясь. – Вам трудно оказалось переживать горе вместе, да?

– Мы были очень близки. Но Дэвид, он стал каким-то... непроницаемым. Стоит мне подумать... стоит вспомнить, как у нас все было, когда Чарли был жив. – Она посмотрела сестре в глаза. – Я подозреваю, что у него интрижка.

– О господи, – выдохнула Айрин. – Ты уверена?

– Нет. – Сара покачала головой. – Но мне так кажется.

Официантка принесла серебристый поднос с чаем и печеньем. Айрин налила чай и подала чашку Саре.

– С чего ты решила? – тихо спросила она.

– С ним работает женщина, с которой он дружит. Кэрол. Служит в канцелярии Министерства доминионов. Я встречалась с ней пару раз на корпоративах, внешне – ничего особенного, но очень умная, в университете училась. Яркая личность. – Сара язвительно хохотнула. – Боже мой, то же самое говорили про меня. – Она помедлила. – Дэвид работает иногда по выходным, вот уже год с лишним. Сегодня тоже. Говорит, что у них дел невпроворот, и я охотно верю, при всех этих сложностях в отношениях с доминионами. А еще, бывает, уходит по вечерам – якобы в теннисный клуб, поиграть со своим приятелем Джеффом. У них там есть теперь крытый корт. Утверждает, что это помогает ему отвлечься.

– Вполне вероятно, так и есть.

– Лучше, чем побыть дома со мной, надо полагать. Ну его к черту! – воскликнула Сара, снова разозлившись, потом потрянула головой. – Нет, я не это имела в виду.

Айрин замялась:

– С чего ты решила, что он интересуется этой женщиной?

– Это она интересуется им. Я поняла, когда мы встретались.

Айрин улыбнулась:

– Дэвид – очень привлекательный мужчина. Но ведь прежде он никогда... не сбивался с пути истинного? В отличие от Стива.

Сара выдохнула облачко дыма:

– В прошлый раз ты сказала, что пригрозила уйти от него и забрать мальчиков.

– Да. Думала, что это его остановит, – ты ведь знаешь, как он любит сыновей. Меня тоже, на свой лад. Сара, ты ведь не думаешь уйти от Дэвида?

– Нет. – Сара покачала головой. – Я люблю его сильнее, чем когда-либо. Я жалкая, правда?

– Нет, конечно! Но, дорогая, судя по всему, у тебя нет веских поводов подозревать что-либо. – Айрин пристально посмотрела на сестру. – Или есть? В прошлый раз Стива выдал запах чужих духов на воротнике.

– Пару недель назад, когда начало холодать, Дэвид попросил меня отдать в чистку его зимнее пальто. Я проверила карманы, как обычно, – он частенько забывает в них платки. И нашла использованный билет на один из обеденных концертов, что устраивают в церквях возле Уайтхолла. На оборотной стороне было имя – ее имя, Кэрол Беннет. Должно быть, она заказывала места.

– Может, они ходили целой группой? Ты у него не спрашивала?

– Нет. – Сара покачала головой и негромко добавила: – Я трусиха.

– Никакая ты не трусиха, – решительно возразила Айрин. – Концерт был в субботу?

– Нет, посреди недели. – Сара тяжело вздохнула. – А в прошлый четверг, вечером, когда Дэвид якобы отправился играть в теннис, я позвонила в клуб, чтобы проверить, там ли он. Шпионила за мужем, надо понимать. Так вот, его там не было.

– О милая, – промолвила Айрин. – Что ты намерена предпринять? Обвинить его?

– Мне иногда кажется, что так и надо поступить, но знаешь... – Сара взяла с тарелки недоеденное печенье. – Я боюсь, что, если опасение подтвердится, это будет означать конец для нас. А если я ошибаюсь, ссора еще сильнее отдалит нас друг от друга. Как видишь, я действительно трусиха. – Она нахмурилась. – Но я уже на пределе. Я думаю и думаю об этом, пока торчу одна весь день в своем проклятом доме.

– Не подумывала вернуться к преподаванию?

– Замужних не берут. – Сара вздохнула. – Ну, у меня хотя бы есть благотворительная работа. Комитет по игрушкам для детей безработных начинает заседать со следующей недели. Можно будет выходить из дому. Но переживать мне это не помешает.

– Дорогая, ты не должна позволять подозрениям разъедать тебя. Поверь, это самое худшее.

– Я продолжу следить за ним. И обязательно скажу что-нибудь, но только тогда, когда буду уверена. – Сара с мольбой посмотрела на сестру. – Я готова рискнуть чем угодно.

Когда они вышли из «Уголка», уже стемнело, в воздухе висел легкий туман. Покрытые влагой трамвайные рельсы поблескивали в свете уличных фонарей. Сестры обнялись и расстались. Сара пошла к станции метро – если поезда не подведут, она успеет приготовить ужин к половине восьмого, когда должен вернуться Дэвид. На улицах было ещелюдно, прохожие кутались в пальто; мужчины носили на голове котелки, шапки и хомбурги, женщины – шарфы или шляпы в виде блюда с перьями, модные в этом году. Рядом со входом на станцию метро «Лестер-сквер» рабочие соскребали нарисованную известкой букву «V», одну из эмблем Сопротивления. «V» – значит победа. Кто-то нарисовал ее тайком в течение ночи.

Когда Сара приехала, в доме было холодно. В маленькой прихожей были стойка-вешалка и массивный стол, где стояли телефонный аппарат и большая цветная ваза эпохи Регентства, некогда принадлежавшая матери Дэвида. Чтобы с вазой ничего не случилось, им пришлось убрать ее, когда Чарли начал ходить.

Сара, ставшая взрослой между двумя войнами, думала о себе как о независимой женщине, учительнице. Перед встречей с Дэвидом, в свои двадцать три, она начала переживать, что останется старой девой – не потому, что мужчины находили ее непривлекательной, а потому, что ей они казались тупыми. Во время войны 1939–1940 годов ей казалось, что из-за ухода мужчин на фронт женщины станут еще более независимыми, но потом все вернулось на круги своя. Теперь власти поощряли жен сидеть дома – пусть работают мужья.

Айрин считалась в семье красавицей, но и Сару с ее голубыми глазами, аккуратным прямым носиком и квадратным подбородком, придававшим лицу волевое выражение, никто не назвал бы дурнушкой. Она ни разу не влюблялась, пока в 1942 году не встретила Дэвида на танцах в теннисном клубе. Он вскружил ей голову, как выражаются в любовных романах. Год спустя она была уже замужем, а позже уехала с ним в двухлетнюю командировку в Новую Зеландию. А по возвращении обнаружила, что беременна Чарли. Иногда Сара скучала по работе, но любила своего малыша и уже планировала появление следующих.

Чарли рос сообразительным, живым мальчуганом, быстро научился ходить и все схватывал на лету. От Сары он унаследовал светлые волосы и черты лица, но по временам делался серьезным и торжественным – такое она подмечала иногда у мужа. Впрочем, с сыном Дэвид вел себя игриво, как-то по-детски, отчего у Сары сжималось сердце. Он старался приходить с работы пораньше; Сара с Дэвидом, держась за руки, сидели и смотрели, как Чарли играет перед ними на полу.

Лестница в доме была крутой, и они установили на верхней площадке детские ворота, хотя непоседливый малыш, чувствуя ограничение свободы, возмущенно ревел. Как-то раз, когда ему почти исполнилось три, Сара пошла наверх, в спальню, – накраситься перед походом

за покупками. Она взяла с собой Чарли и закрыла воротца на щеколду. На улице шел снег – деревья в маленьком садике и кустарник на аллейке были все в белом, – и Чарли страсть как хотелось выбраться наружу. Он вышел из спальни в холл и крикнул:

– Мамочка, я хочу увидеть снег!

– Минутку. Потерпи, золотце!

Послышались несколько негромких ударов, тоненький вопль и звук падения; затем наступила тишина, такая внезапная и абсолютная, что Сара услышала, как кровь шумит у нее в ушах. Секунду она сидела, окаменев, потом заорала: «Чарли!» – и выскочила в холл. Воротца на площадке были заперты, но когда она посмотрела вниз, то увидела, как Чарли лежит у подножия лестницы, разбросав руки и ноги. Буквально пару дней назад они с Дэвидом говорили о том, что сынишка подрос и нужно следить, чтобы он не перелез через преграду.

Сара ринулась вниз, все еще храня надежду, вопреки рассудку, но, еще не добежав до конца лестницы, по неподвижности глаз и неестественному наклону головы поняла, что сын мертв, у него сломана шея. Подхватив маленькое тельце, она прижала его к себе. Оно было еще теплым, и Сара обнимала его в безумной убежденности, что, если ей удастся согреть малыша своим теплом, не дать ему остыть, мальчик может вернуться к жизни. Позднее – она все-таки позвонила по телефону экстренной помощи, а Дэвида отпустили с работы домой – она объяснила, почему держала сына так долго, и Дэвид все понял.

Сара встряхнулась, сняла пальто и включила центральное отопление. Потом разожгла камин, пошла в кухню, щелкнула выключателем радио, и тишину нарушила веселая танцевальная музыка «Легкой программы». Она принялась готовить ужин. Несмотря на сказанное в беседе с Айрин, Сара понимала, что не способна справиться с этим, пока не в состоянии пойти на ссору с Дэвидом.

Глава 4

В то воскресенье Дэвид тоже ездил в Лондон – во второй половине дня. Он взял из запертого ящика ключ и камеру и положил их в карман пиджака рядом с удостоверением личности. Двухлетняя шпионская работа закалила и укрепила его, хотя, запутавшись в паутине лжи, он чувствовал, что какая-то часть его пребывает в полном смятении.

Других пассажиров было мало: рабочие вечерней смены и те, кто отправился навестить знакомых. Под пальто Дэвид надел спортивную куртку и фланелевые брюки – по выходным на работу разрешалось приходить в неформальном виде.

Напротив него женщина читала «Таймс». Бивербрук дополнил этой газетой свою медиа-империю накануне того, как стал премьером, – теперь он владел почти половиной газет страны, а лорд Ротермир, которому принадлежала «Дейли мейл», поглотил большую часть второй половины. «Что теперь ждет Америку?» – спрашивал заголовок, под которым помещалась фотография только что избранного Эдлая Стивенсона, с серьезным и умным лицом. «Двенадцать лет, при президентах-республиканцах, Америка занималась только собой. Поддастся ли Стивенсон, подобно Рузвельту, соблазну неумелого вмешательства в дела Европы?» Нервно-чают, с удовлетворением подумал Дэвид. Все у них пошло наперекосяк. В следующей статье муссировался вопрос о том, что назначенная на следующий год коронация Елизаветы может быть совмещена с празднованием двадцатилетия прихода герра Гитлера к власти в Германии: там замыслились грандиозные торжества, превосходившие по размаху даже итальянские празднества в честь тридцати лет правления Муссолини.

Дэвид вышел в Вестминстере и свернул на Уайтхолл. День выдался студеной, неприятный. Редкие прохожие кутались в свои драповые пальто. По наблюдению Дэвида, люди за минувшие десять лет стали одеваться хуже и выглядели более одинокими. На доске объявлений висела сохранившаяся с прошлого года Имперского фестиваля в Гринвиче афиша, грязная от сажи: молодая пара на фоне гор помогает малышу кормить телянку. «Новая, обеспеченная жизнь в Африке».

Здание Министерства доминионов располагалось на углу Даунинг-стрит. У дома номер десять стоял на посту полицейский. Куча венков у расположенного поблизости Кенотафа приобрела унылый и неряшливый вид. Он поднялся на крыльцо. Фриз над дверью изображал империю во всем ее разнообразии: африканцы с копьями, индийцы в тюрбанах, полный комплект викторианских государственных мужей – все черные от лондонской копоти. Обширный вестибюль был пуст. Сайкс, вахтер, кивнул Дэвиду. Несмотря на возраст, он обладал острым глазом.

– День добрый, мистер Фицджеральд. Снова рабочее воскресенье, сэр?

– Да. Увы, долг зовет. Кто-нибудь еще есть?

– Постоянный секретарь, на верхнем этаже. Больше никого. Люди выходят иногда поработать в субботу, но в воскресенье – очень редко. – Он улыбнулся Дэвиду. – Я помню то время, сэр, когда начинал здесь. Помощники министра зачастую не появлялись раньше одиннадцати. В выходные тут вообще не было никого, кроме дежурных.

Вахтер покачал головой.

– Имперские заботы, – сказал Дэвид, улыбнувшись в ответ, и расписался в журнале.

Сайкс повернулся к доске с пронумерованными ключами и отдал Дэвиду ключ от его кабинета, с металлической биркой. Дэвид направился к лифту – древнему, иногда застревавшему с людьми между этажами. Порой Дэвид думал, что когда-нибудь столетний трос лопнет и отправит в небытие всех, кто окажется в кабине. Поскрипывая, лифт медленно доставил его на третий этаж. Открыв массивную дверцу, Дэвид вышел. Перед ним располагалась канцелярия,

где в рабочие дни служащие безостановочно сновали за длинной стойкой, доставая или убирая папки; из-за двери машинописного бюро доносился стук клавиш. У дальнего конца стойки, напротив двери с матовым стеклом и табличкой «Только для имеющих допуск», стоял пустой стол Кэрл. Дэвид с секунду смотрел на него, потом повернулся и двинулся по длинному коридору. Как странно отдаются шаги, когда ты один в помещении.

Его кабинет занимал половину большой викторианской комнаты, элегантный карниз которой перерезался перегородкой. Посреди стола он увидел пухлую папку с материалами к совещаниям верховных комиссаров. Сверху, на скрепке, был проект повестки, приготовленный для Хабболда. Начертанная угловатым почерком начальника записка гласила: «Переговорили. Обсудим в понедельник».

Дэвид снял пальто, потом извлек из кармана крошечную серебристую камеру. По иронии судьбы, она была немецкой, фирмы «Лейка», – чуть крупнее коробка спичек «Суон Вестас»: с ее помощью можно было снять десятки документов при свете обычной лампы. Получив фотоаппарат, Дэвид отнесся к нему как к чему-то необычайному, штуковине из научно-фантастического романа, но со временем обвыкся. Чтобы справиться с нервами, он закурил.

Когда они в первый раз увиделись в теннисном клубе после той встречи в Хэмпстед-Хит, Дэвид спросил у Джеффа:

– Этот человек, Джексон, – он ведь государственный служащий, да?

На лице Джеффа появилась гримаса раздражения и одновременно – вины.

– Я не могу ответить на этот вопрос, старина. Ты же понимаешь, не могу.

– Джексону многое известно обо мне. Он интересуется мной с какой-то определенной целью?

– Не могу сказать. Сначала ты должен решить, хочешь ли поддерживать нас.

– Я вас поддерживаю. Ты имеешь в виду, хочу ли я делать что-либо для вас?

– Не для нас, а вместе с нами. Ситуация накаляется, теперь мы вне закона. – Джефф улыбнулся своей быстрой, язвительной улыбкой. – Если ты заметил.

Дэвид слышал репортажи по радио, где Британское Сопротивление объявляли изменнической организацией, гражданам полагалось сообщать о ее деятельности. Видел новые плакаты, на которых был изображен Черчилль в свою бытность министром во время войны 1939–1940 годов, в черном костюме и шляпе, с автоматом в руках. Подпись гласила: «Разыскивается живым или мертвым».

– В новостях сообщают о вооруженных забастовщиках, о взорванном в Глазго полицейском броневике. Это правда? – тихо спросил Дэвид, придвинувшись к другу.

– Эти люди сфабриковали выборы, – со значением проговорил Джефф. – И объявили нам войну. Ты прекрасно знаешь, что такое война.

– Я никогда не был пацифистом вроде Сары. – Дэвид покачал головой. – Но если я стану работать с вами, то поставлю под удар все. Свою собственную жизнь. Жизнь жены.

– Нет, если она не узнает. – На некоторое время повисла тишина, потом Джефф продолжил: – Дэвид, все в порядке. Ты справишься, я знаю.

– Ненавижу это все, – сказал Дэвид негромко.

Джефф посмотрел на него:

– Хочешь снова встретиться с Джексонем?

Дэвид сделал долгий, глубокий вдох.

– Да, – проговорил он наконец.

После нескольких встреч, в конце 1950 года, Джексон сообщил Дэвиду, что хочет сделать его агентом Сопротивления в Министерстве доминионов. Они вдвоем сидели в отдельной комнате в Вестминстерском клубе.

– Нам нужна информация, нужны сведения о том, что делает и затевает правительство. Это касается не только внутренних дел, но также международных отношений и имперской политики. В конечном счете ключевым пунктом мирного договора сорокового года было то, что Гитлер получает Европу, а мы сохраняем империю. И расширяем ее до немыслимых прежде пределов, чтобы компенсировать утрату европейского рынка. – Джексон грустно улыбнулся. – Отступление в империю. Давняя мечта правых. Мечта Бивербрука.

– Но мы добились того, что империя нас возненавидела.

– Да, с этим не поспоришь. – Снова печальная улыбка. Потом Джексон вперил в Дэвида пристальный, долгий взгляд. – У Сопrotивления есть свои люди в Министерстве по делам Индии и в Министерстве колоний. В Бенгалии, к примеру, с сорок второго года трижды разражался голод, о чем нам не сообщали. Нам нужен тот, кто сможет рассказать, что творится в доминионах. В Белой империи. Нам известно, что Канада, Австралия и Новая Зеландия не слишком довольны здешней политикой, а вот Южная Африка ее поддерживает. Мы хотим знать, как реализуются масштабные программы создания африканских поселений, каковы планы относительно образования новых доминионов – Восточной Африки и Родезии. Вы можете передавать нам сведения и документы. Будете время от времени встречаться со мной, а также с нашими товарищами из Министерства по делам Индии и Министерства по делам колоний.

– Джефф – это ваш человек в Министерстве колоний? – спросил Дэвид. И добавил мысленно: «А ты сам служишь в Министерстве иностранных дел». Джексон не ответил. – Я занимаю слишком низкую должность, чтобы иметь доступ к документам министерства.

Джексон кивнул большой седой головой и улыбнулся в свойственной ему манере: наполовину доверительно, наполовину снисходительно:

– Есть способы.

– Какие? – осведомился Дэвид.

Позже, оглядываясь назад, он сознавал, что именно в тот миг принял окончательное, бесповоротное решение.

– Так вы с нами? – спросил Джексон.

Дэвид помедлил, потом кивнул:

– Да.

Джексон улыбнулся, и эта улыбка была по-настоящему теплой.

– Спасибо, – сказал он и крепко пожал руку Дэвида.

Понемногу Дэвид узнавал, что у Сопrotивления есть свои люди повсюду: на заводах, в конторах, на селе. Они организуют протесты, расклеивают листовки, устраивают забастовки и демонстрации. Существуют даже небольшие районы, шахтерские поселки и отдаленные сельские округа, где власть принадлежит им, и полиция не отваживается туда соваться, разве что большими силами. Фаза пассивного сопротивления закончилась – полиция, армия и их здания стали законными целями. У оппозиции налажены связи с движениями Сопrotивления на континенте. И у нее везде есть шпионы, «кроты», работающие в государственных учреждениях по всей стране и ждущие команды.

Вскоре после этого, когда они снова встретились в клубе, Джексон сказал:

– Настало время представить вас на квартире в Сохо.

– Почему в Сохо?

– Сохо – хорошее место для встреч, на все случаи жизни. – Джексон улыбнулся. – Если на улице мы столкнемся с кем-нибудь из коллег по работе, он решит, что мы явились туда с той же целью, что и он, и едва ли полезет с расспросами. Ведь так?

Дэвид в первый раз посетил конспиративную квартиру на следующей неделе, вечером после работы. Он испытывал странные ощущения, спускаясь в метро на «Пикадилли-серкус»

и поднимаясь в Сохо. Дом располагался в узком переулке, в нужный Дэвиду подъезд вела дверь с облупившейся краской. Рядом был вход в итальянскую кофейню, где двое «джазовых мальчиков» стояли рядом с музыкальным автоматом, изрыгавшим модную жуть – американский рок-н-ролл. Газеты писали, что музыкальные автоматы убьют живую музыку, что их следует запретить. Дэвид постучал. Послышались шаги человека, спускавшегося по лестнице, дверь открылась. На пороге стояла темноволосая женщина; несмотря на полумрак, Дэвид увидел, что она хороша собой. На ней была бесформенная блуза в пятнах краски. Женщина вперила в него зеленые, слегка раскосые глаза и сказала: «Входите». Говорила она резко, с легким акцентом, который ему не удалось определить.

Он последовал за ней по узкой лестнице, где пахло сыростью и затхлыми овощами, в квартиру-студию – большую комнату с расставленными вдоль стен картинами на мольбертах, узкой кроватью и кухонькой в одном из концов. Картины, написанные маслом, были хороши. Одни изображали сцены городской жизни – узкие улочки, церкви в стиле барокко, – на других представляли укутанные снегом просторы с горами на дальнем фоне. Было полотно с людьми, лежавшими в снегу с красными пятнами, – это кровь, понял Дэвид. Сразу вспомнилась Норвегия: немецкие самолеты расстреливают колонну английских солдат, испуганно бредущих в снегу.

Джефф и Джексон сидели по обе стороны от электрического камина. Джефф неловко улыбался. Первой заговорила женщина.

– Добро пожаловать, мистер Фицджеральд. Меня зовут Наталия.

Улыбка у нее была приятная, но какая-то сдержанная. При свете она выглядела старше, чем ему показалось сначала, лет на тридцать пять. Под слегка суженными и приподнятыми по краям глазами виднелась сетка тонких морщин. Длинные и прямые каштановые волосы, широкий рот над острым подбородком.

– Вот здесь собирается наша маленькая имперская группа. – Джексон посмотрел на женщину с уважением, изумившим Дэвида. – Наталии можно полностью доверять. Когда меня здесь нет, она за старшего. На сходки являемся мы и больше никто, не считая нашего человека из Министерства по делам Индии.

– Понял.

– Ну что... – Джексон положил руки на колени. – Всем чаю? Наталия, не окажете нам честь?

Первое, что они обсуждали тем вечером, в конце 1950 года, было получение Дэвидом доступа в кабинет, где хранились секретные папки Министерства доминионов. Дэвид не видел никакой возможности пробраться туда: ключи имелись только у начальника канцелярии Дебба, а также у мисс Беннет, работницы, отвечавшей за хранилище секретных документов, и оба, выходя из здания, сдавали их вахтеру.

– Нам ключ не нужен, – сказал Джексон резко. – Только номер бирки. Как вам известно, на каждой отчеканен номер, четыре цифры, чтобы в случае утери ключа его могли сверить с записями в Министерстве труда.

– Во всех правительственных учреждениях шкафы для документов и ключи изготавливаются слесарями Министерства труда, – пояснил Джефф. – Когда вступили в силу правила сорок восьмого года, запрещающие евреям состоять на государственной службе, их всех уволили. По соображениям безопасности.

– Да.

Дэвид помнил ту ночь, когда парламент принял очередной антисемитский акт: он лежал рядом со спящей женой, сжав кулаки и широко открыв глаза.

– Был один старый еврей, слесарь, которого тогда выперли, – сказал Джексон. – Он пришел к нам и принес с собой спецификации на все ключи. Нам требуется только знать номер

ключа секретного хранилища, а копию он сделает. – Он улыбнулся. – Эти дурацкие еврейские законы иногда играют нам на руку.

– Но как мне узнать номер? – спросил Дэвид.

Джексон переглянулся с Джеффом.

– Расскажите о мисс Беннет.

– Она из набора тридцать девятого – сорокового годов, когда женщин принимали на административные должности по причине войны.

Джексон кивнул:

– Мне часто кажется, что женщины, оставшиеся на работе после мирного договора, должны чувствовать себя не в своей тарелке. Не замужем, естественно, иначе ей пришлось бы уволиться. Какая она, эта мисс Беннет?

Дэвид замялся:

– Славная женщина. Как я понимаю, ей очень скучно на этой рутинной работе.

Он подумал о Кэрол, о ее столе за стойкой, заваленном папками с красным крестом и надписью «Совершенно секретно», о сигарете, вечно дымящейся на пепельнице.

– Привлекательная? – осведомился Джексон.

Дэвид вдруг понял, куда они клонят, и что-то екнуло у него в груди.

– Не особенно.

Кэрол была высокой и худой, с большими карими глазами, темными волосами, вытянутым носом и таким же подбородком. Одевалась она хорошо, всегда добавляя цвета в виде броши или яркого шарфа, тихо бросая вызов правилам, которые предписывали служащим-женщинам придерживаться консервативного стиля в одежде. Но Дэвида она нисколько не интересовала.

– Увлечения, хобби, мужчина? Какую жизнь она ведет вне работы?

– Мы с ней разговаривали пару раз, не больше. Кажется, ей нравятся концерты. У нее есть прозвище, как у большинства младших сотрудников. – Дэвид помедлил. – Ее называют Синим Чулком.

– Значит, одинокая, скорее всего. – Джексон ободрительно улыбнулся. – Что, если вы подружитесь с ней, сводите раз-другой на обед? Ей наверняка польстит внимание со стороны красивого образованного парня вроде вас. Может, вам и выпадет шанс увидеть ключ.

– Вы мне предлагаете...

Дэвид обвел собеседников взглядом. Наталия улыбнулась ему с некоторой печалью.

– Соблазнить девушку? – спросила она. – Лучше не надо. Это может породить слухи и даже неприятности, учитывая, что вы женаты.

Джексон посмотрел на него:

– Но вы можете сблизиться с ней, уделять ей время.

Дэвид молчал.

– Сегодня мы все вынуждены делать то, что нам не нравится, – сказала Наталия.

Вот так Дэвид подружился с Кэрол. Он подходил к ее рабочему месту в конце длинной стойки, чтобы отдать или получить бумаги, и пользовался возможностью поболтать. Это оказалось просто. Кэрол не пользовалась популярностью в канцелярии с ее душной, консервативной атмосферой и была рада поговорить с кем-нибудь. Однажды Дэвид заметил, что она, кажется, училась в Оксфорде, как и он. Кэрол сообщила, что изучала английский в колледже Соммервилл, но истинная ее любовь – это музыка, вот только у нее не обнаружилось способностей ни к одному из инструментов, какие ей довелось пробовать. Он узнал, что она очень одинока: лишь пара подруг да несносная мать, о которой приходится заботиться.

Соратники советовали ему не спешить, но вышло так, что спустя месяц Кэрол сама проявила инициативу – довольно нерешительно. Она сказала, что иногда ходит на обеденные кон-

церты в местных церквях, и поинтересовалась, не хочет ли он составить ей компанию. Дэвид притворился, будто интересуется музыкой, и разглядел робкую надежду в ее глазах.

И они отправились на концерт, а после него зашли перекусить в «Британский уголок». Кэрол спросила:

– А ваша жена любит музыку?

– Сара редко выходит в последнее время. – Дэвид смутился. – Мы потеряли маленького сынишку в начале этого года. Несчастный случай в доме.

– Ой, нет. – Она выглядела искренне огорченной. – Мои соболезнования.

Дэвид не ответил, ему вдруг стало не по себе. Кэрол осторожно коснулась руки Дэвида. Тот резко отдернул ее, и женщина слегка покраснела.

– Простите, – сказал он.

– Я понимаю.

– Хорошо, когда в обед можно отвлечься, заняться чем-то другим.

– Да. Да, конечно.

Потом были новые концерты, новые походы в закусочную. Кэрол рассказала ему о проблемах с матерью. А сидя рядом с ним на концерте, старалась делать так, чтобы их тела соприкасались. Дэвид ненавидел себя за то, как поступает с ней. Но его связи с Сопротивлением крепили, как и он сам. В Сохо он узнавал то, о чем молчала пропаганда в прессе и на Би-би-си: о забастовках и стычках в Шотландии и на севере Англии, о хаосе в Индии, о бесконечной жестокости войны, которую вела Германия в России. Он видел, что чернорубашечники на улицах ведут себя все наглее, а отмеченные желтой звездой евреи жмутся в сторонку, потупив взгляд.

Ключ удалось увидеть только в январе. Наблюдая за Кэрол, Дэвид подметил, что на работе она хранит его в сумочке, а перед выходом всегда сдает вахтеру. Во время последнего концерта Дэвид обратил внимание, что Кэрол выглядит слегка рассеянной. За обедом она призналась, что мать стала совершенно невыносимой и обвинила дочь в краже денег из ее кошелька, хотя это чепуха, ведь обе живут на зарплату Кэрол. Женщина опасалась, что у матери начинается старческое слабоумие.

Дэвид придумал, как воспользоваться случаем. На следующей неделе он предложил посетить еще один концерт, на Смит-сквер. Кэрол с восторгом согласилась. Он сказал, что купит билеты по пути домой. В день концерта Дэвид принес документы в канцелярию и подошел к столу Кэрол. Та расшивала одну из секретных папок на две части, кропотливо перекладывая бумаги из одной в другую. Как обычно, Дэвид тщательно избегал смотреть на них – при всей своей симпатии к нему, Кэрол была отлично вышколена и непременно уловила бы его интерес.

– Ну, идем на концерт? – спросил он.

– Да, это будет здорово.

Дэвид заметил блеск в ее глазах.

– Какие там места?

Она недоумевающе улыбнулась:

– Так билеты же у вас.

– Нет-нет. Я отдал их вам.

Кэрол воззрилась на него:

– Когда?

– Вчера. Я уверен.

Она аккуратно закрыла папки, взяла сумочку и, как и надеялся Дэвид, открыла ее, поставив на стол. Затем достала из нее кошелек, наклонила голову, и стала рыться в его отделениях. Сумочка стояла открытой. Дэвид быстро огляделся: на них никто не смотрел – их дружба никого уже не удивляла. Дебб, начальник канцелярии, деловито перебирал бумаги. Дэвид немного наклонился, чтобы видеть содержимое сумочки. Там лежали пудреница, пачка сига-

рет и ключ с металлической биркой. Скосив глаза, он сумел разобрать вычеканенные цифры: 2342. И отступил на шаг как раз в тот миг, когда Кэрол оторвалась от кошелька.

– Ничегошеньки тут нет.

В ее голосе звучала тревога.

Дэвид достал свой бумажник, проверил и, изобразив удивление, извлек билеты.

– Мне так жаль. Они все время лежали тут. Простите, Кэрол.

Та с облегчением выдохнула:

– На минуту я испугалась, что у меня мозги съехали набекрень от переживаний за мать.

Возвращаясь на свое рабочее место, Дэвид зашел в мужской туалет. Он зашел в кабинку, и его жестоко стошнило. Он согнулся, тяжело дыша; вместе с рвотой вышло почти невыносимое напряжение, которое он чувствовал во время охоты за номером, но стыд никуда не делся.

С тех пор он начал приходить по выходным и фотографировать документы из секретных папок. По меньшей мере раз в месяц он встречался в Сохо с Джексон, с Джеффом – который действительно был агентом Сопротивления в Министерстве по делам колоний – и с Бордманом, высоким тощим мужчиной из Министерства по делам Индии, выпускником Итона, как и Джексон. Тихие дискуссии в обшарпанной квартире в Сохо тянулись часами, в то время как жившая по соседству проститутка, тоже сторонница Сопротивления, занималась своим ремеслом, отчего за стеной иногда слышались стоны и глухой стук.

Дэвид все больше узнавал о том, как непрочна фашистская Европа. Депрессия и необходимость удовлетворять гигантские, бесконечные военные потребности немцев, сражавшихся в России, выжали страны континента досуха, а принудительная отправка на работу в Германии вынуждала молодых людей во Франции, Италии и Испании в буквальном смысле прятаться по норам. На другой стороне света Япония намертво сцепилась с Китаем, в точности как Германия с Россией. Ее стратегия по отношению к китайцам была такой же, как у немцев применительно к русским, – в основе ее лежал принцип «три „все“»: все убивать, все жечь, все разрушать. Недавно Джексон – Дэвид теперь знал, что он служит в Министерстве иностранных дел, – сказал им, что слухи о политическом кризисе в Германии правдивы. Гитлер не появляется на публике, так как страдает болезнью Паркинсона. Едва способный принимать решения, фюрер видит в своих галлюцинациях евреев в шапочках и с пейсами, хихикающих над ним по углам комнаты. В ряде случаев галлюцинации являются симптомом последней и самой тяжелой стадии заболевания. После смерти Геринга от удара в прошлом году номинальным преемником стал Геббельс, но у него много врагов. Фракции, представляющие армию, нацистскую партию и СС, были готовы схватиться в борьбе за власть.

Кроме того, Дэвид узнал больше о Сопротивлении – союзе социалистов и либералов с традиционными консерваторами вроде Джексона и Джеффа, ненавидевшими фашистский авторитаризм и с печалью осознававшими, что имперская миссия провалилась. Число сторонников движения росло, и насилие становилось необходимостью – только так можно было дестабилизировать полицейское государство.

Наталия присутствовала всегда: жадно слушала, постоянно курила. Дэвид не понимал, какова ее роль, знал только, что она – беженка из Словакии, далекого угла Восточной Европы, о котором он почти ничего не слышал. На собраниях Наталия говорила мало, но всегда по делу. Со временем Дэвид заметил, что она начала смотреть на него так, как это делает Кэрол и как раньше делала Сара. Он не отвечал, но ее сосредоточенность и преданность делу, пусть несколько безжалостная, неожиданно затронули что-то в его душе.

Он затушил окурок. В это воскресенье ему предстояло скопировать кое-какие документы для следующего совещания верховных комиссаров, касавшиеся возможной военной поддержки Южной Африки в Кении. Потом сфотографировать секретную бумагу – Дэвид слы-

шал о ней, но ни разу ее не видел – о канадских поставках урана в Соединенные Штаты для программы создания атомного оружия. Было известно, что немцы тоже работают над атомной бомбой, но без особого успеха. Помимо прочего, им мешал недостаток урана. Они добывали его в Бельгийском Конго, но упустили большую партию сырья, которую бельгийцы отгрузили в Америку как раз перед тем, как колония была аннексирована Германией по условиям мирного договора 1940 года с Бельгией. Еще нужно было разыскать что-нибудь об угрозах Новой Зеландии выйти из состава империи. Это навело его на мысль об отце: он счастлив там и постоянно просит Дэвида с Сарой переехать к нему. Дэвид со вздохом сунул камеру в карман, взял пухлую папку для верховных комиссаров и вышел.

Он шел по коридору, ступая тихо. Папку можно было переснять и в своем кабинете, но лучше фотографировать документы при искусственном освещении, а в секретном архиве имелаась настольная лампа «Энглпойз». Войдя в канцелярию, Дэвид открыл дверцу стойки и прошел к столу Кэрл. В переполненной пепельнице высилась гора окурков. Он подошел к двери с матовым стеклом, достал дубликат ключа и открыл замок.

Комната была совсем небольшой, со столом в середине и папками на полках. Дэвид успел прекрасно изучить маршрут через стеллажи. На столе стоял «Энглпойз» с мощной лампой.

Он положил папку для верховных комиссаров на стол и принялся извлекать из ячеек коричневые конверты с диагональным красным крестом. У него ушел час на то, чтобы найти необходимые документы, наскоро определить их ценность, затем извлечь из конверта и аккуратно разложить на столе вместе с нужными ему бумагами из папки для верховных комиссаров. Работал он сноровисто, спокойно и очень тихо, постоянно прислушиваясь к звукам снарядов. Потом включил настольную лампу и тщательно сфотографировал документы, один за одним. Закончив, Дэвид погасил свет, сунул камеру обратно в карман пиджака и начал убирать секретные бумаги в папки, быстро затягивая завязки.

Он наполовину закончил, когда кто-то за дверью громко произнес его имя. Дэвид замер, стоя с секретной папкой в руке.

– Фицджеральда в его кабинете нет. – Бас принадлежал его начальнику, Арчи Хабболду. – Я спустился в канцелярию, вы же знаете, что в моем кабинете телефон не работает. Я об этом говорил.

Дэвид сообразил, что Хабболд общается с вахтером по телефону канцелярии и, как всегда обстояло дело с обслуживающим персоналом, говорил, словно обращался к неразумному младенцу.

– Вы точно видели, что он пришел? – Начальник пару раз сказал «угу» и наконец закончил разговор: – Ну ладно. До свидания.

Последовала мучительная тишина длиной в несколько секунд, потом послышались удалявшиеся шаги Хабболда.

Рядом со столом был стул. Дэвид опустился на него, стараясь взять себя в руки. Хабболд иногда заходил на работу по выходным, и вахтер наверняка сообщил ему, что Дэвид здесь. Он заглянул в кабинет Дэвида, потом зашел в канцелярию, чтобы позвонить.

Нужно скорее вернуться в свой кабинет, – обнаружив его отсутствие, Хабболд наверняка оставил записку. Можно будет сказать, что ходил в туалет, – начальник слишком брезглив, чтобы разыскивать его там. Дэвид со всей возможной быстротой вернул оставшиеся бумаги на место. Он всегда старался лишний раз проверить, все ли в порядке, но в этот день времени не было. Он положил на место документы из папки верховных комиссаров, сделал глубокий вдох, отпер дверь, вышел наружу и снова запер замок.

Вернувшись в кабинет, Дэвид обнаружил, что Хабболд действительно оставил записку. «Сказали, что вы здесь. Хотелось бы в последний раз проглядеть папку ВК. А.Х.». Дэвид снова сунул папку под мышку и поспешил вверх по лестнице, в расположенный этажом выше кабинет Хабболда.

Арчи Хабболд был невысоким, плотным мужчиной с редкими белыми волосами. Толстые стекла очков увеличивали глаза, мешая считывать выражение лица. Они с Дэвидом пришли в политический отдел одновременно, три года назад. Для Дэвида это было горизонтальным перемещением, хотя его давно следовало повысить. Однако он знал, что его считают надежным и старательным, но одновременно подозревают в недостатке амбиций. А вот Хабболд упивался своим назначением на должность помощника заместителя министра. Тщеславный, важный и привередливый, он был при этом умным и наблюдательным человеком. Когда обсуждались вопросы политики, Хабболд, подобно многим чиновникам, любил прибегать к парадоксам, сталкивая одну точку зрения с другой.

Дэвид постучал в дверь Хабболда.

– Войдите, – ответил бас.

Шагнув через порог, Дэвид постарался нацепить непринужденную улыбку. Начальник небрежно махнул, указывая на стул:

– Вы, значит, тоже работаете сверхурочно.

– Да, мистер Хабболд. Просто хотел проверить, все ли в порядке с протоколом. Увидел вашу записку. Прошу прощения, ходил в туалет. – Дэвид похлопал по папке под мышкой. – Желаете просмотреть?

Хабболд великодушно улыбнулся:

– Раз вы ее проверили, я не сомневаюсь, что все в порядке.

Он сунул руку в карман, извлек маленькую серебряную табакерку и высыпал на тыльную сторону ладони две щепотки коричневого порошка. Многие высокопоставленные государственные служащие охотно приобретали эксцентричные привычки. Хабболд, к примеру, нюхал табак, точно какой-нибудь джентльмен из XVIII века. Он быстро втянул в ноздри порошок, затем блаженно вздохнул и посмотрел на Дэвида.

– Не надо, чтобы работа по выходным входила в обычай, Фицджеральд. Что подумает о нас ваша жена, видя, что мы не даем вам передышки?

– Она не против отпустить меня время от времени.

Хабболд встречался с Сарой пару раз на корпоративах. Он приходил со своей супругой – резкой и бестактной особой, всегда норовящей влезть в разговор, к явной досаде мужа.

– Совместное времяпрепровождение – это основа *de bene esse*³ удачного брака, знаете ли.

Опять же, как многие чиновники, Хабболд любил приправить фразу латинским выражением.

– Да, сэр, – ответил Дэвид, и в голосе его проскользнула ненамеренная холодность.

– Нас попросили организовать совещание, – продолжил Хабболд более официальным тоном. – Предмет довольно деликатный. Некие члены СС из германского посольства хотят встретиться с чиновниками департамента Южной Африки, чтобы понять, нельзя ли применить некоторые приемы апартеида к населению России. Хотел спросить, не получился ли у вас устроить все завтра? На этом этапе будет просто встреча двух сторон, рабочее совещание. Но никому ни слова, ладно?

Дэвиду показалось, что при упоминании об СС на лице Хабболда промелькнула неприязнь. Но он понятия не имел о политических предпочтениях начальника, если таковые вообще имелись: всех неблагонадежных в политическом отношении давно вычистили со службы, вместе с евреями. О политике государственные служащие всегда говорили отстраненно и свысока, но теперь старательно избегали даже намека на какую-либо вовлеченность, если только не беседовали с проверенными друзьями.

– Я завтра переговорю с южноафриканцами.

Дэвид вышел. Пока он шел по коридору, руки его слегка тряслись.

³ Благополучие (*лат.*).

Домой он вернулся к шести. Сара сидела перед огнем и вязала. Он вручил ей большой букет астр, купленный по пути в ларьке.

– Предложение мира, – сказал он. – За прошлое воскресенье. Я был свиньей.

Она встала и поцеловала его:

– Спасибо. Как вечерний теннис?

– Недурно. Форму я оставил там, чтобы постирали.

– Как Джефф?

– Чудесно.

– Ты выглядишь усталым.

– Это из-за нагрузки. Фильм понравился?

– Очень хороший.

– Туман сгущается. – Дэвид помедлил. – Как дела у Айрин?

– Все в порядке. – Сара улыбнулась. – Мы встретили на Пикадилли пару «джазовых мальчиков», и это слегка вывело ее из себя.

– Представляю.

«Каким натянутым стало наше общение...» – подумал он. И, повинувшись порыву, сказал:

– Послушай, а не переклеить ли нам обои над лестницей?

Сара буквально обмякла от облегчения.

– Ах, Дэвид, как бы мне этого хотелось.

Он замялся, потом сказал:

– Иногда мне кажется... что когда-нибудь нам удастся забыть его.

Женщина подошла и обняла мужа:

– Мы никогда не забудем. Ты это знаешь. Никогда.

– Наверное, все забывается. Со временем.

– Нет. Даже если у нас появится другой ребенок, мы никогда не забудем Чарли.

– Я хотел бы верить в Бога, – сказал Дэвид. – Верить, что Чарли до сих пор жив, где-то в загробном мире.

– Я бы тоже этого хотела.

– Но жизнь у нас только одна, не так ли?

– Да, – ответила Сара и мужественно улыбнулась. – Только одна. И надо постараться прожить ее как можно достойнее.

Глава 5

Фрэнк сидел и смотрел в окно на двор лечебницы для душевнобольных, на мокрую лужайку и пустые цветочные клумбы. С раннего утра шел дождь, сильный и ровный. Фрэнку давали ларгактил, наркотик, и он почти все время был спокойным и сонливым. В приемном покое он сидел на сильной дозе, но после стабилизации состояния и перевода в главное отделение дозу уменьшили, и теперь периоды продолжительного отупения прерывались мощными вспышками воспоминаний: школа, миссис Бейкер и ее духовное руководство; день, когда ему покалечили руку. Фрэнк подозревал, что привыкает к наркотику, отчего его действие слабеет, но возвращаться к большой дозе не хотел – ему требовалась ясность ума, чтобы хранить тайну.

Тем понедельничным утром он зашел в боковую комнатку в главном крыле – ее называли «тихая палата» – отчасти потому, что другие пациенты пугали его, отчасти из желания избавиться от всепроникающего сигаретного дыма. Фрэнк никогда не курил. В школе он знал, что ему нельзя дымить вместе с другими ребятами за бойлерной – от табака он отключался, как и от многого другого. Пациенты постоянно стреляли у медперсонала курево: кто «Вудбайн», кто просто самокрутку. Потолки в больнице были черными от копоти. Фрэнк уселся в кресло, большое, старое и тяжелое, как и вся больничная мебель. Правая рука ныла: часто во время дождя боль струилась по двум поврежденным пальцам, усохшим и скрюченным, наподобие клешни.

Приехав в клинику три недели назад, Фрэнк удивился, что на окнах нет решеток. Но когда полицейская машина везла его через ворота, за высокой стеной он увидел полный воды широкий ров, который не был виден в окна больницы из-за кустарниковой изгороди. Один из пациентов в приемном покое, мужчина средних лет с морщинистым, белым как мел лицом и косматой шевелюрой, сказал ему, что собирается сбежать – переплыть через ров и перелезть через стену. Закон говорит, что, если ты сбежал из психушки и ухитрился не попасться в течение четырнадцати дней, ты свободен. Фрэнк смотрел на него, облаченного в больничную пижаму из серой шерсти, еще более бесформенную, чем у него самого. Даже если удастся сбежать, в чем он сомневался, идти ему теперь некуда. После случившегося в его квартире соседи известят полицию, лишь только увидят его снова. Как в школе – некуда бежать. Ворота школы были всегда открыты, но он понимал, что, если улизнет, проберется через эти унылые шотландские горы и каким-то чудом достигнет дома в Эшере, мать попросту вернет его обратно. Больница для умалишенных постоянно вызывала в памяти ужасы школы: dormitorio с железными койками, одетые в форму обитатели, по большей части не замечавшие его. И полностью мужской мир – как все психбольницы, эта разделялась на мужское и женское крыло, разнополые пациенты содержались отдельно. Судя по взглядам других пациентов, Фрэнк догадывался, что они знают о содеянном им и, быть может, даже побаиваются его. Медицинские работники тоже напоминали учителей – суровым военным обращением и склонностью прибегать к жестким мерам при возникновении сложностей. Фрэнк долгие годы старался не думать о школе, но теперь то и дело возвращался к ней мыслями. Впрочем, в школе было хуже, чем здесь.

Во второй половине дня Фрэнку предстояло явиться на прием к доктору Уилсону, главному врачу, чей кабинет располагался в приемном отделении. Идти ему не хотелось, единственное, чего хотелось, – сидеть в тихой комнате. Иногда сюда заходили другие пациенты, но в тот день он был один. Появилась надежда, что про него забыли – про приемы забывали сплошь и рядом, – но спустя час дверь открылась и вошел молодой человек в островерхом колпаке и коричневой саржевой форме старшего санитаря. Прежде Фрэнк его не встречал. Мужчина был низкорослым и коренастым, с узким лицом и длинным носом, когда-то основательно сломанным. Карие глаза смотрели настороженно. В руках он держал сложенный большой зонтик.

Он кивнул Фрэнку и дружелюбно улыбнулся. Фрэнк удивился: помощники по большей части относились к пациентам как к непослушным детям.

– Фрэнк Манкастер? – спросил медик с резким шотландским выговором. – Как поживаете?

Фрэнк широко осклабился, показав все зубы в своей обезьяньей улыбке. Шотландский говор заставлял его робеть, потому что напоминал о школе. Но речь санитаря сильно отличалась от выговора представителей эдинбургского среднего класса, с растянутыми гласными и раскатистым «р», который преобладал в Стрэнгмене, – он говорил быстро, слепляя слова, более гортанно, но, на взгляд Фрэнка, не так угрожающе. Глаза санитаря немного расширились – так бывало со всеми, кто видел улыбку Фрэнка в первый раз.

– Меня зовут Бен, – сказал он. – Я отведу вас к доктору Уилсону. В дневной комнате сообщили, что вы здесь.

Фрэнк неохотно пошел вслед за Беном через комнату для отдыха, где несколько пациентов сидели, ссутулившись, перед телевизором. Показывали «Детский час» – марионетка в полосатой пижаме лихорадочно плясала на концах веревочек.

Они прошагали по гулкому коридору к главной двери, вышли под дождь. Бен раскрыл зонтик и знаком пригласил Фрэнка встать рядом. Оба зашлепали по залитой водой дорожке, проходившей через лужайку.

– Как понимаю, вы видели доктора Уилсона в приемном покое? – осведомился Бен как бы между делом.

– Да, и на прошлой неделе тоже. Он сказал, что собирается назначить мне лечение.

Фрэнк искоса поглядел на Бена. После пребывания в приемном покое он мало с кем разговаривал, но этот санитар держался приветливо.

– Какое лечение?

Фрэнк пожал плечами:

– Не знаю.

– Ему, доктору Уилсону, нравятся новые методы терапии. Сдается, у него есть недурные идеи: этот новый наркотик, ларгактил, лучше старых, фенобарба и паральдегида. Господи, как же они воняют, тот и другой!

– Я ему сказал, что хочу уйти, вернуться к работе, но доктор ответил, что я еще не совсем готов. Спросил, не хочу ли я поговорить о своих родителях, – не знаю для чего.

– Угу, он это любит.

В голосе Бена проскочила веселая, полупрезрительная нотка.

– Загвоздка в том, ответил я, что мой отец умер до моего рождения, а мать тоже мертва. Доктор сердито посмотрел на меня.

– Вы ведь были ученым до того, как попали сюда?

– Да. – В тоне Фрэнка прозвучала гордость. – Я – научный сотрудник Бирмингемского университета. Геологический факультет.

– Мне кажется, вас могли бы поселить в «частной вилле». У вас была бы отдельная палата.

Фрэнк грустно покачал головой:

– Как понимаю, есть документ, лишаящий меня права распоряжаться своими деньгами. И нет никого, кто мог бы стать опекуном.

Бен сочувственно кивнул:

– Наш социальный работник может об этом позаботиться. Вам следует попросить доктора Уилсона.

Они добрались до приемного покоя – прямоугольного двухэтажного здания, сложенного из красного кирпича, как и все строения психбольницы. У порога Бен сложил зонтик. Фрэнк оглянулся, посмотрев на огромный главный корпус. Он стоял на небольшом возвышении, и

в ясный день сквозь пелену вдаль виднелся Бирмингем. Снаружи лечебница, с многочисленными окнами по фасаду и аккуратными лужайками, походила на сельское поместье. Внутри все было иначе: тысячи пациентов, распаханные по тесным каморкам с убогой мебелью и обшарпанными стенами. Из приемного покоя вышли две медсестры женского отделения, в накидках поверх накрахмаленных халатов.

– Доброе утро, мистер Холл, – весело окликнула одна Бена. – Поганный денек.

– Ага, это точно.

Сестры раскрыли зонтики и быстро зашагали по подъездной дороге к запертым воротам. Фрэнк смотрел им вслед. Бен коснулся его руки.

– Очнитесь, приятель, – мягко произнес он. – Идемте.

– Как бы я хотел выйти отсюда...

– Только не после того, что вы натворили, Фрэнк, – процедил Бен. – Позвольте, я вас провожу.

Разум Фрэнка избегал касаться события, приведшего его сюда. Но порой, когда действие ларгактила ослабевало, он думал о нем.

Началось все со смерти матери, около месяца тому назад. То была старушенция лет за семьдесят, маленькая, согбенная и ворчливая, жившая одна в своем эшерском доме. Фрэнк навещал ее несколько раз в год из чувства долга. Его старший брат Эдгар виделся с матерью только во время кратких наездов из Калифорнии. При встречах миссис Манкастер сравнивала Фрэнка с братом – не в пользу первого, как делала всю свою жизнь. Эдгар женат, у него дети, работает физиком в крупном американском университете, а Фрэнк застрял на своей никчемной должности и десять лет никуда не двигается. Она говорила, что живет ожиданием писем от Эдгара. Фрэнк предполагал, что в те дни его мать ни с кем, кроме него, не виделась, – увлечение спиритизмом закончилось пять лет назад, когда умерла миссис Бейкер, ее духовная наставница, и еженедельные сеансы в столовой прекратились.

Фрэнку позвонил на работу сотрудник полиции, сообщив, что с его матерью приключился удар во время похода в магазин и два часа спустя она умерла в больнице. Фрэнк отправил телеграмму Эдгару, и тот, к удивлению младшего брата, тут же ответил, что приедет на похороны. Фрэнк не хотел видеть Эдгара, поскольку терпеть его не мог, как и поездки по железной дороге, и тем не менее поехал из Бирмингема в Эшер, чтобы встретиться с Эдгаром в доме, где они выросли. По пути он пытался представить, каким стал брат. Он теперь американский гражданин. В письмах, которые показывала ему мать, только и говорилось, что о кипучей жизни в Беркли, о том, как брат любит Сан-Франциско, как поживают его жена и трое детей.

Но, навестив мать на Пасху, Фрэнк узнал, что Эдгар впервые в жизни расстроил ее – написал, что они с женой разводятся. Миссис Манкастер была в ужасе, ломала скрюченные руки и говорила Фрэнку, что невзлюбила жену сына в тот единственный раз, когда они оба приезжали в Англию: бесстыжая, самовлюбленная – типичная американка. Потом мать расплакалась, говоря, что никогда не увидит внуков, и с горечью прибавила, что от Фрэнка она их едва ли дождется. Фрэнк допускал, что потрясение и обида вызвали у нее удар.

Многолюдство в поезде пугало его, и он обрадовался, выйдя из вагона в Эшере. Он пошел к дому. Холодный, туманный день клонился к вечеру. Мимо промчался паренек на новом мотороллере «Веспа», заставив его подпрыгнуть. Войдя в дом, Фрэнк поразился непривычной для него пустоте, необычной тишине. Миссис Бейкер объяснила бы это тем, что дух покинул жилище. Фрэнк слегка поежился. Повсюду пыль, отклеившиеся обои, пятна сырости. Раньше он не замечал, насколько скверно мать содержит дом.

Эдгар приехал несколькими часами позже. Со времени последней их встречи он похудел. Сорокалетний, в очках, краснолицый, с плешью – от красоты молодости, которой так завидовал Фрэнк, осталось одно воспоминание.

– Ну вот, Фрэнк, – проронил Эдгар. – Выходит, ее больше нет.

За время учебы в Стрэнгмене Эдгар приобрел шотландский выговор, теперь же он гнусавил, как американец. Фрэнк провел брата по дому.

– Состояние неважное, – сказал Эдгар. – Такое впечатление, что в некоторых комнатах годами никто не бывал.

Они перешли в столовую. На полу валялся мышинный помет.

– Черт! – раздраженно буркнул Эдгар. – Я и не знал, что она так жила. Ты не пробовал уговорить ее переехать?

Фрэнк не ответил. Он смотрел на большой обеденный стол. Электрическая лампочка наверху по-прежнему скрывалась под абажуром из марли – для общения с миром духов миссис Бейкер требовался приглушенный свет.

Эдгар задумчиво поджал губы:

– Что в Англии с ценами на дома?

– Падают. В экономике дела идут не очень.

– Лучшее, что мы можем сделать, – как можно скорее сбыть эту халупу с рук. Продать какому-нибудь застройщику.

Фрэнк коснулся стола:

– Помнишь сеансы?

– Сборы придурков. – Эдгар презрительно рассмеялся. – Они все были чокнутые. Мать тоже. Верила, будто отец навещает ее каждую неделю, так как хотела все время упрекать его, что в четырнадцатом году он ушел на войну и оставил ее.

– Вряд ли она простила его за то, что он ушел воевать.

Эдгар внимательно посмотрел на брата:

– Быть может, именно поэтому она не смогла полюбить тебя – ты слишком на него похож.

Тем вечером Эдгар предложил сходить куда-нибудь поужинать, и они отправились в ресторан за несколько улиц от дома. Местечко было так себе. Братья заказали жаркое из говядины с картошкой и брюссельской капустой, все это плавало в водянистой подливке. Эдгар взял пива. Фрэнк, как обычно, пил мало, но отметил, что Эдгар опрокидывает одну бутылку за другой.

– Еда в этой стране все такая же ужасная, – сказал Эдгар. – В Калифорнии ты можешь получить что захочешь, отлично приготовленное и много. – Он покачал головой. – С каждым моим приездом эта страна кажется все более жалкой и заброшенной.

– Ты видел Олимпийские игры в Сан-Франциско этим летом?

– Нет. Но жизнь они здорово осложнили, это я могу сказать. Следующие пройдут в Риме, не так ли? Старина Муссолини все испортит – эти итальяшки те еще организаторы. Кстати, я тут заметил повсюду на стенах буквы V и R. Это что значит?

– Символы Сопротивления. R – «Резистанс», а V – жест Черчилля, означающий победу.

– Я бы показал ему этот жест. – Эдгар расхохотался. – Как Бивербрук? По-прежнему лижет задницу немцам?

– Да-да, – подтвердил Фрэнк. – Так и есть.

– Слава богу, что Британия проиграла войну, а Рузвельт проиграл выборы в сороковом году, и Тафт заключил сделку с японцами. Вот только если этот исполненный благих намерений левак Эдлай Стивенсон победит на выборах в ноябре, он может начать совать нос в европейские дела.

– Ты так думаешь? – спросил Фрэнк, несколько задетый.

Эдгар резко посмотрел на него:

– Я слышал, что эти парни из Сопротивления устраивают тут беспорядки. Захватывают оружие в полицейских участках, вооружают забастовщиков, взрывают бомбы, даже убивают людей.

Фрэнк набрался храбрости:

– Может, Стивенсону неплохо было бы сунуть сюда нос и навести здесь порядок.

– Америке следует заниматься своими делами. Нам-то никто не доставит проблем, – самодовольно добавил Эдгар. – Особенно теперь, когда у нас есть атомная бомба.

Четыре года назад, в 1948 году, американцы заявили, что произвели взрыв атомной бомбы, вышел даже фильм, где показывались испытания в пустыне в Нью-Мексико. Немцы заявили, что это постановка.

– Я никогда не верил в правдивость этих историй, – заметил Фрэнк. – Я знаю, что теоретически создать атомную бомбу можно. Но для этого необходимо воистину колоссальное количество урана. Слышал, что немцы тоже пытаются ее сделать, но покуда без толку. Если бы им удалось, мы бы уже узнали. – Он посмотрел на брата, как ученый на ученого. – Как ты думаешь?

Эдгар вперил в него тяжелый взгляд:

– У нас есть атомная бомба. И много чего еще: зажигательные бомбы нового образца, химическое оружие. В ближайшие годы мы сделаем межконтинентальные ракеты. Немцы наверняка тоже, вот только наши боеголовки будут нести атомные заряды.

– И где мы все окажемся? – с горечью спросил Фрэнк.

– Насчет тебя не знаю, но с нами все будет в порядке.

– Пока Англия прикована к Германии...

Фрэнк покачал головой. Он всегда ненавидел нацистов и чернорубашечников, всю свору этих горлопанов. И сожалел, что в далеком сороковом Британия сдалась.

Эдгару никогда не нравилось слушать возражения Фрэнка. Он нахмурился и отхлебнул еще пива.

– Девчонкой-то обзавелся? – спросил он.

– Нет.

– И ни одной не было, да?

Фрэнк не ответил.

– Женщины – подлые суки, – неожиданно заявил Эдгар, да так громко, что посетители за соседними столиками оглянулись. – Ну вот, закрутил я со своей секретаршей, и что с того? Элла теперь получает половину моей зарплаты в виде алиментов.

– Мне жаль.

– Я мог бы распорядиться своей половиной денег от продажи маминого дома.

– Я не против. Можем продать, если хочешь.

Так вот зачем Эдгар на самом деле приехал – за наследством.

Эдгар расслабился.

– Документы в доме? – спросил он.

– Да. В ящике стола. Вместе с мамиными чековыми книжками.

– Я их заберу, если ты не против. Чтобы... как это у вас называется? Заверить?

– Если хочешь.

– Ты так и работаешь лаборантом в Бирмингемском университете? – поинтересовался Эдгар.

– Я больше не лаборант. Я научный сотрудник.

– И что ты там исследуешь, а?

Тон Эдгара стал воинственным. Фрэнк понял, что брат очень пьян. Ему вспомнился один лектор в Бирмингеме, который после развода начал пить. Его потихоньку отправили на пенсию, досрочно.

– Структуру метеоритов, – ответил он. – То, как их элементы взаимодействуют друг с другом.

– Метеориты! – расхохотался Эдгар.

– А ты над чем работаешь?

Дурацким жестом пьяного Эдгар постучал себя по боковой стороне носа, сдвинув очки.

– Правительственное задание. Не могу рассказывать. Там были не очень рады, что я поехал сюда на похороны. Приходится каждый день ходить в посольство и отмечаться. – Он взял меню. – Что тут у них держат за пудинг? Господи, пятнистый хрен!

Похороны миссис Манкастер состоялись несколько дней спустя. Фрэнк договорился с местным священником, предусмотрительно не сообщив ему о религиозных взглядах покойной. Помимо Фрэнка и Эдгара, пришли только несколько женщин, знакомых по времени спиритических сеансов, – Фрэнк разыскал их адреса в записной книжке матери. Все стали пожилыми, унылыми и полинявшими. После службы одна из них подошла к братьям и сказала, что их мать теперь воссоединилась с мужем на другой стороне и прогуливается по садам в мире духов. Фрэнк вежливо поблагодарил ее, а Эдгар ожег неприязненным взглядом.

– Коль зашел разговор о спиритизме, я был бы не против глотка спиртного, – заявил он, когда они уходили с кладбища.

Они направились в паб на главной улице Эшера. Эдгар пил много, но агрессии в этот раз не выказывал. Для Фрэнка церковная служба была просто ритуалом, представлением вроде спиритического сеанса, а вот на Эдгара она, похоже, подействовала сильно.

– Странно думать, что мать ушла. Господи, все-таки она была с заскоками.

– Да уж.

По крайней мере, в этом братья сошлись.

– Мне скоро возвращаться. Я нужен в Беркли. Но я могу задержаться на несколько дней. – Эдгар посмотрел на брата. – Мне бы очень помогло, если мы выставим дом на продажу.

Фрэнк был по горло сыт Эдгаром и после окончания похорон считал часы до своего отъезда.

– Выставляй, если хочешь, – сказал он. – Мне сегодня нужно ехать в Бирмингем.

– Ты мог бы побыть здесь денек-другой. Неизвестно, когда нам доведется свидеться снова. Господи, – снова простонал Эдгар. – Мама ушла. Все в моей жизни полетело к чертям, – добавил он, жалея себя.

– Я обещал, что завтра вернусь на работу, – быстро проговорил Фрэнк. Он встал. – Прости, Эдгар, но мне в самом деле пора, если я хочу успеть вовремя.

Губы Эдгара обиженно надулись. Он воззрился на Фрэнка через очки. Потом протянул мясистую руку. Фрэнк ее принял.

– Ладно, – проронил Эдгар. – Так тому и быть. – Потом с недобрый выражением в глазах указал кивком на ладонь брата с искалеченными пальцами. – Как они теперь?

– Побаливают при плохой погоде.

– Странный был несчастный случай, да?

Фрэнк встретился с братом взглядом и понял: Эдгар знает о том, что случилось на самом деле. В ту пору он учился в университете, но поддерживал связи с приятелями из Стрэнгмена, и кто-то, должно быть, сообщил ему.

Фрэнк повернулся.

– Прощай, Эдгар, – сказал он и торопливо вышел.

Он уехал назад в Бирмингем и вернулся к работе. Стоял чудесный октябрь, один теплый солнечный день сменялся другим, желтые листья тихо осыпались с деревьев.

Последние десять лет Фрэнк жил в большой викторианской вилле, разделенной на наемные квартиры. У него были четыре комнаты на втором этаже. Здание содержалось не лучшим образом: краска на входной двери и окнах облупилась, половина рам сгнила. В воскресенье, десять дней спустя после похорон матери, он сидел и читал «Двадцать тысяч лье под водой», когда раздался звонок в дверь. Фрэнк резко поднялся, спустился по лестнице и открыл парадную дверь. Перед ним стоял Эдгар, явно в сильном подпитии, хотя было всего три часа пополудни. Фрэнк недоуменно воззрился на брата.

– Не ожидал меня увидеть? – спросил Эдгар. – Войти пригласишь?

– Ах да. Прости.

Фрэнк повернулся и пошел к лестнице. Эдгар последовал за ним. Сердце у Фрэнка колотилось. Зачем он приехал? Чего хочет? Они вернулись в квартиру, которую Фрэнк, въехав, обставил мебелью из торгующих старьем магазинов.

– Боже, – проговорил Эдгар. – Это напоминает мамин дом. Кстати, я передал его агенту и нашел адвоката, чтобы тот позаботился о вступлении завещания в силу.

– Прекрасно, – одобрил Фрэнк.

– Решил приехать и рассказать. Тебе надо провести телефон. У большинства людей в Штатах есть телефон.

– Мне он ни к чему.

Эдгар глянул на две пыльные фотографии в рамках, стоявшие на столике.

– У тебя есть портрет папы, как вижу. Господи, как же вы похожи!

Фрэнк посмотрел на снимок в сепийных тонах: отец в военной форме, прямо и неловко глядящий в камеру. Фрэнк иногда размышлял: видел ли отец тогда окопы, ожидал ли, что окажется в них?

– А на другом что? – спросил Эдгар.

– Мой год в Оксфорде.

«Зачем он приехал? – снова подумал Фрэнк. – Чего хочет?»

Эдгар подошел к книжному шкафу, посмотрел на зачитанные фантастические романы.

– Эй, некоторые из них я помню еще с тех пор, когда ты был мальчишкой. Ты всегда читал их на каникулах. – Он повернулся и улыбнулся Фрэнку резиновой полупьяной улыбкой. – Я улетаю сегодня вечером. И подумал, что стоит заехать к тебе и рассказать насчет дома. – Эдгар помолчал, потом сказал: – Хочу, чтобы мы расстались по-доброму.

– А...

– Может, я тут у тебя заночую, а завтра загляну в лабораторию?

– Прости, – пробормотал Фрэнк. – Это не очень удобно. Понимаешь, у меня тут только одна кровать.

Эдгара выглядел обиженным и слегка смущенным.

– Гости ко мне не ходят, – добавил Фрэнк.

– Ну конечно. – Лицо Эдгара разгладилось. – Я не сомневался. Не против, если я сяду? – Шатаясь, он добрался до кресла. – О господи, Фрэнк, избавь меня от своей обезьяньей ухмылки.

Фрэнк помнил ужасное происшествие: это случилось, когда ему было двенадцать лет. Они с Эдгаром уезжали из Стрэнгмена на летние каникулы. Эдгару тогда исполнилось шестнадцать, он был высокий блондин и держался с подчеркнутым высокомерием. Мать в несвойственной для нее манере предложила им вместе сходить в зоопарк.

– Мы слишком мало думаем о животных, – сказала она. – Миссис Бейкер утверждает, что у них есть душа, как у нас.

И мать обвела их серьезным и печальным взглядом, как это с ней бывало.

Они отправились в Уипснейд и принялись прогуливаться среди клеток.

– Давайте заглянем сюда, – сказал Эдгар, когда они проходили мимо обезьяньего домика.

Он шел впереди, а Фрэнк неохотно плелся следом рядом с матерью, впавшей в одно из своих задумчивых и отрешенных состояний. Внутри было неприятно: длинный бетонный коридор с решетками по обе стороны, вонь, куски выбрасываемой обезьянами из клеток соломы, устилавшие пол. Несколько человек шли по коридору, хохоча над забавными проделками мартышек. Здоровенный орангутанг злобно смотрел на них из своего темного логова. Эдгар поглядел на Фрэнка, потом повернулся к матери:

– Мам, глянь на этого шимпанзе!

Шимпанзе тут был только один, он сидел в клетке на куче грязной соломы и тарасился на них. Эдгар помахал рукой, и обезьяна отпрянула, оскалив зубы в ухмылке, в которой Фрэнк уловил страх и опаску.

– Что за уродливая скотина, – сказала миссис Манкастер.

Эдгар засмеялся:

– Ее усмешка не напоминает тебе улыбку Фрэнка?

Мать рассеянно посмотрела на Фрэнка:

– Да. Пожалуй, напоминает, в некотором роде.

– Ребята в школе прозвали его Мартышкой из-за этой усмешки. Мартышка Манкастер.

– Не надо больше так делать, Фрэнк, – сказала миссис Манкастер.

Фрэнку сделалось так жарко, что он боялся упасть в обморок. Эдгар ухмыльнулся:

– Тут жутко воняет, – заметила миссис Манкастер. – Должна признать, я не могу представить себе этих существ в садах духов. Пойдемте поглядим на птичек.

А теперь Эдгар заявился к нему в дом. Сидя в побитом молью кресле, он снова обвел взглядом комнату.

– Я подумал, что тебе пора обзавестись чем-нибудь получше.

– Меня тут все устраивает.

Эдгар снова впери в него тот самый озадаченный взгляд.

– Никак не могу понять, почему ты занялся наукой в университете. Чтобы посоревноваться со мной, доказать мне, что ты тоже чего-то стоишь?

– Нет. – Фрэнк уловил в своем голосе нотку гнева. – Я пошел в науку, потому что мне она нравится. Это то, что я хорошо умею делать.

Эдгар выглядел разочарованным. Потом ухмыльнулся, совсем как тогда, в зоопарке:

– Метеориты изучаешь?

– Да.

Эдгар поерзал в кресле:

– Найдется что-нибудь выпить?

– Только чай и кофе. – (Они посмотрели друг на друга.) – Пожалуй, тебе не стоит больше пить. Ты... тебе хватит.

Эдгар побагровел. Он поджал губы, потом наклонился вперед:

– Тебе известно, что я делаю? В чем состоит моя работа?

– Нет. Знаешь, Эдгар, тебе, наверное, лучше уйти. Пить здесь нечего...

Эдгар встал, слегка покачиваясь, и вдруг принял угрожающий вид. Фрэнк тоже поднялся на ноги, внезапно испугавшись. Эдгар двинулся по пыльному ковру, прямо на него, а потом сказал, дохнув алкоголем на Фрэнка:

– Я тебе скажу, в чем заключается моя чертова работа.

И он сказал. Сказал, над чем работает, и, как один ученый другому, объяснил, как ему и коллегам удалось достичь результата. Объяснение было полным, пугающе логичным.

– Как видишь, мы решили проблему, – прокаркал Эдгар голосом, полным пьяного самодовольства.

Фрэнк пошатнулся, лицо его перекосилось от ужаса. Теперь он понял, почему начальники Эдгара возражали против его поездки на похороны. Фрэнк хотел только одного – чтобы

его оставили в покое, а теперь ему не знать покоя и безопасности до конца жизни. Был сотворен ужас, не уступающий изобретениям в фантастических романах, и Эдгар поведал ему, как именно. Он смотрел на Эдгара и вдруг понял, что его брат, этот одинокий, сломленный человек, хочет, чтобы Фрэнк знал о его силе.

– Не стоило говорить мне это, – произнес Фрэнк отчаянным шепотом. – Боже милосердный, ты больше никому не рассказывал? – Он вцепился в волосы и вдруг понял, что кричит: – Иисусе, немцы не должны узнать...

Эдгар нахмурился; до его затуманенных мозгов начала доходить серьезность содеянного им.

– Ну конечно, я никому не говорил, – ответил он резко. – Успокойся.

– Ты пьян. Ты пьян половину времени с тех пор, как приехал сюда. – Фрэнк схватил брата за руку. – Возвращайся домой и не проболтайся никому больше. Если кто-нибудь услышит то, о чем ты сообщил мне...

– Ну хорошо! – Теперь Эдгар выглядел встревоженным. – Хорошо. Забудь о том, что я сказал...

– Забыть? – взвыл Фрэнк. – Да как... я могу... забыть!

– Бога ради, заткнись, перестань орать. – Эдгар весь вспотел и покраснел как свекла. Он долго смотрел на брата, потом тихо произнес, обращаясь скорее к себе, чем к Фрэнку: – Даже если ты кому-нибудь скажешь, никто тебе не поверит. Тебя сочтут безумцем, а может быть, уже держат за слабоумного – посмотри на себя, ухмыляющийся, ничтожный калека...

И вот, всего лишь во второй раз за свою жизнь, Фрэнк потерял контроль над собой. Он бросился на брата, молотя его руками и ногами. Эдгар был намного крупнее Фрэнка, но он сильно выпил и потому отступил, неловко вскинув руки в попытке защититься. Фрэнк наседа, нанося удар за ударом, Эдгар пошатнулся и упал на окно. Гнилая рама проломила под его весом; дико крича и размахивая руками, он полетел вниз вместе с осколками стекла и исчез.

Фрэнк тупо смотрел на разбитое окно. Октябрьский ветер врывался в комнату. Снизу, из сада, раздался стон. Фрэнк неуверенно шагнул вперед и выглянул из окна. Эдгар лежал навзничь на каменной плитке, держась за правую руку и корчась от боли. «Ну вот, я это сделал, – подумал Фрэнк. – Приедут полицейские и все узнают».

– Это будет конец света! – заорал он во весь голос. Гнев и ужас заполняли все его существо. Развернувшись, он опрокинул стол, потом побежал в кухню, распахнул дверцы буфета, стал доставать тарелки и бить их о пол. Ему пришла безумная мысль, что если он поломает и побьет все вокруг, то сумеет прогнать из головы ужасное знание, сообщенное ему Эдгаром, а заодно и обуявшую его ярость. Когда приехала полиция, Фрэнк все еще бегал по квартире, ломая мебель, истекая кровью, – он получил несколько порезов.

Доктор Уилсон был маленьким круглым человечком с лысой головой, в белом халате поверх коричневого костюма-тройки. Он восседал за большим, заваленным бумагами столом. Взгляд прятаящихся за очками в черепаховой оправе глаз был пронизательным, но усталым. Когда Фрэнк вошел, врач отложил документ с государственным гербом: щит, лев и единорог. Фрэнк заметил название: «Стерилизация недееспособных: материалы для обсуждения». На губах Уилсона мелькнула быстрая, утомленная улыбка.

– Как вы сегодня, Фрэнк?

– Замечательно.

– Чем занимались?

– Просто сидел в отделении. Нас не выводили сегодня на прогулку из-за дождя.

– Да, – с улыбкой сказал Уилсон. – Через пару недель мы устраиваем специальную поездку для пациентов, чье состояние это позволяет. В Ковентрийский собор. Настоятель готов принять дюжину больных, с медработниками, конечно. Не хотите поехать? Прекрасное сред-

невековое строение. Пятнадцатый век, кажется. Мне бы хотелось, чтобы в экскурсии приняли участие несколько... образованных пациентов. Вас это интересует?

– Нет, спасибо, – ответил Фрэнк, и лицо его перекошилось в обезьяньей улыбке. Церкви его не интересовали, и он не бывал ни в одной из них – миссис Бейкер этого не одобряла, – а ехать туда в больничном балахоне, да еще с группой сумасшедших, было и вовсе стыдно.

Доктор Уилсон поразмыслил над его ответом и спокойно сказал:

– Дежурная сестра отделения говорит, что вы избегаете других пациентов.

– Мне просто нравится быть одному.

– Они вас пугают? – спросил врач.

– Иногда. Я так хочу домой, – с мольбой промолвил Фрэнк.

Уилсон покачал головой:

– Мне больно, Фрэнк, что человек с вашим образованием и положением вынужден заканчивать свои дни в общественной лечебнице. Вы ведь в самом деле Манкастер, да? Доктор наук?

– Да.

– Вам в самом деле не место среди нищих психов. Некоторые из этих людей... почти совершенно безумны. Но я не могу просто взять и отпустить вас, Фрэнк. Вы столкнули брата через окно второго этажа. Чудо, что он отделался сломанной рукой. И я молчу о ваших воплях про конец света. Их слышали на улице. Уголовное дело до сих пор не закрыто: причинение тяжких телесных повреждений – серьезное преступление. К счастью, ваш брат не стал выдвигать обвинение. Так или иначе, вы признаны невменяемым и будете находиться здесь вплоть до излечения. Как вы себя чувствуете при уменьшенной дозе ларгактила?

– Замечательно. Он меня успокаивает.

– Хорошо. – По губам Уилсона скользнула самодовольная улыбка. – Наша больница – одна из первых в Британии, использующих ларгактил. Моя идея. Лекарство французское, знаете ли, поэтому стоит дороже других из-за таможенных пошлин. Но я сумел убедить департамент. В Министерстве здравоохранения работает мой кузен, и это дает мне определенный вес.

Его улыбка стала высокомерной.

– От него у меня пересыхает во рту. И я чувствую себя усталым.

– Оно вас успокаивает. Это главное, с учетом обстоятельств.

– Я никогда больше не совершу ничего подобного.

Доктор сложил домиком свои ладони, маленькие и на удивление изящные.

– Вопрос в том, почему вы вообще это сделали.

– Не знаю.

– Если вы хотите, чтобы мы помогли вам, то должны все рассказать. – Врач выпятил маленькие губы. – Вы в самом деле верите в грядущий конец света? Некоторым религиозным людям это свойственно.

Фрэнк покачал головой. Конец света может наступить, но религия тут совершенно ни при чем.

Доктор Уилсон настаивал:

– При поступлении сюда вам задали вопрос о ваших религиозных убеждениях. Вы ответили, что ваша мать была спиритуалисткой, но вы сами в Бога не верите.

– Да.

– Мать водила вас в спиритуалистскую церковь?

– Нет. Нет, она устраивала сеансы у себя дома с женщиной, которая заявляла, будто способна вступать в контакт с мертвыми.

– И как вы думаете, она могла это делать? Вступать в контакт?

– Нет, – отрезал Фрэнк.

– Так вы не верите ни во что подобное?

– Нет.

– У вас нет родственников, помимо брата?

– Нет.

– Никого, кто бы вас навестил?

– В лаборатории меня никогда не любили. Я не такой, как они.

К глазам Фрэнка подступили слезы.

– Ну, существует предубеждение – люди боятся психиатрических лечебниц. Даже родственники со временем перестают навещать больных. – Доктор поудобнее устроился в кресле. – Но чтобы перевести вас в «частную виллу», более подходящую для вас, департаменту, как я думаю, потребуются средства.

– Деньги у меня есть. Ваша администрация наверняка может решить этот вопрос.

Уилсон кисло улыбнулся:

– Вы способны выражаться четко и ясно, когда захотите, верно? Проблема в том, Фрэнк, что деньгами сумасшедшего распоряжается опекун. Таков закон. Для этого нам нужен родственник.

– У меня есть только брат. Говорят, что он вернулся в Америку.

– Это нам известно. Мы пытаемся найти его. – Уилсон вскинул брови. – Я даже не пожалел времени и позвонил в Калифорнию, в его университет. Там сказали, что он уехал по заданию правительства и с ним нельзя связаться.

– Он не ответит, – горько промолвил Фрэнк.

– Похоже, вы злитесь на него. Да, вы наверняка должны были злиться на него, раз так обошлись с ним.

Фрэнк ничего не ответил.

– Почему вы стали ученым, как ваш брат? – спросил доктор Уилсон, возвращаясь к разговорному тону. – Хотели соревноваться с ним?

– Нет, – устало отозвался Фрэнк. – Просто меня интересовала наука: геология, возраст земли, то, на каком крохотном пятнышке внутри пространства мы обитаем. – И с неожиданной силой добавил: – Я делал это для себя.

– Это не имеет отношения к Эдгару?

– Никакого.

– Фрэнк, если хотите, чтобы я вам помог, будьте со мной более откровенным. Я размышляю, не сможет ли электрошоковая терапия вывести вас из нынешнего ступора. Мы начинаем задумываться об этом.

Санитар-шотландец по имени Бен проводил Фрэнка в отделение. Дождь прекратился. Стало смеркаться.

– Как прошло? – спросил Бен.

Фрэнк посмотрел на Бена. У него промелькнула мысль: доктор Уилсон мог попросить помощника доложить, что ответит Фрэнк. Поэтому он решил отделаться обычным ответом.

– Я не знаю.

– Ваше счастье, что вы из среднего класса и с образованием. Уилсон хроническими случаями не интересуется, бедолаги без денег годами лежат в отделении. Ему кажется, что он в любом случае слишком хорош для этого заведения. Отец у него был врачом, двоюродный брат служит в Министерстве здравоохранения. Уилсон – тот еще сноб. Класс – это все.

Бен говорил спокойно, но в словах ощущалась горечь.

– Он упомянул об электрошоковой терапии, – робко сказал Фрэнк и сглотнул. – Я слышал, как другие пациенты толковали о ней.

Бен поморщился:

– Неприятная штука. Доктора связывают тебя кожаными ремнями и пропускают ток через твой мозг. Говорят, лечит от депрессии. Думаю, иногда это помогает. Но уж очень часто и легко к ней прибегают. Да и обезболивающее не помешало бы.

– Это больно?

Бен кивнул.

– Видели, как это делается?

– Ага.

У Фрэнка заколотилось сердце. Он сделал несколько глубоких вдохов. Покалеченная рука заболела, он помассировал два атрофировавшихся пальца. Ноги шлепали по мокрой дорожке.

– Есть вещи похуже, – продолжил Бен. – Лоботомия. Делать ее приезжает раз в несколько месяцев хирург из Лондона. Вырезает часть твоего мозга. Господи, на иных пациентов после этого больно смотреть. Но не переживайте, вам это не грозит. – Бен вдруг виновато посмотрел на Фрэнка. – Простите, что заговорил про нее.

– А из какой части Шотландии вы родом? – осторожно осведомился Фрэнк.

– Из Глазго. – Бен улыбнулся. – Глеска. Знаете Шотландию?

– Учился в школе под Эдинбургом.

– То-то мне показалось, что в вашей речи проскальзывает морнингсайдский⁴ выговор. Одна из частных школ Эдинбурга?

– Стрэнгмен, – выпалил Фрэнк. Ему хотелось переменить тему.

– Слышал я, что в таких заведениях тяжело приходится. Тяжелее даже, чем в школах в Глеска.

– Да.

– Но слышал и то, что в Англии есть частные школы не лучше.

– Да, наверное. – У Фрэнка сдавило горло. – Прежде чем попасть сюда, я слышал новости о проекте нового закона – насчет принудительной стерилизации. Доктор Уилсон читал что-то об этом.

– Так это только для умственно неполноценных и для тех, кого называют нравственными вырожденками. Уилсон будет только счастлив, если их стерилизуют, старый живоде. – В голосе Бена снова прозвучала горечь. Он посмотрел на искалеченную руку Фрэнка. – Что с ней случилось?

– Несчастный случай. В школе. – Фрэнк повернулся к нему. – Я хочу выбраться отсюда.

– Выберетесь, да только нэй раньше, чем Уилсон признает вас здоровым. – Бен подумал, потом добавил: – Или если кто-то похлопочет, чтобы вас, допустим, перевели в частную клинику. Может, ваш брат?

Фрэнк в отчаянии покачал головой:

– Эдгар даже на звонки не отвечает.

– А люди, на которых вы работали?

– Доктор Уилсон спрашивал меня об этом. Им такое не нужно. На самом деле они не хотели, чтобы я у них работал. Я давно уже понял.

Лицо Фрэнка исказилось той самой, свойственное ему ухмылкой. Они дошли до входа в главное здание.

– Я какое-то время поработаю вашим опекуном, – сказал Бен. – Может, смогу найти того, кто способен вам помочь.

– Нет таких людей.

– Может, кто из школы? Или из университета? Вы ведь, наверное, учились в университете.

⁴ *Морнингсайд* – район Эдинбурга.

В голове у Фрэнка промелькнул образ Дэвида Фицджеральда: осенним вечером они сидят с ним в Оксфорде, в их комнате, разговаривают о Гитлере и политике умиротворения. Тогда он совершил открытие: оказалось, кого-то действительно может интересовать его мнение. Как вроде бы и этого санитаря Бена, вот только по какой причине, Фрэнк понять не мог. С Дэвидом они толком не виделись вот уже много лет, но одно время тот был ему ближе кого-либо еще.

– Есть один человек, – осторожно сказал Фрэнк.

Глава 6

В следующий четверг Дэвид отправился на работу, как обычно, в восемь. Он шел по улице к станции «Кентон», одетый в котелок, черный пиджак и брюки в полоску. Напротив дома располагался парк – крохотный сквер с цветочными клумбами. В дальнем его конце все еще стояло квадратное бетонное убежище, построенное в 1939 году в ожидании авианалетов, которых так и не последовало, – приземистое, уродливое, ныне заброшенное. Иногда там собирались и курили мальчишки, что породило жалобу в совет. Дэвид кивал соседям, мужчинам в такой же одежде, тоже шагавшим к станции. Погода была сухая и ясная, холодная для середины ноября. От дыхания образовывались облачка пара, похожие на выхлоп старенького «Остина-7».

В метро былолюдно, в воздухе висел густой запах табачного дыма. Задержавшись у стойки, он почитал «Таймс». Привлекал внимание жирный заголовок: «Сегодня Бивербрук и Батлер летят в Берлин на переговоры по экономике». Это было неожиданно – в вечерних новостях вечером о переговорах ничего не сообщали. «Оптимизм по поводу новых торговых связей с Германией», – гласила статья. Оставалось только гадать, что потребуют взамен немцы.

Вокзал Виктория гудел: тысячи пассажиров заполняли огромный вестибюль, дым и пар от поездов поднимались к высоким сводам. У ведущей на платформу калитки стояли двое немецких солдат в серых мундирах – вероятно, возвращались на военную базу на острове Уайт. Совсем молодые, они смеялись и шутили. Наверное, ездили в увольнительную в Лондон. Тех, кого посылали на Уайт, стоило назвать счастличиками – бесконечная мясорубка русского фронта перемалывала таких вот парней вот уже одиннадцать лет и, скорее всего, рано или поздно должна была поглотить и этих двоих. Дэвид, сам того не ожидая, почувствовал к ним жалость.

Он прошел по улице Виктории на Парламент-сквер, затем свернул на Уайтхолл, к Министерству доминионов. Сайкс снова был на посту, за своим столом.

– Доброе утро, мистер Фицджеральд. Еще один холодный денек, сэр.

Лифт был полон и жалобно поскрипывал при подъеме. Дэвид стоял рядом с Дэниелом Брайтмеаном из отдела экономики, поступившим на службу в одно с ним время. Подобно Дэvidу, Дэниел был выходцем из обычной школы, но за годы работы усвоил аристократический жаргон.

– Очередной день в соляных копиях, – сказал он.

– Да. Много дел?

– Сегодня совещание с австраликами по тарифам на пшеницу. – Брайтман вздохнул. – Наверняка будут орать, как обычно. Имперские заботы.

Дэвид вышел на третьем этаже и зашел в канцелярию. Все служащие были на местах. Кэрол, сидевшая за своим столом позади стойки, быстро улыбнулась и помахала ему. Он улыбнулся в ответ, с чувством вины вспоминая о том, что сделал в воскресенье.

Старина Дебб, рывшийся за стойкой в карточках каталога, поднял глаза.

– Мистер Фицджеральд, – сказал он, – на пару слов, если не возражаете.

– Конечно.

Дэвид заметил перхоть на воротнике у старика.

– Меня огорчает, сэр, – произнес начальник канцелярии медленно и печально, как всегда, – что вы вчера вечером оставили папку с документами к совещанию верховных комиссаров на стойке, без клерка, который бы расписался за прием. – Он грустно покачал головой. – Минута, потраченная сейчас, способна уберечь нас от большого беспорядка впоследствии.

– Простите, мистер Дебб. У нас было столько дел. Больше не повторится.

Утро выдалось спокойным. Дэвид позвонил в южноафриканское представительство и обсудил, кто мог бы присутствовать на встрече, о которой просили чины СС. На этой неделе он несколько раз общался с энергичным молодым африканером, не забывая напоминать ему о требованиях секретности.

– Показать русским, кто там босс, да? – Южноафриканец хмыкнул. – Надеюсь, немцы не собираются колонизировать Конго, а? Им с заселением России хватит хлопот по горло.

Нет, подумал Дэвид, Конго они будут просто грабить, как делали до них бельгийцы. Дэвид терпеть не мог этих сторонников апартеида и их дружбу с нацистами, но держался официально, с ледяной вежливостью, пока обсуждался вопрос, кто из чинов СС – без мундиров, естественно, – придет в южноафриканское представительство. Затем он изучил доклад о приближавшейся Бирмингемской Имперской неделе: будут представлены стенды разных верховных комиссариатов, в мероприятии примет участие крупный бизнес – например, компании «Юнилевер» и «Лонро». Дэвид подумал, не сходить ли в обеденный перерыв поплавать – он состоял членом расположенного неподалеку клуба с бассейном. Ему по-прежнему нравилось погружаться в пустынную, безмятежную тишину.

К исходу утра раздался резкий стук в дверь. Вошел хмурый Хабболд.

– Получил сообщение от постоянного секретаря. Нам поручено придержать приготовления к коронации на совещании с верховными комиссарами.

– «Таймс» пишет, что коронацию могут приурочить к двадцатой годовщине правления Гитлера.

– Ах «Таймс». – Хабболд негромко рассмеялся. – Всегда засевают в наши головы правильные семена. В любом случае наверху велели все тормозить. Задача не из простых, не мне вам говорить как волнуют верховных комиссаров дела монархии. Они захотят узнать, пройдет ли коронация весной или летом, кто станет дизайнером одежды – Хартнелл или другой мастер. К сожалению, придется говорить, что ничего еще не решили, и у них появится время, чтобы задать неудобные вопросы из раздела «Прочее». Я слышал, что канадцы снова намерены коснуться еврейских законов.

– Это информация из Канадского дома, сэр? – спросил Дэвид, наострив уши.

– Неофициальная. – Хабболд усмехнулся. – *Argana imperii*, знаете ли. Секреты власти.

Ему нравилось, что его считают обладателем собственных источников, – это подчеркивало его служебное превосходство. Многие коллеги Дэвида обращались к начальнику по имени, но Хабболд ни разу не дал понять, что Дэвид может опустить слово «сэр».

– Получив эти сведения, министр изрядно обеспокоился, – продолжил Хабболд. – В любом случае вам полезно знать такие подробности.

Вскоре после одиннадцати в дверь постучал один из межведомственных курьеров и вручил Дэвиду письмо в конверте – из Министерства по делам колоний: «Можем встретиться за ланчем в клубе в 13:15, а не в 13:30? Джефф».

Когда курьер ушел, Дэвид погрузился в задумчивость. Слова представляли собой код: нужно кое-что обсудить. Встретиться предстояло в час пятнадцать в Оксфордском и Кембриджском клубе. Они старались не разговаривать по телефону – ходили слухи, что линии государственных ведомств теперь регулярно прослушиваются особой службой. Дэвид закурил сигарету и в тревоге посмотрел через окно на Уайтхолл. Прежде подобное случалось только раз, когда Джексон получил сообщение о предстоящем рейде на бордели в Сохо, и отменил намеченную на квартире встречу. Ну, это хотя бы не чрезвычайная ситуация – для нее имелся особый код.

Дэвид вышел из министерства в час и направился на Трафальгар-сквер. На основании колонны Нельсона красовался огромный плакат: «Нам нужен экспорт. Работа или нищета. Вызов британской стойкости». Интересно, размышлял Дэвид, что принесут торговые перегово-

воры с Германией: вместо «хиллманов» и «моррисов» на Трафальгар-сквер будут тарыхтеть «фольксвагены»?

Он свернул на Пэлл-Мэлл. Двое полицейских из вспомогательных частей, в синих мундирах, касках и с пистолетами на поясе, неспешно прогуливались по улице, разглядывая прохожих. Еще двое шли параллельно им по другой стороне. Что-то происходит. Дэвид вспомнил, что Сара поехала в город на одно из своих собраний. В воскресенье, после разговора о Чарли, они занялись любовью – это случалось все реже. Дэвид чувствовал отчуждение, кратковременный прилив теплоты быстро прошел.

Он вошел в клуб. Из обеденного зала доносился гул голосов, но Дэвид направился напрямиком в библиотеку. В обеденное время туда заглядывали редко, и сейчас в комнате был только Джефф, сидевший в кресле лицом к двери. Дэвид устроился напротив него.

– Получил твою записку, – кратко сказал он.

– Спасибо, что пришел. – Джефф наклонился к нему. – Послание от Джексона. Он хочет устроить сегодня общее собрание.

– Причина известна?

– Нет. Я узнал об этом перед тем, как отправил тебе сообщение. Так что пойдем и увидим. В семь часов.

– Сара ждет меня дома. Я не могу ей сказать, что мы договорились о специальном теннисном матче. Не в этот раз. – «Моя жена стала той, кому приходится лгать», – подумал Дэвид. И вздохнул. – Что-нибудь придумаю.

– Сочувствую. Я понимаю, как это тяжело. Мне, одинокому, проще.

Дэвид посмотрел на друга. Он выглядел уставшим и более нервным, чем обычно.

– Как родители? – спросил он.

– Катаются как сыр в масле.

Подобно Дэвиду, Джефф был единственным ребенком, отец его был ушедшим на покой бизнесменом. Его родители вели безмятежную жизнь в Хертфордшире, деля время между игрой в шары, уходом за розами и гольфом.

– Все спрашивают, когда я встречу какую-нибудь милую девушку, – добавил Джефф. – Меня так и подмывает сказать, что тех, с которыми мне сейчас приходится иметь дело, милыми не назовешь. – Он коротко хохотнул, потом сменил тему: – Как твой отец?

– Нормально. Получил от него письмо на прошлой неделе. В Окленде сейчас весна, он недавно ездил с семьей брата посмотреть на Ротуроа. В кои-то веки не шел дождь.

– До сих пор не встретил симпатичную вдовушку из киви?

– Он никогда не женится снова. Слишком предан маме.

По лицу Джеффа пробежала тень; Дэвид решил, что друг подумал о той женщине в Кении.

– Слышал о полете Бивербрука в Берлин? – сменил он тему.

– Да. Если верить клубному телеграфу, Гитлер не в состоянии принять его.

– Может, Гитлер и впрямь умер – он не появляется на публике вот уже сколько... два года?

Джефф решительно мотнул головой:

– Он не умер. Нацистские вожаки передрались бы за корону – они грызлись как крысы, когда делили экономическую империю Геринга после его смерти.

– Как я хочу, чтобы Гитлер умер!

– Твои слова да богу в уши, – с чувством подхватил Джефф.

В детстве, живя в Барнете, Дэвид редко думал о своем ирландском происхождении. Он знал, что в Ирландии творятся ужасные вещи и что родители совсем маленьким привезли его в Англию. Бабка и дед по отцу остались в Дублине и порой навещали их; они умерли с разницей

в полгода, один за другим, когда Дэвиду было десять. О своей семье мать никогда не говорила – с годами Дэвид понял, что там случилась какая-то ссора.

На плечах матери всегда лежало бремя ожиданий. Отец был человеком солидным, невозмутимым, беспечным, зато Рейчел Фицджеральд, маленькая, худенькая и подвижная, все время хлопотала, постоянно обращаясь своим мелодичным голосом то к мужу, то к Дэvidу, то к домработнице, то к подругам из Консервативного клуба. Если она не разговаривала, то слушала радио, подпевая мелодиям, а иногда наигрывала их, поразительно хорошо, на пианино, стоявшем в столовой. Она постоянно убеждала Дэвида, что надо прилежно учиться: с такой безработицей после войны очень важно иметь профессию. Говорила она с тревогой, точно их обеспеченную, беззаботную жизнь могли внезапно отнять.

Дэвид рос спокойным и сдержанным, в отца. И внешностью тоже пошел в него, хотя волосы у него были волнистыми, как у матери, только не рыжими, а черными. «Ты и твой па – как две горошины из стручка, – говаривала мама. – Когда подрастешь, будешь разбивать девичьи сердца». Дэвид краснел и хмурился. Мать он любил, но иногда она сводила его с ума.

Дэвид ходил в частную начальную школу, потом, в одиннадцать лет, поступил в обычную среднюю школу, без труда сдав экзамены. Когда огласили результаты, отец, розовощекий, довольный, глядя на него через обеденный стол, назвал его смышленным парнем. Зато мать смотрела строго.

– Это твой шанс в жизни, Дэви-бой, – сказала она. – От тебя ожидают усердия, так что не подведи. Сделай так, чтобы мамочка тобой гордилась.

– Мама, пожалуйста, называй меня Дэвидом, а не Дэви.

– Ты превращаешься в чопорного английского мальчика. – Она протянула руку и взъерошила ему волосы. – Ой, как мы сердимся на свою мамочку.

В школе Дэвид учился хорошо. Поначалу его приводили в оторопь суровая официальность преподавателей в черных костюмах, их требование соблюдать порядок и тишину, обилие домашних заданий, но вскоре он обвыкся. Он легко заводил друзей, хотя вожаком никогда не был и всегда держался немного в стороне. Во время первого семестра главный задира класса принялся обзывать его «ирлашкой» и «болотником». Стремясь избежать неприятностей, Дэвид сначала терпел, но, когда мальчик сказал, что его мать – ирландская девка, он налетел на обидчика и сшиб его с ног. Учитель видел драку, и обоих юнцов угостили палкой, но задира к Дэvidу больше не лез.

В классе он был одним из лучших. Неплохо шли дела и в спорте: Дэвид выступал за юношескую команду по регби, хотя не особенно жаловал эту игру. Он прекрасно плавал и любил нырять: взбираться по лестнице на трамплин и лететь вниз, взрезая поверхность воды и погружаясь в безмолвный мир нежной голубизны. Позднее он участвовал в межшкольных соревнованиях. На них всегда собирались зрители, хоть и в небольшом числе, но для него самым приятным моментом оставался удар о воду, за которым следовало падение в тишину.

Он получал кубки, которые, по настоянию матери, выстраивались на каминной полке. Несколько раз Дэвид возвращался из школы домой, когда мать с подругами пила чай. Она звала его в столовую и говорила: «Вот мой Дэви, который завоевал все эти кубки. Посмотрите, какой симпатичный мальчик растет. Ах, Дэви, ну не смотри так на меня. Видите, краснеет». Дамы снисходительно улыбались, и Дэвид убегал из комнаты. Он ненавидел внимание. Ему хотелось быть таким же мальчишкой, как остальные, быть обычным.

В восемнадцать он сдавал вступительные экзамены в Оксфорд. Пришлось взять репетиторов. Впервые в жизни Дэвид чувствовал себя усталым и не был уверен, что справится с задачей. Мать ее не облегчала: твердила, чтобы он не гулял по вечерам, посвящал все время занятиям. В последнее время она выглядела задерганной и больной. Иногда газетные новости выводили ее из себя – шел 1935 год, нацисты правили в Германии, а Италия вторглась в Абисинию. В отличие от своих товарок по Консервативному клубу, миссис Фицджеральд считала

Гитлера и Муссолини чудовищами, пришедшими уничтожить мир, и не стеснялась говорить об этом. Но дело было не только в политике: она начала терять вес, а ее вечная болтовня прекратилась, словно повернули какой-то выключатель. Дэвид обнаружил, что скучает по ее разговорам. Он решил, что мать просто беспокоится о его экзаменах, и злился, снедаемый чувством вины и бессилия. Он ведь старается как может и всегда старался. Ну почему этого вечно недостаточно? Он стал резок и груб с матерью.

Однажды вечером она принялась сетовать, что Дэвид тратит слишком много времени на плавание. Он вышел из себя и обозвал ее визгливой бабой. Рейчел разрыдалась и убежала в спальню, захлопнув дверь. Отец, сердившийся очень редко, накричал на сына, велел ему относиться к матери с должным уважением и пообещал побить, если это повторится, хотя Дэвид уже не уступал ему ростом.

В день, когда сообщили о зачислении Дэвида в Оксфорд, отец сказал вполголоса, что им нужно поговорить, и отвел его в столовую. Они сели, и отец посмотрел на сына, как не делал никогда прежде: серьезно и печально.

– Твоя мать тяжело больна, – сказал он негромко. – Боюсь, что у нее рак. – Голос его дрожал. – Она не хотела говорить тебе до экзаменов, чтобы не беспокоить. Но теперь... она чувствует себя очень плохо и собирается нанять сиделку. На самом деле это надо было сделать давно.

Некоторое время Дэвид сидел молча. Потом промолвил хрипло:

– Я ужасно вел себя с ней.

– Ты не мог знать, сын. – Отец серьезно посмотрел на него. – Но теперь постарайся быть ласковым. Она пробудет с нами недолго.

Дэвид сделал то, чего не делал с раннего детства: закрыл лицо руками и разревелся в голос, содрокаясь всем телом. Отец подошел и неловко обнял его за плечи.

– Ну же, сынок, – сказал он. – Я все понимаю.

Остаток лета Дэвид провел, делая все, чтобы угодить матери. Он помогал домработнице и сиделке, хлопотал по хозяйству, носил маме еду. Его угнетало чувство вины, тем более что ее яростная, собственническая любовь усохла до слабой, вялой беспомощности. Иногда Дэвид помогал ей подняться с постели, она страшно отошала – кожа да кости. Мать храбро улыбалась, касалась дрожащими пальцами его щеки, говорила с одышкой, что он хороший мальчик и она всегда это знала.

Дэвид был рядом, когда она умирала; отец сидел по другую сторону кровати. Суббота, погожий сентябрьский день; через пару недель ему предстояло ехать в Оксфорд. Рейчел то обретала сознание, то снова теряла его, апатично наблюдая, как солнце совершает свой путь по небу. Затем она посмотрела в упор на Дэвида и обратилась к нему голосом, полным печали, однако он не смог понять сказанного. Это был почти что шепот:

– Ich hob dich lieb.

Дэвид посмотрел на отца. Тот наклонился и пожал ладонь жены.

– Мы тебя не понимаем, милая, – сказал он.

Рейчел нахмурилась, пытаясь сосредоточиться, но голова женщины откинулась, и жизнь покинула ее тело.

Позже отец рассказал ему правду.

– Твоя мать была из еврейской семьи. Они приехали откуда-то из России. Во времена царя, из-за погромов, многие уезжали в Америку. Родители мамы, твои дедушка и бабушка, уехали из России с ней и тремя ее сестрами. Ей было восемь лет.

Дэвид помотал головой, пытаясь осознать, что он говорит.

– Но как она стала ирландкой?

– Отправкой эмигрантов часто занимались нечистые на руку люди. Бедные родители твоей мамы ни слова не разумели по-английски. Корабль доставил их в Дублин, и они думали, что сядут там на другой корабль, до Америки, но так и застряли в Ирландии. Твой дед был краснодеревщиком, причем хорошим, и при помощи других евреев сумел открыть мастерскую. Дело пошло успешно. Дети росли, разговаривая на английском. Их поощряли к этому, чтобы они не выделялись среди других. Но мне кажется, где-то глубоко в них так и остался первый язык.

– Мама говорила по-русски?

– Нет. У евреев в Восточной Европе есть свой язык, идиш. Похож на немецкий, но отдельный. Фельдман, такая была фамилия у их семьи. – Он невесело улыбнулся. – Звучит очень по-еврейски, да?

Некоторое время отец молчал, потом продолжил:

– С годами твоя мать стала учительницей музыки. Незадолго до того, как я ее встретил. Приближалось Пасхальное восстание, положение становилось опасным. Фельдман решил продать мастерскую и переехать в Америку. Там у них жили родственники. Лучше поздно, чем никогда, правда? – Он снова улыбнулся, с грустью. – А вот твоя мать не хотела ехать, хотела остаться в Ирландии. Возникли и другие трудности: семья была очень религиозной, но твоя мама полагала, что все это чепуха. Так думал и я. В итоге вышла ссора, родители и сестры уплыли, и она больше с ними не виделась. Они не переписывались, ее отец заправлял всем и полностью порвал с дочерью. Если честно, мне кажется, что мистер Фельдман был, в общем-то, старым скотом. Я не знаю, где теперь ее сестры. Не могу даже сообщить им, что она умерла, – добавил он уныло.

– Почему вы мне не рассказывали?

– Эх, сынок, мы решили так: пусть все считают твою мать обычной ирландкой. Она хотела этого ради твоего блага, потому как знала, что здесь... – Глаза его сузились. – О, не как раньше в России, конечно, и не как сейчас в Германии, но некоторое предубеждение есть. И всегда было. Неофициальные квоты для евреев. Даже в средней школе есть квота, знаешь ли. – Отец серьезно посмотрел на Дэвида. – Твоя мать хотела забыть о своем происхождении ради твоего блага. Документы иммиграционной службы, заведенные на нее, погибли во время Восстания, я это выяснил. В брачном свидетельстве мы записаны как британцы, Ирландия ведь принадлежала тогда Британии. – Он вдруг разозлился. – То, что люди делятся по национальным и религиозным признакам, вот это хуже всего. Это ведет лишь к бедам и кровопролитию. Посмотри на Германию.

Дэвид сидел, призадумавшись. В школе учились несколько еврейских мальчиков, выходящих из зала, когда читались утренние молитвы. Иногда на площадке для игр им вслед летели обидные прозвища: «жид» или «еврейчик». Дэвиду было жалко их. К ирландцам тоже относились предвзято, но евреям приходилось хуже.

– Получается, я еврей, – сказал он.

– Согласно их правилам, да, поскольку твоя мать была еврейкой. Но в нашем понимании ты не еврей и не христианин. Ты не обрезан и не крещен, и... – отец наклонился к нему и взял за руку, – ты просто мамин Дэви, и можешь стать тем, кем захочешь.

– Евреем я себя не чувствую, – проговорил Дэвид тихо. – Впрочем, что значит чувствовать себя евреем? – Он нахмурился. – Но... но если мама не хотела, чтобы я знал, то почему... почему обратилась ко мне на идиш? Что она сказала, пап?

Отец покачал головой:

– Прости, сынок, я не знаю. Она никогда не разговаривала на идиш со мной. Я думал, что она совсем его забыла. Вероятно, под конец ее бедный разум просто вернулся в детство.

Дэвид плакал, слезы струились по его щекам. Они с отцом молча сидели в гостиной, где не раздавалось никаких звуков. Когда рыдания Дэвида поутихли, отец подошел и взял его за руку.

– Не стоит никому рассказывать об этом, Дэвид. Нет смысла, это просто будет тебе мешать и пойдет вразрез с желанием твоей матери. Пусть это будет наш секрет.

Дэвид посмотрел на него и кивнул.

– Понимаю, – выдавил он. – Понимаю. Ты прав. И я сделаю это ради нее. Я у нее в долгу. В долгу.

– Так будет лучше и для тебя самого.

И отец оказался прав. В годы, последовавшие за Берлинским договором, молчание помогло Дэвиду сохранять работу и делать карьеру. Но в глубине души Дэвид чувствовал: он не заслуживает того, что имеет. Еще он испытывал вину и страх, но одновременно – странное ощущение родства, когда встречался на улице с людьми, отмеченными желтым знаком. Людьми, которые с каждым годом выглядели все более бедными и жалкими.

Глава 7

В четверг утром Сара поехала на метро в центр, на заседание комитета помощи лондонским безработным, проходившее в квакерском Доме друзей на Юстон-роуд. По дороге она читала взятую в библиотеке книгу, «Ребекку» Дафны Дюморье. Она добралась до сцены, где сумасшедшая домоправительница миссис Дэнверс побуждает вторую миссис де Винтер выпрыгнуть из окна: «Вы, не она, тень и призрак. Вы, не она, забыты, отвергнуты, лишняя здесь. Почему вы не оставите ей Мэндерли? Почему не уйдете?»⁵ Саре книга не понравилась – увлекательная, это бесспорно, но страшная. За исключением романов и детективных историй, на полках библиотек стало трудно что-нибудь найти. Книги многих писателей, которых она любила – Пристли, Форстера, Одена, – оказались недоступными. Эти люди выступали против правительства во время заключения мирного договора и впоследствии, подобно их произведениям, незаметно исчезли из публичного пространства.

Сара откинулась на сиденье. Дэвид не занимался с ней любовью с воскресенья. Он делал это все реже и реже. Большей частью он занимался любовью медленно и нежно, но в тот раз делал это с тревожной поспешностью, а войдя в Сару, застонал, словно она причиняла ему не наслаждение, а боль. «Вы, не она, тень и призрак». Она провела ладонью по лицу. Как до этого дошло? Сара вспомнила их первую встречу – на танцах в теннисном клубе, в 1942 году.

Она стояла с подругой и не отрывала глаз от Дэвида, разговаривавшего с другим мужчиной в углу. Он обладал классической красотой, был подтянутым и мускулистым, но Сару влекло к нему какое-то особое очарование, присущее ему, его мягкость и даже грусть. Он перехватил ее взгляд, извинился перед собеседником, подошел и пригласил на танец – уверенно, но в то же время с какой-то робостью. Сара тогда ходила с короткой стрижкой – как долго продержалась эта мода! – и пока они кружились под звуки оркестра, отпустила одну из своих смелых реплик, заявив, что завидует его натуральным выходящим волосам. На это он улыбнулся и ответил с тем спокойным юмором, который сейчас почти исчез: «Это вы не видели меня в бигуди».

Они поженились в следующем, 1943 году, и вскоре после этого Дэвида прикомандировали на два года к британскому верховному комиссару в Окленде. Отец Дэвида уже жил в Новой Зеландии – тот же самый Дэвид, только постаревший, располневший и с резким ирландским выговором. Втроем они частенько обсуждали политическую ситуацию на родине, которая непрерывно ухудшалась. Все они были на одной стороне: опасались союза с Германией и медленного, ползучего авторитаризма в Англии. Но это было до выборов 1950 года: Черчилль еще рычал со скамей оппозиции в парламенте, поддерживаемый Эттли, еще оставалась надежда на перемены на следующих выборах. Отец Дэвида просил их остаться – Новая Зеландия твердо решила сохранить демократию, здесь можно было свободно высказываться и жить, тогда как в Англии эта свобода исчезала. Недели шли, и Сара начала поддаваться уговорам, хотя сердце ее щемило при мысли о расставании с родными. Именно Дэвид поставил точку.

– То, что сейчас творится, не может продолжаться вечно. Только не в Англии. Пока мы там живем, у нас есть право голоса и свое мнение. Нам следует вернуться. Это наша страна, – сказал он.

Они тогда не знали, что Сара беременна Чарли. А если бы знали, то, возможно, остались бы.

Сара выглянула в окно вагона. День был ясным, но Лондон выглядел блеклым и грязным, как всегда. Ей вспомнилось вдруг, как они с Дэвидом отправились на западный край Южного острова в Новой Зеландии и жили в большой армейской палатке, купленной в Окленде. Дни

⁵ Перевод Г. Островской.

текли среди огромных далеких гор, поросших гигантским древовидным папоротником. По ночам слышалось серебристое журчание горных потоков и топот мелких бескрылых птиц, рывшихся в подлеске, а они лежали, обнявшись, и шутили о том, какими грязными и неопрятными стали – прямо как первопроходцы в дебрях или Адам и Ева в эдемском саду.

Она подпрыгнула, когда поезд, двигаясь рывками, затормозил на «Юстоне». Сара встала и сунула книгу в сумку. В магазинчике у станции уже продавался остролист. До Рождества оставалось чуть больше месяца: скоро, как всегда, начнется время притворного доброжелательства. Трудно выносить все это после того, как потерял ребенка.

Сара перешла через дорогу, направляясь к Дому друзей. Как всегда, у дверей штаб-квартиры квакеров дежурил полицейский. Квакеры выступали против насилия на территории империи, против войны в России, и по временам еще отваживались на сидячие демонстрации. Саре вспомнилось, что в детстве полицейские представлялись ей дружелюбными, надежными, способными защитить. Теперь же они внушали страх и робость. В кино их изображали уже не пустоголовыми соперниками частных детективов, а героями, крепкими ребятами, борющимися с коммунистами, американскими шпионами и преступниками еврейской наружности. Сара показала постовому удостоверение личности и приглашение на собрание, и он кивнул.

Комитет помощи лондонским безработным возник в начале сороковых, чтобы распределять продуктовые наборы и одежду, а также устраивать праздники для детей четырех миллионов безработных. Сара состояла в подкомитете, который собирал рождественские подарки нуждающимся детям на севере. Иногда она пыталась представить, что чувствуют родители, передавая подарки от анонимных благодетелей, но иначе ребята вообще ничего не получили бы. В комитете Сару уважали, подчас она замещала председательницу, миссис Темплман, грозную жену бизнесмена. В тот день, впрочем, миссис Темплман крепко держала бразды правления – в круглой шляпке поверх завитых седых волос, с низкой крупного жемчуга на обширной груди. Она благодушно кивнула, выслушав доклад Сары о переписке с большими магазинами игрушек относительно скидки на оптовые заказы. Сара подчеркнула, что нужно обеспечить разнообразие игрушек – нехорошо, если в какой-нибудь йоркширской деревушке у всех детей окажутся одинаковые медвежата или паровозики. Она пояснила, что разнообразие слегка удорожит наборы, но для семей оно очень важно. Сара улыбнулась мистеру Хэмилтону, пухлому человечку с гвоздикой в петлице, специалисту по благотворительности одного из крупных магазинов игрушек. Тот глубокомысленно кивнул, и миссис Темплман одобрительно посмотрела на Сару.

После заседания миссис Темплман подошла к Саре, поблагодарила ее – велеречиво и покровительственно, как всегда, – за проделанную работу и спросила, не хочет ли она пойти на ланч. Она была в плотном пальто, а на шею надела палантин из лисы – жутковатую тварь со стеклянными глазами, что смотрели на Сару, и хвостом в пасти. Получив отказ, миссис Темплман явно была разочарована. Сара знала, что председательница, как и она сама, страдает от скуки и одиночества, но во время прошлого обеда миссис Темплман беспрерывно трещала про своего мужа, комитет и работу в церкви: она была убежденной христианкой и, как всегда, подозревала Сару, надеялась обратить ее. Сара чувствовала, что в этот день она не сможет вынести ничего такого.

Но и домой возвращаться не хотелось. Она в одиночку пообедала в ближайшем «Уголке», потом прогулялась; погода была холодной и ясной, воздух – морозным. После смерти Чарли Сара частенько ездила в центр Лондона, чтобы спастись от домашнего одиночества: как правило, она просто прохаживалась по старинным улочкам с их лавками и конторами, по описанным Диккенсом переулкам, мимо построенных Реном очаровательных храмов вроде церковью Святого Дунстана или Святого Свитуна, где можно посидеть и поразмышлять в тишине. В этот день она решила посетить Вестминстерское аббатство, где не бывала уже несколько лет. Жен-

щина свернула на Гоуэр-стрит, миновала Сенат-хаус, второе по высоте здание Лондона. В бывшем главном корпусе Лондонского университета теперь размещалось самое большое в мире германское посольство; с древков на крыше на половину высоты здания свисали два гигантских знамени со свастикой. Угрюмые полицейские из особой службы, вооруженные пистолетами-пулеметами, стояли вдоль всей длины перил, защищенных колючей проволокой – на случай атаки бойцов Сопротивления. Внутри охраняемого периметра стоял лимузин, из которого вышел чиновник в коричневом мундире нацистской партии. Его встречала группа людей: кто-то в костюмах, кто-то в военной полевой форме серого цвета, один, похожий на жука, – в черном, блестящем эсэсовском одеянии. Сара прибавила шаг. Когда в 1940 году немецкие официальные лица стали прибывать в Лондон, Сара удивлялась ярким краскам: черным повязкам с красной свастикой в белом круге. Прежде ей доводилось видеть нацистов только в кино, где все было черным, белым и серым. Эти люди знали, как использовать цвет.

Шагая, она размышляла о том, какими уставшими, окоченевшими и серыми выглядят, по сравнению с немцами, прохожие в своем большинстве. На мостовой сидел одноногий и играл на скрипке. На земле лежала фуражка, на куске картонки было нацарапано: «Ветеран 1940. Помогите, пожалуйста». Скоро полицейские его прогонят – нищие чуть не стали бичом Лондона, но после кампании в «Дейли мейл» их насильно переместили в сельскохозяйственные поселения «На задворках», устроенные Ллойд Джорджем с целью производства продукции на неудобьях в сельской глуши. Она бросила в шапку инвалида полкроны. В последние дни Сара все чаще замечала признаки бедности и неблагополучия. Годами она закрывала на это глаза. К моменту встречи с Дэвидом она перестала участвовать в политической деятельности, это было слишком опасно. По возвращении из Новой Зеландии оба считали, что остается только ждать, пока ситуация не переменится. А перемениться она просто обязана.

Она шла по направлению к Вестминстеру, снова и снова замечая, как много здесь вспомогательной полиции. Несколько раз попадался новый плакат с рекламой фашистов Мосли, красочный и жуткий: женщина на переднем плане заслоняет младенца от гигантской, похожей на Кинг-Конга обезьяны с длинным носом карикатурного еврея, в каске, с красной звездой на лбу. «Сражайся против большевистского террора! Вступай в БСФ!»⁶ Сара прошла по Уайтхоллу, оглядываясь на окна Министерства доминионов, где в это время должен был работать Дэвид. В последние недели она все сильнее злилась на него, но после разговора с Айрин осознала, как сильно любит мужа и боится потерять его.

Миновав Вестминстерский дворец, женщина вошла в аббатство. Внутри было темно и холодно, шаги отдавались звонким эхом. Людей было мало. Могилу Неизвестного солдата все еще покрывали венки, оставшиеся от Поминального дня. Сара обвела глазами обширное пространство. Здесь в следующем году пройдет коронация. Ей стало жаль королеву, такую молодую и одинокую посреди всего этого хаоса. Вспомнилось рождественское обращение ее отца Георга VI в 1939 году, в то единственное военное Рождество. Семья собралась перед радиоприемником, все были в бумажных колпаках, но хранили торжественное молчание. Король, запинаясь, читал стихотворение:

Промолвил я стражу, стоявшему у нового года врат: «Свет мне подай, чтобы тьму пред собой разогнать». Он мне так отвечал: «В темноту ты шагни и Господу в длань свою руку вложи; Тебя сохранит он вернее, чем свет, ведя за собой мимо горя и бед»⁷.

Бедный король, подумалось ей. Он никогда не желал трона, но вынужден был на него взойти после того, как его безответственный брат Эдуард VIII, симпатизировавший нацистам, отрекся от престола. Эдуард и Уоллис Симпсон до сих пор наслаждались жизнью на Багамах,

⁶ БСФ – Британский союз фашистов.

⁷ Цитируется стихотворение «Бог знает» Минни Луизы Хаскинс (1875–1957), написанное в 1908 году.

где бывший король был губернатором. После событий 1940 года Георг, как и многие видные деятели тридцатых годов, словно растворился – редко появлялся на публике и в этих случаях выглядел печальным и натянутым.

Для службы вынесли несколько стульев, и Сара села. В холодном полумраке она поймала себя на мысли, что впервые за годы молится. «Господи, если Ты существуешь, пошли нам еще дитя. Для Тебя это такая мелочь, для нас же это все». Она тихо заплакала.

У Сары было счастливое детство. Она была любимицей семьи – белокурая милашка, которую обожали мать и старшая сестра. Впрочем, ей было известно, что на первом месте для них стоит Джим, отец, чье изувеченное лицо иногда пугало ее в юные годы.

Джим служил счетоводом в муниципалитете, а большую часть свободного времени посвящал работе в пацифистских организациях – сначала в Союзе Лиги Наций, затем в Союзе обета мира. Он отдавал все силы предотвращению новой войны, убежденный, что человечеству ее уже не пережить.

То, что Сара слышала дома, отличалось от того, чему ее учили в школе.

– Айрин, миссис Бриггс в школе говорит, что кайзер развязал войну и его следовало остановить, – спорила она с сестрой.

– Ну так она ошибается. Нечестно во всем винить Германию. И Версальский мирный договор был несправедливым – Германии пришлось уступить часть территории и платить репарации другим странам. Немцам неоткуда было взять деньги, и поэтому их экономика оказалась в такой дыре. Папа ушел на войну, потерял множество друзей, и, как оказалось, все было зря. Мы не должны допустить, чтобы это повторилось.

– Но разве нам не нужно иметь армию, чтобы защитить себя, если кто-нибудь нападет?

– Если начнется новая война, никто не сможет себя защитить. Все страны будут бомбить, аэропланы станут пускать газы. Не плачь, Сара, войны не будет – добрые люди, такие как наш папа, этого не допустят.

С возрастом Сара стала такой же рьяной пацифисткой, как ее отец и сестра. В подростковые годы она подписала Обет мира и участвовала в собраниях, зачастую проходивших за столом в их доме, хотя, если честно, находила многих активистов склочными и скучными. Мать Сары неизменно изображала радушную хозяйку: кипятила чайники и подавала тарелки с пирогами и бутербродами. Отец говорил мало – чаще сидел и попыхивал трубкой, с серьезным выражением на изувеченном лице.

Но тот день, когда он взял слово, Сара запомнила на всю жизнь, и всякий раз, когда сомневалась в идее пацифизма, воскрешала его в памяти. Это было накануне ее восемнадцатилетия, душным летним вечером 1936 года. Шла очередная кампания по сбору подписей под Обетом мира, сидевшие вокруг стола люди хлопотали, вкладывая листовки в конверты. Сара, уставшая и раздраженная, пыталась представить, каким окажется педагогический колледж для женщин – она как раз закончила школу, – и разобраться в чувствах к парню, который предлагал погулять, но при этом не очень нравился ей.

Совсем недавно разразилась гражданская война в Испании, и люди, годами боровшиеся за мир, оказались перед сложным выбором.

– Как осуждать испанский народ за то, что он сражается против милитаристов, пытающихся свергнуть законное правительство? – сказал молодой человек, член лейбористской партии.

– Ну, испанские военные утверждают, что хотят остановить хаос и навести порядок, – с жаром проговорила Айрин. – К тому же мы не вправе поддерживать насилие ни с какой стороны. Нам нужно держаться собственных принципов.

– Знаю, – ответил молодой человек. – Но это... это трудно, если видишь, как фашисты принижают простой народ.

– Так что вы предлагаете делать? Вооружаться против Гитлера, как призывает этот одержимый поджигатель войны Черчилль?

Лейборист покачал головой:

– Я не знаю. Все так сложно. Но это просто ужасно – смотреть, как фашистские и националистические партии берут власть во всей Европе. В четырнадцатом году был разгул национализма, все размахивали флагами, вам казалось, будто люди усвоили урок и поняли, к чему это ведет. Но теперь...

Голос, сдвленный от горечи, изменил ему. И тогда слово взял Джим.

– В окопах по ночам иногда бывает по-настоящему тихо. Люди этого не осознают. А потом на немецкой стороне начинают говорить пушки, где-то на линии фронта. А я обычно сидел и гадал – что, если звук приблизится, если снаряды начнут падать на нас? А еще представлял, как молодой парень вроде меня обливается потом, загоняя в пушку один здоровенный снаряд за другим. Такой же парень, как я. Именно в такую ночь я осознал, что война – это абсолютное зло. Это понимание приходит не в разгар битвы, а в спокойные минуты, когда есть время подумать.

В комнате повисла тишина. Молодой человек потупил взгляд.

Однако после начала испанской войны движение за мир уже никогда не было прежним. Подобно большинству пацифистов, Сара считала себя прогрессивной, но теперь некоторые начали клеймить пацифистов как слепых идиотов, даже реакционеров. Приближалась война, фашизм маршировал, и нужно было стать на чью-либо сторону. Они с Айрин ходили на снятый по книге Уэллса фильм «Облик грядущего», и после этого ее преследовали картины летящих строем бомбардировщиков, облаков газа, кучек людей, пытающихся выжить среди осыпавшихся бомбами руин. Сара вспоминала, как после аннексии Австрии Германией, уже став учительницей, она пыталась объяснить тринадцатилетним девочкам смысл политики умиротворения Чемберлена.

– Я не говорю, что Гитлер – хороший человек, но у Германии есть основания быть недовольной. Почему бы им с Австрией не объединиться, раз обе страны этого хотят? Умиротворение означает попытку сгладить обиды, уладить разногласия, а не растравлять их. Разве это не разумная политика?

И тем не менее, видя в новостях, как австрийских евреев выгоняют из домов и заставляют мести улицы, как солдаты пинают их, она чувствовала... нет, еще не сомнение, но боль.

Для Айрин все было проще. Она была из тех, кто, раз избрав путь, идет по нему – и вступила в Лигу англо-германского взаимопонимания. Там она познакомилась со Стивом и, подобно ему, сделалась горячей поклонницей Гитлера. Сара задавалась вопросом, как сторонник мира может увидеть хоть что-нибудь хорошее в фашизме.

– Гитлер стоит за мир и отличается дальновидностью, милая, – отвечала Айрин. – Не надо верить пропаганде. Все, чего он хочет, – это справедливости для Германии и дружбы с Англией.

Сара обратилась за советом к отцу.

– Ты права, милая, – сказал он. – Гитлер – мерзкий милитарист. Но если мы пойдем на него войной, то лишь прибегнем к тем же методам, что и он. Чемберлен прав.

Отец говорил тихо, с грустью. В последнее время собрания проводились все реже, Джим зачастую сидел один в гостиной и смотрел в пустоту, и было видно, как он страдает.

Потом пришла осень 1938 года, а с ней – Мюнхенский кризис. Люди орудовали лопатами в парках и на лужайках, сооружая убежища для укрытия от бомб, в школах на окна крест-накрест наклеивали ленты, чтобы осколки не поранили детей. Сара поймала себя на мысли, что гражданские тоже очутились в окопах. В школу доставили партию противогазов, отвратительных штуквин из стекла и резины: большие – для взрослых, маленькие, с мордочкой Микки-Мауса, – для детей. Когда Сара пришла в школу и увидела на столе кучу, из которой тараси-

лись пустые круглые глазницы, ей пришлось ухватиться за стул, чтобы не упасть. Другие учительницы с ужасом взирали на маски. Директриса сказала, что им следует показать ученицам, как надевать противогаз.

– Как объяснить нашим крошкам, для чего предназначены эти штуки? – спросила одна из преподавательниц, по щекам которой текли слезы. – Как объяснить, что люди в аэропланах будут скидывать на них начиненные газом бомбы? Почему мы должны это делать?

– Потому что это наш долг, черт побери! – рявкнула в ответ директриса, и голос ее на миг сорвался. – Потому что, если мы не сделаем этого, они умрут. Вам страшно глядеть на это? Посмотрели бы на родильное отделение, где работает моя сестра! Им привезли чертовы противогазы для младенцев!

До этого не дошло. Случилось чудо: Чемберлен вернулся из Мюнхена с соглашением, по которому Германия получала часть Чехословакии. «Только ту, где живут немцы, не чехи», – победоносно заявила Айрин. Стив сказал, что, если начнется война, это будет означать финансовый крах Англии – все бизнесмены и банкиры с ужасом смотрят на такую перспективу. «Еще один удар под дых этому милитаристу Черчиллю!» При этих новостях по телу Сары прокатилась волна облегчения, как после приема обезболивающего. Но год спустя, в августе 1939 года, все повторилось из-за Польши: траншеи, противогазы, планы эвакуации. И из радиоприемников прозвучал надломленный голос Чемберлена, сообщившего, что объявлена война. Впервые раздался жуткий вой сирен противовоздушной обороны – пока тревога была учебной, но в следующий раз могла стать настоящей. По всему Лондону можно было встретить людей с мрачными или заплаканными лицами, несшими на усыпление своих кошек и собак – питомцы оказались бы беззащитными при бомбежке. В первую неделю сентября Сара повела унылую вереницу детишек с сумками для противогазов и чемоданчиками к вокзалу Виктория – для эвакуации. Детей провожали матери с заплаканными лицами.

Переключатель надежды и страха снова щелкнул. В месяцы, последовавшие за эвакуацией, ничего не случилось: после захвата Польши Германией не было ни авиационных налетов, ни военных действий. Родители стали забирать детей домой. «Странная война» – так ее прозвали. Кое-кто спрашивал: а зачем ее вести? Войну начали, чтобы защитить Польшу, но Польша была разгромлена, исчезла, ее разделили между собой Германия и Россия. В течение холодной зимы 1939–1940 годов, наблюдая за тем, как дети играют в снежки, Сара снова начала питать надежду. Но в апреле Германия неожиданно вторглась в Данию и Норвегию, и британские войска принялись беспомощно отступать.

Чемберлен подал в отставку, его сменил лорд Галифакс – как раз перед тем, как Германия вступила в Бельгию, Голландию и Францию. И вновь немцы крушили все перед собой, они разгромили французскую армию и заставили англичан, бросив снаряжение, эвакуироваться из Дюнкерка. Голоса дикторов на Би-би-си звучали все более встревоженно, люди снова с опаской начали вглядываться в небо над Лондоном, испещренное теперь аэростатами заграждения. Французы отступали все дальше и дальше. Затем, в середине июня, пришли вести о том, что Франция и Британия запросили о перемирии. Спустя месяц был подписан Берлинский договор – мир, который газеты и Би-би-си охарактеризовали как проявление удивительной щедрости со стороны Гитлера: ни оккупации, ни репараций, Британия, империя и флот сохранялись в неприкосновенности, колонии не отбирали. Единственной колонией, отошедшей к Германии, стало Бельгийское Конго. И никаких немецких контингентов, если не считать большой военной базы на острове Уайт. Германских евреев, бежавших после прихода нацистов к власти, надлежало репатриировать, но об английских ничего не говорилось. Саре вспомнился киножурнал: лорд Галифакс возвращается из Берлина, рядом с ним на заасфальтированной площадке аэропорта – Батлер и Дуглас-Хьюм. Добавив эмоций в аристократический голос, Галифакс объявляет: «Мир, подписанный нами с Германией, продлится, бог даст, навеки». Зал кинотеатра огласили аплодисменты и крики «ура!». Сара ходила туда с семьей – Айрин кричала громче

всех, а мать плакала от облегчения. Сара посмотрела на отца, но здоровая половина его лица была с противоположной стороны, и понять, о чем он думает, она не могла.

Год спустя, после начала Русской войны, Галифакс подал в отставку – говорили, что по причине нездоровья; но когда он покидал Даунинг-стрит, на лице его застыла скорбь; ходили слухи, что он выступал против германского «крестового похода». Его заменил престарелый, но задорный и ершистый Ллойд Джордж, назвавший Гитлера величайшим немцем столетия. Поговаривали, что он был не более чем марионеткой. Выступая по телевизору, он казался ожившим реликтом: вставные зубы, щелкающие во время трансляции, растрепанные седые волосы. После его смерти в 1945 году бразды правления принял медиамагнат и член Кабинета министров Бивербрук. Досадливо отмахиваясь от рассказов о творившихся в Европе зверствах, он гордился тем, что мечта всей его жизни о свободной торговле внутри империи наконец осуществилась.

Сара вышла из Вестминстерского аббатства и с удивлением обнаружила, что уже довольно поздно. Закатное солнце играло в сотнях окон Вестминстерского дворца, блики заставили ее зажмуриться. Небо на западе было как на картинах Тёрнера: красная и бордовая пелена. Выплакавшись и помолившись, Сара почувствовала себя лучше, хотя и не верила всерьез, что есть Бог, способный ее услышать.

Она перешла через дорогу, направляясь к подземке. У станции было шумно. Зеленщик, закутанный в теплый шарф, продавал с прилавка овощи. Газетчик выкрикивал: «„Ивнинг стандарт“! Бивербрук встречается с Лавалем!» Сара решила купить номер. По пути в Берлин Бивербрук заехал в Париж, и на странице красовалась его фотография с премьер-министром Лавалем – как и в Британии, во Франции правил теперь медиамагнат правых взглядов.

Вдруг началась суматоха. Четверо парней лет двадцати, в дождевиках, с ранцами, бежали по улице, лавируя в толпе, доставали из ранцев листовки и совали их оторопевшим прохожим или пачками бросали в воздух.

– Эй! – крикнул кто-то.

Сара заподозрила, что это студенческий розыгрыш, но лица парней были слишком серьезными. Они промчались мимо нее, осыпав листовками прилавков зеленщика. «Мерзавцы!» – крикнул газетчик, когда молодые люди пронеслись мимо него к входу на станцию. Хлынувший из дверей поток горячего воздуха взметнул листовки, словно конфетти. Одна шлепнулась Саре на пальто, и она схватила ее.

У нас нет:

СВОБОДНОГО ПАРЛАМЕНТА!

СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ!

СВОБОДНЫХ ПРОФСОЮЗОВ!

Немцы оккупировали остров Уайт!

Забастовщиков подвергают казни!

Немцы заставляют нас преследовать евреев!

КТО НА ОЧЕРЕДИ?

СРАЖАЙТЕСЬ ПРОТИВ НЕМЕЦКОЙ ОПЕКИ!

ВСТУПАЙТЕ В ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ!

У. С. Черчилль

Сара подняла глаза. Ребята огибали угол. Словно из ниоткуда, выскочили полицейские из вспомогательных частей, около дюжины, наскочили на парней и повалили их на мостовую. Один упал в канаву, и какое-то такси резко повернуло, загудев клаксоном. Полицейские подняли юнцов на ноги и прижали к стене, бесцеремонно расталкивая прохожих. Одна старуха с сумкой упала, рассыпав по улице пакеты из пергаментной бумаги. Мужчину с зонтиком, в

котелке, сбили с ног. Сара видела, как котелок закатился под автобус и колеса расплющили его. Пассажиры смотрели на происходящее разинув рот. Многие быстро отводили взгляд.

Полицейские достали дубинки и теперь безжалостно били ребят. Сара услышала, как деревянная палка стукнула о голову, после чего раздался крик. Вспомогательные, по большей части тоже молодые, не ведали милосердия. У одного парня изо рта хлынула кровь. Полицейский с белым от ярости лицом методично избивал другого задержанного, перемежая удары ругательствами: «Долбаный... жидолюб... комми... выродок».

Большинство людей проходили мимо, отворачивая лица, но некоторые останавливались, а в какой-то момент из толпы даже послышался крик: «Позор!» Полицейский, колотивший парня, повернулся и потянулся к бедру. Затем достал пистолет. Зеваки охнули и подались назад.

– Кто это сказал? – заорал окси⁸. – Кто это был?

Громко гудя клаксоном, подкатил полицейский фургон. Из него выскочили четверо и распахнули двойную дверь в задней части. Парней покидали внутрь, словно мешки, дверь захлопнули, и фургон укатил прочь, снова загудев клаксоном. Окси оправили мундиры, с угрозой глядя на толпу, точно предлагали всем желающим бросить им вызов. Никто не посмел. Полицейские уверенно зашагали прочь. Сара смотрела на мостовую у стены, забрызганную кровью.

Рядом с ней стоял старик в шапке и толстом шарфе. Его трясло. Возможно, кричал именно он.

– Выродки, – пробормотал он. – Выродки.

– Все это произошло так внезапно, – сказала Сара. – Куда их повезли?

– В Скотленд-Ярд, надеюсь. – Старик посмотрел Саре в глаза. – В кабинеты для допроса. Бедные чертенята, они совсем еще дети. А черные демоны из Сенат-хауса, наверное, уже едут за ними. Растерзают их на клочки.

– Черные демоны?

Старик презрительно посмотрел на нее:

– Гестапо. СС. Вы что, не знаете, кто теперь на самом деле главный?

⁸ *Окси* (сокращение от *англ. auxiliary* – вспомогательный) – так в Англии наряду с черно-пегими называли полицейских из вспомогательных частей. Название также появилось во время войны за независимость Ирландии (1919–1921). Вспомогательное подразделение Королевской полиции Ирландии комплектовалось бывшими офицерами британской армии. В ответ на нападения боевиков они совместно с черно-пегими проводили карательные акции против ирландцев, сочувствовавших Ирландской республиканской армии.

Глава 8

Гюнтер Гот прибыл в Лондон в пятницу, вскоре после полудня. Он прилетел ежедневным челночным рейсом «Люфтваганзы» из Берлина. В Кройдоне его ждал большой черный «мерседес» с дипломатическими номерами.

- Хайль Гитлер! – поприветствовал гостя водитель, щеголевато одетый молодой человек.
- Хайль Гитлер!
- Хорошо долетели, герр штурмбаннфюрер?
- Вполне неплохо.
- Меня зовут Людвиг. Я ваш помощник на сегодня.

Тон у молодого человека был формальным, как у туристического гида, а вот взгляд – цепким. Наверняка из СС. Гюнтер с наслаждением опустился на удобное сиденье. Он устал, болезненное место в середине спины ныло. Прошлым вечером он уехал сразу после встречи с Карлсоном, чтобы собрать вещи и немного поспать, а рано утром встал, чтобы успеть на самолет. Пока машина плавно катилась по серым лондонским предместьям, Гюнтер смотрел в окно. Англия предстала точь-в-точь такой, какой он ее запомнил, – сырой и холодной. Все выглядели бледными, озабоченными, одежда рабочих людей была бедной и поношенной. Многие из покрытых копотью зданий казались неухоженными. В сточных канавах и на мостовых виднелись кучки собачьего кала. Мало что изменилось с последнего его визита, состоявшегося семь лет назад; точнее, все осталось почти неизменным с тех пор, как он впервые приехал в Англию – еще студентом, в 1929 году.

Тем не менее назначение сюда радовало Гюнтера. Он устал от работы в гестапо, устал беседовать с информаторами, с их горящими от зависти или алчности глазами, устал рыться в бесконечных каталогах дел. Даже возмездие, совершаемое, когда он благодаря очередному из своих интуитивных озарений вычислял одного из немногих укрывающихся евреев, не приносило прежнего удовлетворения.

Двадцать с лишним лет он кипел от ненависти к евреям за ужасные преступления, совершенные ими против Германии. Гюнтер признавал, что они до сих пор представляют угрозу, с учетом их влияния в Америке и в незанятой части России, но в последние годы пламя ярости стало как будто стихать, по мере того как он становился старше – ему вскоре исполнялось сорок пять. Вчера на рассвете он с четырьмя полицейскими подкатил к дому в богатом пригороде Берлина. Они замолотили кулаками в дверь и потребовали впустить их. Внутри, в сыром подвале, они нашли еврейскую семью – мать, отца и мальчика одиннадцати лет. В подвале стояли койки, кресла и даже небольшой умывальник. Всех троих вытащили наверх – мать визжала и вопила – и приволокли в кухню, где ждали хозяева дома, герр и фрау Мюллер, а также их дети, две белокурые девочки в одинаковых голубых ночных сорочках; младшая прижимала к себе тряпичную куклу.

Люди Гюнтера поставили евреев к стене. Женщина перестала орать и теперь тихо плакала, закрыв голову руками. Мальчуган предпринял отчаянную попытку сбежать. Один из подчиненных штурмбаннфюрера схватил его за руку, швырнул обратно к стене и отвесил ему такой подзатыльник, что у юнца пошла изо рта кровь. Гюнтер нахмурился.

– Довольно, Петер, – сказал он и повернулся к немцам. Ему было известно, что герр Мюллер, железнодорожный чиновник, не имел нареканий со стороны политической полиции. – Зачем вы это сделали? – с грустью спросил он. – Вы ведь понимаете, что это вас погубит.

Мюллер, худенький лысеющий человечек, кивнул в сторону висевшего на стене деревянного распятия. Гюнтер тряхнул головой:

- Я понимаю. Лютеране? Евангелическая церковь?

– Да, – сказал Мюллер. Он посмотрел на пойманных евреев и добавил с неожиданной резкостью: – У них есть душа, как и у нас.

Гюнтеру много раз прежде доводилось слышать этот нелепый аргумент. Он вздохнул.

– Все, чего вы добились, – это навлекли беду на свои головы. – Штурмбаннфюрер кивнул в сторону евреев. – Они тоже. Им следовало отправиться на переселение вместе со всеми прочими. А они вместо этого потратили годы, перебегая из дома в дом.

Люди, подобные герру и фрау Мюллер, ужасно глупы – могли бы жить спокойно и тихо, теперь же их ждут допросы в СС, а потом виселица.

Фрау Мюллер судорожно набрала в грудь воздуха.

– Пожалуйста, не причиняйте вреда нашим маленьким девочкам, – взмолилась она дрожащим голосом.

– Разве не следовало подумать о них прежде, чем вы это сделали? – Гюнтер снова вздохнул. – Все нормально, ваших девочек никто не обидит, их отправят на удочерение в добрые немецкие семьи. Вероятно, лишившиеся сыновей в войне на востоке, – с горечью добавил он, глядя женщине в глаза.

– Вы даете нам слово? – спросил ее муж.

Гюнтер кивнул.

– Спасибо, – промолвила женщина, потом повесила голову и заплакала.

Штурмбаннфюрер нахмурился – раньше никто из арестованных его не благодарил. Он посмотрел на маленький крест на стене. Гюнтер сам воспитывался в лютеранской вере и понимал, что крест символизирует жертвоприношение. Что такое настоящее жертвоприношение, он тоже знал. Ганса, его брата-близнеца, восемь лет назад убили партизаны на Украине. Сидя в ехавшем по Лондону комфортабельном автомобиле, Гюнтер вспоминал, как Ганс приехал в отпуск впервые после вторжения в Россию. Ганс служил в России в айнзацгруппе СС, ликвидировавшей большевиков и евреев. Тогда, в декабре, ему было тридцать три, но выглядел он старше. Они сидели дома у Гюнтера. Жена ушла спать. Лицо брата казалось бледным и осунувшимся на фоне черного мундира СС.

– Гюнтер, я убил сотни людей, женщин и стариков, – сказал он и вдруг заговорил быстрее. – Однажды мы уничтожили целое еврейское поселение, штетл. Мы заставили их выкопать большую яму, затем поставили на колени возле нее и стали расстреливать. Было так холодно, что, едва сняв одежду, они начинали дрожать. Ну и от страха, конечно. – Ганс сделал глубокий, судорожный вдох, затем взял себя в руки и расправил плечи. – Но Гиммлер говорит, что мы обязаны быть предельно суровыми и безжалостными. Он обратился к нам перед тем, как мы отправились в Россию. Сказал, что мы обязаны сделать это ради будущего рейха. Во имя неродившихся поколений. – Он вперил в брата отчаянный, яростный взгляд. – Чего бы нам это ни стоило.

Остаток дня после арестов Гюнтер провел в штаб-квартире гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, разбирая бумаги. Он подписал документы, согласно которым еврейская семья передавалась в Еврейский эвакуационный департамент Гейдриха, а Мюллеры – в руки следствия. Потом устало спустился по широкой центральной лестнице, мимо бюстов германских героев, и направился к себе на квартиру. Маршрут его проходил мимо масштабной, бесконечной стройки: в центре столицы возводили «Германию», новый Берлин Шпеера, с расчетом завершить все к Олимпийским играм 1960 года. Проектируемые здания были такими огромными, что песчаные почвы, на которых они строились, не могли их выдержать без заглубленного на сотни футов бетонного фундамента. Для вывоза песка проложили специальную железнодорожную ветку. В прохладные, сухие дни вроде этого воздух наполнялся пылью; иногда облако было таким густым, что Гюнтер, как и другие чувствительные к ней люди, надевал на лицо новую белую маску из Америки. Тысячи отбывающих трудовую повинность поляков и русских

копошились вокруг гигантских котлованов на крупнейшей в мире стройплощадке. За день несколько человек непременно умирали, Гюнтер видел руки и ноги, торчавшие из накрытой брезентом кучи. Объекты патрулировали с винтовками на плече: рабочие многократно превосходили их числом, но один человек с ружьем способен управиться со множеством невооруженных.

Гот отметил, что в последние дни среди прохожих все реже попадались люди со значком нацистской партии. Не подвергшиеся реконструкции улицы с каждым годом выглядели все более заброшенными. Дешевый импорт из Франции и с оккупированного востока до поры до времени поддерживал высокий жизненный уровень немцев, но в последние пару лет им приходилось все хуже. Конца войне в России не предвиделось, пять миллионов немцев уже погибло, и каждую неделю список потерь увеличивался. В тайной полиции ежедневно говорили о падении морали – многие граждане даже перестали приветствовать друг друга кличем «хайль Гитлер».

У себя в квартире он традиционно поужинал в одиночестве за кухонным столом, потом включил радио. Открыл пиво и стал думать про жену и сына. Четыре года назад Клара ушла от него к коллеге, другому полицейскому. Они забрали его сына Михаэля и, получив субсидию, уехали, чтобы поселиться в Крыму – единственной части России, полностью очищенной от коренного населения. Представляя собой удобный для обороны полуостров, Крым считался безопасным для немцев. Но Гюнтер знал, что тысячемильная железная дорога, построенная Германией для связи с этой территорией, подвергается постоянным нападениям партизан.

Он переключил волну – передавали Моцарта, а его музыка казалась Гюнтеру изнеженной и раздражающей, – и попал на увертюру «1812 год» Чайковского. Ему нравился уверенный, мощный ритм, пусть даже Чайковский был русским и поэтому не одобрялся. Музыка вызвала прилив бодрости, но когда она закончилась, его, как иногда бывало, поглотила унылая пустота. Гюнтер твердил себе, что это такое время – те, кто верит в Германию, обязаны платить дорожную цену ради ее будущего.

Раздался телефонный звонок, и Гюнтер вздрогнул. Звонили из штаб-квартиры гестапо. Его срочно вызывал к себе директор Карлсон.

Карлсон занимал большой кабинет на верхнем этаже здания на Принц-Альбрехтштрассе. Пол устилали толстые ковры, на стенах висели картины с видом Берлина XVIII века, на столах стояли миниатюрные статуэтки. Скорее всего, их реквизировали у евреев – Карлсон состоял в партии с двадцатых годов и пользовался всеми привилегиями. Он принадлежал к «золотому сословию». Этот крупный мужчина держался с оживленным радушием и, подобно большинству старых партийцев, был груб, но умен. Рядом с большим письменным столом, под портретами Гимmlера и фюрера, сидел еще один человек. Незнакомец был высоким и худощавым, лет за сорок, с черными волосами и колючими голубыми глазами, в безупречно сидящем мундире СС; свастика в белом круге нарукавной повязки выделялась на фоне черного кителя. Карлсон тоже был в форме, хотя обычно носил пиджак, как и Гюнтер, чья работа требовала постоянно находиться в тени, не привлекать внимания. Гот заметил, что у неизвестного на коленях – брюки его были аккуратно выглажены – лежит раскрытая папка.

Карлсон радушно поприветствовал Гюнтера и указал на кресло перед столом.

– Спасибо, что откликнулись на столь несвоевременное приглашение.

– Я не был занят ничем особенным.

Затем Карлсон повернулся к неизвестному, и в голосе его зазвучали уважительные нотки:

– Позвольте представить вам оберштурмбаннфюрера Реннера из отдела «Э-семь».

Бригадный генерал СС из секретного отдела рейхсканцелярии, отвечающего за Британию, отметил про себя Гюнтер. Наверняка что-то серьезное.

– Штурмбаннфюрер Гот – один из самых ценных моих сотрудников, – продолжил Карлсон. – Ему поручено разыскивать оставшихся в Берлине евреев. Сегодня он поймал троих.

– Поздравляю. – Темноволосый кивнул. – И много их осталось, как думаете?

– В Берлине – немного. Мы уже близки к завершению. А вот в Гамбурге, как я слышал, еще встречаются.

– Возможно, их больше, чем нам известно, – сказал Карлсон. – Евреи как крысы – только ты решил, что избавился от них, а они тут как тут, грызут твои пальцы маленькими острыми зубками, да?

Играет на публику, подумал Гюнтер.

– Нет, – спокойно возразил Реннер. – Полагаю, что штурмбаннфюрер Гот прав: евреев сейчас осталось не так уж много. – Он с интересом посмотрел на Гюнтера. – Мне думается, вы уже встречались с заместителем рейхсфюрера Гейдрихом?

– Всего пару раз. Когда я вступал в гитлерюгенд.

Реннер задумчиво кивнул. Похоже, он все еще составлял мнение о Гюнтере.

– Чем вы намерены заниматься, штурмбаннфюрер Гот, когда из Германии изгонят всех евреев? – спросил он.

– Не знаю. Мне осталось несколько лет до пенсии. Подумываю поехать в Польшу. Там, по слухам, есть еще работа.

Он надеялся, что в Польше к нему вернется искра былой энергии, а если нет, пусть его прикончат партизаны, как раньше Ганса, и тогда семейное жертвоприношение будет закончено.

– У вас любопытная биография, Гот, – произнес Реннер. – Университетский диплом в Англии, год, проведенный там, затем, по возвращении, членство в партии и пять лет службы в отделе по уголовным делам.

– Да. Мой отец тоже был полицейским.

Реннер кивнул. Серебряный значок с черепом и скрещенными костями на черной фуражке СС блеснул, поймав луч света.

– Знаю. В тридцать шестом году вы поступили в контрразведку гестапо, которую возглавлял тогда бригаденфюрер Шелленберг, и работали с разведданными по Англии, включая проекты ее оккупации, хотя они, к счастью, нам не понадобились. – Он холодно улыбнулся. – Затем, после сорокового года, пять лет в Англии. Работали через наше посольство с британской особой службой, помогали им реализовывать программы по подавлению антиправительственной деятельности.

Говоря, Реннер поглядывал в папку у себя на коленях, и Гюнтер догадался, что это его личное досье. Реннер озадаченно поглядел на него.

– Однако в сорок пятом вы просите возвратить вас в Берлин и переходите в Третий отдел. Где и остаетесь до сих пор, занимаясь этническими вопросами, и в течение последних нескольких лет отслеживаете прячущихся евреев. Ни разу не просили о повышении.

– Я был по горло сыт Англией, – сказал Гюнтер. – А моя жена и подавно. И нынешняя должность вполне меня устраивает.

– Как вижу, жена ушла от вас.

– Да.

Лицо Реннера смягчилось.

– Мне жаль. Сочувствую. У вас образцовый послужной список, вы многое сделали для рейха. Здесь говорится, что у вас большой талант аналитика, вы способны замечать то, что пропустили другие офицеры.

Реннер снова впери в Гюнтера долгий взгляд, оценивая его, потом повернулся к Карлсону.

– Да, – подтвердил Карлсон. Он откинулся в кресле, испытующе глядя на Гюнтера большими глазами, покрытыми красной сеткой сосудов. – В отдел оберштурмбаннфюрера Реннера

поступил запрос от очень высокопоставленных людей в лондонском посольстве. Им требуется человек для... – директор улыбнулся, – для выполнения одной задачи, довольно важной. Вы говорите по-английски, учились там в университете и пять лет работали офицером связи в Сенат-хаусе. Вы понадобитесь им на неделю – возможно, на две.

Гюнтер помедлил, потом сказал:

– Разумеется. Если я могу быть полезен.

– Но вам не по душе Англия, – заметил Реннер.

– Я знаю, что Британия – наш союзник, но англичан не люблю и не доверяю им, – ответил Гот. – Я всегда находил их... вырожденцами.

Реннер кивнул.

– А Бивербрука – посмешищем, – добавил Гюнтер.

Реннер снова кивнул:

– Согласен. Но Мосли пока недостаточно окреп, чтобы взять власть. Впрочем, должность министра внутренних дел дает ему большую власть. Англичане – арийцы, вот только, несмотря на свои достижения, не обладают правильным расовым мышлением. Они вырождаются, это правда, и не способны даже контролировать свою империю. А сторонники Черчилля доставляют все больше и больше хлопот.

– Я слышал об этом.

– Бивербрук сейчас во Франции, ведет переговоры с Лавалем. – По губам Реннера пробежала холодная улыбка. – Он хочет установить более тесные экономические связи с Германией и набрать войск для Индии. Британцы не в состоянии жить за счет империи, поэтому вынуждены теперь кормиться крохами с нашего стола. За это им придется заплатить. – Он посмотрел на Карлсона, который сцепил лежащие на столе пухлые руки и подался вперед. – Операцию, в проведении которой мы просим вас помочь, осуществляет СС. Мы знаем о вашей лояльности к нам. Вы будете работать с нашим агентом разведки в Лондоне. Ни слова об этом сотрудникам посла Роммеля, своим знакомым или армейским чинам, которыми кишит посольство.

Выходит, это часть закулисной войны между СС и армией, подумал Гюнтер. Многолетней войны. Военные полагают, что они всегда были защитниками Германии, тогда как эсэсовцы считают себя людьми будущего, чья задача – управлять низшими расами Великой Германии, пока те не исчезнут, и надзирать за сохранением и развитием высшей расы. Гитлер благоволил к эсэсовцам, создал их из ничего, но теперь он болен, и, говорят, тяжело, а между тем ни армия, ни СС не в силах добиться победы в России. В гестапо ходили слухи, что военные желают закончить войну в России: забрать Украину, западнорусские области и Кавказ, и пусть русские делают что хотят на нищих восточных землях. Но Гиммлер исходит из того, что безопасность Германии не будет обеспечена, если не довести войну до конца. После смерти Геринга большая часть его экономических полномочий перешла к Шпееру, которому благоволили военные, зато Гиммлер и СС видели в нем, с его любовью к большим государственным предприятиям и презрением к свободному рынку, едва ли не большевика. Геббельс, номинальный преемник Гитлера после смерти Геринга, ухитрялся поддерживать баланс между этими двумя силами, но неясно, насколько были прочны его позиции в эти дни.

– Получается, люди Роммеля не вовлечены? – осторожно поинтересовался Гюнтер.

– Роммелю ничего не известно. Эту операция от начала до конца проводит СС, – ответил Реннер, а потом добавил: – Если это составляет для вас проблему, Гот, так и скажите, и сделаем вид, что сегодняшнего разговора не было.

– Никаких проблем.

– Хорошо.

Реннер откинулся на спинку кресла.

– Вы вылетаете из Темпельхофа в Лондон завтра в девять утра, – сказал Карлсон. – Вас доставят в посольство, где сообщат дополнительные сведения касательно вашего поручения. А пока никому ни слова.

– Есть, – ответил Гюнтер, а про себя добавил: «У меня не осталось никого, кому я мог бы рассказать».

– Привезете мне из Лондона английского чаю? – спросил Карлсон. – «Эрл Грей». – Он расхохотался и посмотрел на Реннера. – Напиток для старух. Моя жена любит заваривать его, когда ее тетки приходят в гости.

По мере приближения к центру Лондона движение становилось все более плотным. Большой «мерседес» остановился перед светофором в гуще курносых английских машин. Гюнтер видел отражение своего лица в стекле. Он начал сдавать: лицо выглядело обрюзгшим, хотя линия рта и подбородок оставались твердыми. Нужно больше упражняться – Ганс всегда держал себя в форме. Когда они поехали по широкой Юстон-роуд, на ветровом стекле появились мелкие капли дождя.

Впервые Гюнтер приехал в Англию в 1929-м, чтобы год поучиться в Оксфорде. Уже тогда англичане показались ему хилыми. Тем не менее он вернулся работать в Лондон после подписания Берлинского договора, и пять лет взаимодействовал с местными полицейскими, учась тому, как подавлять мятежи, справляться с гражданскими беспорядками, бороться с терроризмом. Англичане сами накопили немалый опыт в Ирландии, но расслабились на протяжении спокойных сороковых.

Машина свернула налево и поехала мимо старинных зданий, зеленых скверов и деревьев с голыми ветками. Они подкатили к Сенат-хаусу с тыльной стороны, где территория посольства была защищена бетонной стеной двадцатифутовой высоты, патрулируемой британскими полицейскими. Немецкий солдат открыл стальные ворота, и автомобиль въехал во двор. Засидевшийся Гюнтер выбрался наружу и поднял глаза, глядя на девятнадцатиэтажное здание, вздымавшееся подобно высокой, узкой пирамиде. Громадные флаги со свастикой колыхались на холодном резком ветру. Гюнтера всегда впечатляли пропорции и функциональность этого сооружения.

Водитель повел Гюнтера по знакомым, облицованным камнем коридорам к широкому центральному вестибюлю, где на могучем постаменте стоял мраморный бюст фюрера высотой в десять футов. Здесь было шумно, как и в прежние времена. В обширном пространстве раздавался шум шагов и голосов; сновали мужчины в мундирах, цокали высокими каблуками машинистки в строгих платьях, с папками под мышкой. Его провели к лифтам. Шофер показал пропуск дежурному, еще одному солдату. В лифте, плавно поднимавшемся на тринадцатый этаж, они оказались единственными пассажирами.

– Каково это – вернуться назад? – поинтересовался Людвиг.

– Все до уныния знакомо. Но здесь хотя бы нет пыли в воздухе, как в Берлине.

– Верно. Хотя английские туманы бывают весьма неприятными.

– Я отлично помню их.

Дверь открылась. Манеры Людвига вновь стали официальными.

– Вам назначена встреча со штандартенфюрером Гесслером. Затем я покажу вам квартиру. Это на Рассел-сквер. Очень удобная.

– Спасибо.

Полковник разведки, отметил про себя Гюнтер, один из старших офицеров СС в посольстве. Он ощутил приступ возбуждения, чего с ним не случалось уже давно.

Кабинет, куда вошел Гюнтер, был маленьким, с белыми стенами и панорамным видом на Лондон, накрытый куполом серых туч. На столе у окна стоял глобус, где граница Германской

империи проходила по Уралу, на стене за столом висели неперенные фотографии Гитлера и Гимmlера. Снимок Гитлера был последним по времени, сделанным в 1950 году. Вождь был седым, с впалыми щеками и поникшими плечами. Он униженно взирал на Гюнтера, что разительнo контрастировало со спокойной уверенностью Гимmlера.

Человек в парадной эсэсовской форме встал, чтобы поприветствовать его. Гесслер был лет пятидесяти с небольшим, невысокий, подтянутый, с редкими темными волосами, зачесанными сбоку, чтобы прикрыть плешь. Круглое пенсне и строгое лицо с суровыми складками вокруг губ напомнили Гюнтеру его старого учителя из Кенигсберга. Один из тех сдержанных, бесцветных технократов, которых Гимmlер и Гейдрих предпочитают ставить на ответственные должности. Но Гюнтер знал, что такие люди умеют проявлять жестокость, – как и у старого преподавателя, у них бывает скверный характер.

– Хайль Гитлер! – произнес Гесслер, вскинув руку в нацистском приветствии.

Гюнтер отсалютовал в ответ. Ему предложили сесть. Гесслер рассматривал его, положив на стол короткие, пухлые руки. Стол содержался в идеальном порядке: ручки и карандаши на маленьком подносе смотрят рабочими концами в одну сторону, бумаги аккуратно разложены.

Гесслер выражался резко, без всяких любезностей.

– Инспектор Гот, мне сказали, что вашим суждениям всецело можно доверять. Что вы знаете британцев, их обычаи, их политику. Что можете быть дипломатичным, когда необходимо. Что вы офицер гестапо до мозга костей. – Он впервые улыбнулся, выказав вдруг расположение. – И что вы хороший охотник на людей.

– Надеюсь, что все это правда, герр штандартенфюрер.

– Вы и ваш брат вступили в партию в тридцатом году.

– Да. В эпоху веймарского хаоса.

Гесслер скрестил ноги.

– И тем не менее, в отличие от вашего брата, вы никогда не подавали просьбы о вступлении в СС. Формально вы, конечно, подчиняетесь заместителю рейхсфюрера Гейдриху – как сотрудник гестапо. Но вы не в СС. Моих коллег в Берлине это вроде как не смущает, но мне хотелось бы получить... некоторые разъяснения.

Он снова улыбнулся, но уже без прежней теплоты.

Гюнтер вздохнул:

– Мой брат Ганс всегда стремился к жизни... жизни идеалиста. А я тяготел к работе полицейского, как отец. Именно в этом мой талант. Так я служу Германии.

Гесслер резко хмыкнул:

– Как вижу, поддержание физической формы вас не привлекает. – Сам штандартенфюрер выглядел спортивным и подтянутым в своем безупречно сидящем черном мундире. – Это странно. Мне казалось, что братья-близнецы должны вести себя одинаково.

Гюнтер подозревал, что его хотят спровоцировать.

– Не во всех отношениях, – спокойно ответил он.

Гесслер поразмыслил с минуту, затем стремительно встал, подошел к глобусу и положил ладонь на Европу.

– Этот глобус – фикция, как мы оба знаем. Значительная территория к западу от Волги остается в руках русских. Они имеют в своем распоряжении волжские месторождения нефти, а также новые, обнаруженные в Сибири, тогда как контролируемые нами земли кишат партизанами. То же самое в Польше. Наши поселения, основанные там, делаются все менее безопасными. Кое-кто считает, что нам следует закончить войну, договориться с Хрущевым и Жуковым или с мелкими капиталистами за Волгой, с которыми коммунистическая партия делит теперь власть. Каково ваше мнение?

Гюнтер знал, какой ответ хочет услышать Гесслер, и сам считал так же.

– Если мы заключим сделку с русскими, сохранив крупное русское государство, способное снова угрожать нам, это будет плохая награда за жизни пяти миллионов немецких солдат. Да и наше оружие становится все мощнее день ото дня.

Гесслер прокрутил глобус и ткнул в Соединенные Штаты:

– Становится, но не так быстро, как американское. А через несколько недель президент Тафт уйдет и власть перейдет к этому либералу Эдлаю Стивенсону. Говорят, что он осторожен и осмотрителен, но он нам не друг.

– Американцы всегда были непредсказуемыми.

– Да. И сочетали политику изоляции с развитием мощнейших вооружений. Возьмите, к примеру, их заявление об обладании атомной бомбой – оружием, по сравнению с которым весь наш арсенал покажется ничтожным.

– Нам сообщили, что это дезинформация, а те фильмы – голливудская постановка, – ответил Гюнтер, хотя никогда не был до конца уверен в этом.

– Нет, она существует, – деловито возразил Гесслер. – Те фильмы с грибовидным облаком в пустыне – не подделка. Песок превратился в стекло. – Он вскинул густые темные брови. – У нас в Америке есть агенты, сочувствующие. Мы продвинулись со времен Рузвельта. И в посольстве Соединенных Штатов в Лондоне у нас тоже есть свои люди, о чем я расскажу вам подробнее в свое время. Но вернемся к нам. У нас имеется своя атомная программа, это не секрет. Но выполняется она не слишком успешно. Мы убеждены, что американцы опережают нас по всем направлениям. Биологическое оружие. Даже в ракетостроении они, похоже, скоро нас догонят. – Гесслер хохотнул с неожиданной нервозностью. – Может, авторы фантастических романов правы, и однажды нам придется воевать на Луне.

Штандартенфюрер снова сел за стол.

– Мы не смогли добыть надежные разведанные об американской программе вооружений по причине мер безопасности, которые, как вы догадываетесь, предотвращают любую утечку. – Он снова улыбнулся, глаза его немного расширились. – Но теперь, возможно, образовалась крохотная щелочка. Возможно. Не более того.

Гюнтер снова ощутил волну возбуждения, легкую дрожь внутри.

– Моя миссия связана с этим?

Гесслер откинулся в кресле. Вид его вдруг сделался усталым.

– Обстановка не самая благоприятная. Как бы я хотел, чтобы фюрер снова появился в прямом эфире, обратился к нам, как прежде. В России начинается очередная зима, поезда со снаряжением для армии снова подвергаются атакам. Русские знают, как выживать в тех краях, какой травой питаться, как защититься от холода и пережить морозы ниже сорока градусов. Мы уверены, что они готовят очередное зимнее наступление, снабжая войска с заводов, построенных в глухих лесах, далеко за Уралом. Наши ракеты там почти бессильны, мы не знаем, куда их нацеливать. А это движение Сопротивления в Испании, Италии, Британии и Франции... – Он покачал головой, потом пристально посмотрел на Гюнтера. – Чтобы победить в войне с русскими, нам нужно знать то, что знают американские ученые.

Гюнтер беспокойно заерзал в кресле. Если уж полковник из разведки СС делает такие пессимистические заявления, что говорят Шпеер и армейские чины? Гесслер поймал его взгляд и снова сел прямо, хмурый и официальный.

– Вы слышали о деле Тайлера Кента? – спросил он отрывисто.

– Кент был нашим сторонником. Работал в американском посольстве как раз накануне победы в сороковом году.

– Да. Он передавал ценную информацию о контактах между Черчиллем и Рузвельтом, пока его не арестовали. Знал некоторых британских фашистов – например, Моула Рэмзи, нынешнего министра по делам Шотландии. Английская контрразведка вычислила его. Посол Кеннеди, который здесь уже давно, смотрит на все сквозь пальцы и симпатизирует нам. У нас

есть в посольстве агенты, новые Тайлеры Кенты, и пару недель назад один из них сообщил кое-что весьма интересное. – Гесслер подался вперед и сплел пальцы. – Один американский ученый – по некоторым причинам я не могу сообщить, в какой области он работает, скажу только, что это недалеко от разработки оружия, – приезжал в Англию на похороны матери. Его зовут Эдгар Манкастер. По рождению он англичанин, хотя лет двадцать назад принял американское гражданство. По сведениям нашего человека из посольства, сотрудники госбезопасности с Гросвенор-сквер были обеспокоены тем, что Манкастер разгуливает по Лондону сам по себе.

– Он сочувствует Сопротивлению?

Гесслер замотал головой:

– Ничего подобного. Убежденный сторонник изоляционизма и могущества Америки. Проблема не в этом. После недавнего развода он стал подвержен неуправляемым приступам алкоголизма. Некоторое время Манкастер провел в Лондоне, пытаясь продать дом матери. И похоже, более или менее контролировал себя. А потом вдруг ушел в загул. За ним наблюдали, но в тот вечер он не пришел отмечаться в посольстве, как положено. Затем от него поступил телефонный звонок: оказалось, он лежит в бирмингемской больнице со сломанной рукой.

– Как это произошло?

– Он поехал навестить брата, геолога, работающего в Бирмингемском университете. Между ними вспыхнула ссора, и братец вытолкнул нашего американского приятеля из окна.

– Он тяжело травмирован?

– Всего лишь сломал руку. Вот только американцы вытащили его из больницы, несмотря на поврежденную руку, арестовали, запихнули в самолет и отправили в Штаты. Местом назначения, если верить нашему агенту в посольстве, стала тюрьма Фолсом в Калифорнии: изоляция, предельная секретность.

– Получается, он что-то натворил, – сказал Гюнтер.

– Или что-то ляпнул. Что именно, мы не знаем – наш шпион не имеет нужного уровня допуска.

– Англичане замешаны?

– Нет. Случилось что-то такое, о чем американцы не хотели им сообщать. Англичан лишь известили, что в Штатах принято доставлять пострадавших граждан на родину.

Гюнтер задумался.

– С кем связан наш человек в американском посольстве?

Гесслер улыбнулся:

– Не с людьми Роммеля. Он работает на нас, на СС. И полученной от него информацией располагаем только мы. Впрочем, мы навели кое-какие справки через британскую особую службу – у нас там есть надежные люди. Попросили выяснить всю подноготную брата. Полагаю, вы знакомы с нынешним комиссаром?

– Да, – подтвердил Гюнтер. – По прежней работе здесь. Твердый сторонник англо-германского сотрудничества. И вдобавок убежденный антисемит.

Гесслер кивнул:

– Мы можем работать с отдельными британцами, не забывая об осторожности. Но не с местными секретными службами, или тем, что от них осталось, – после захвата Кремля мы узнали обо всех коммунистических «кротах» в их рядах. Теперь там лишь несколько стойких патриотов,

– Да, – снова согласился Гюнтер. Находясь в Англии, он наблюдал, как разрастается особая служба: от простого подразделения Службы столичной полиции, имеющего дело со шпионами и политическими экстремистами, до полноценной вспомогательной полиции с сетью осведомителей и агентов в антиправительственных организациях.

– Что выяснила особая служба? – спросил он.

– Что этот брат, Фрэнк Манкастер, арестован за попытку убийства. Он устроил погром в собственной квартире, а когда его брали, орал что-то про конец света. Ругался на брата: не надо было, мол, рассказывать ему, Фрэнку, о том, что он сделал.

Гюнтер натянуто рассмеялся:

– Про конец света?

– Да. К счастью, обвинение изменили на более легкое – причинение тяжких телесных повреждений. Поведение Фрэнка было таким странным, что его поместили не в тюрьму, а в местную психиатрическую лечебницу. Где он сейчас и находится. Это мы знаем из досье бирмингемской полиции. Мы сказали ребятам из особой службы, что, по нашему мнению, братец Фрэнк может иметь нежелательные политические связи в Европе. Когда они ответили, что ничего такого у Фрэнка нет, мы тепло поблагодарили их и откланялись.

Гюнтер снова задумался.

– Американцы наверняка заинтересуются этим человеком, если его брат рассказал им, что случилось.

– Да. Судя по всему, они очень хотели вернуть Эдгара Манкастера в Штаты. И могут предпринять попытку убрать брата. Но действовать через официальные каналы не станут, так как не хотят, чтобы англичане пронюхали про их секретные вооружения. Если именно об этом проболтался Эдгар Фрэнку.

Гюнтер погрузился в размышления.

– Простите меня, герр штандартенфюрер, но получается, нам неизвестно, владеет этот сумасшедший какими-либо секретами или нет?

– Да, неизвестно. Но чрезвычайно важно это выяснить.

– Он говорил что-нибудь еще, находясь в лечебнице?

– Этого мы попросту не знаем. Его могли накачать наркотиками, чтобы успокоить. С буйными обычно так и поступают. К несчастью, чтобы подступиться к нему в больнице для умалишенных, потребуются немалый такт и знание местных особенностей. – Гесслер пожал плечами. – Вы ведь знаете англичан: бюрократическая волокита, разные службы не взаимодействуют друг с другом. Главный врач, доктор Уилсон, состоит в родстве с чиновником из Министерства здравоохранения.

– Они там проталкивают билль о стерилизации, так?

Гесслер презрительно отмахнулся:

– Чепуха, все ходят вокруг да около. Им бы почаще прибегать к газовой камере, как делаем мы. Но они не хотят.

– Да, – задумчиво согласился Гюнтер. – Им понадобилось целых десять лет, чтобы установить подобие авторитарного правления.

– Ну, теперь-то они на правильном пути. – Эсэсовец улыбнулся. – Очень скоро у англичан появятся другие причины для забот.

– Вот как?

Гесслер снова улыбнулся. Это была усмешка человека, располагающего секретной информацией. Неожиданно она придала ему какой-то ребяческий вид.

– Появятся. – Он вдруг вернулся к деловитому тону. – Я хочу, чтобы вы поехали в Бирмингем. Сходите в квартиру, где жил этот Манкастер, проверьте, нет ли там чего интересного. Навестите Манкастера. Позже мы, возможно, попросим вас забрать его и привезти сюда. Но для начала прощупайте его, посмотрите, в каком он состоянии, может ли что сообщить. Можете рассчитывать на помощь особой службы.

Гюнтер кивнул. Возбуждение внутри его стало ровным, обрело фокус.

– Конечно, – продолжил Гесслер, – все это может оказаться бредом сивой кобылы. Но приказ провести расследование поступил с самого верха, от самого заместителя рейхсфюрера Гейдриха.

Гюнтер заметил, как во взгляде Гесслера блеснул огонек честолюбия.

– Я сделаю, что смогу, герр штандартенфюрер.

– Здесь у вас будет кабинет, помогать будет инспектор особой службы по фамилии Сайм. Это наш хороший друг, он жил в Германии. Молод, но умен и амбициозен. По сути, его рекомендовал ваш преемник. Используйте его для устранения препон. – Гесслер наставил на Гюнтера палец, снова напомнив ему старого учителя. – Но если Сайм или кто-нибудь другой начнут спрашивать, Манкастер нам по-прежнему нужен из-за подозрения в политических связях. Мне бы очень хотелось действовать напрямую и решить вопрос с самим Бивербруком, но в нынешних обстоятельствах следует лететь ниже радара, как выражаются ребята из люфтваффе. По крайней мере, пока.

– Герр штандартенфюрер, вы действительно предполагаете, что здесь что-то есть?

– Мне известно немногим больше вашего. – На губах Гесслера, против его воли, снова появилась ехидная усмешка. – Лишь о том, над чем работал Эдгар Манкастер. Достаточно, чтобы понять, насколько это может быть важно. Вам я сказать не могу, Гот: если честно, не зная сути вопроса, вы никому не проговоритесь. Главное – Гиммлер и Гейдрих желают, чтобы это было сделано.

Гюнтер уже прикидывал, как он будет взаимодействовать с британскими властями, с разными ведомствами, не выдавая своих истинных намерений. Ему подумалось, что если догадка Гейдриха верна – а это всего лишь догадка, – то он, Гот, сможет сделать за свою жизнь хоть что-нибудь важное.

Глава 9

В среду, двумя днями ранее, дожди в той местности, где стояла больница, сменились туманами и снегом. Фрэнк сидел, как обычно, в «тихой палате». Накануне он обмолвился Бену, медбрату-шотландцу, про своего университетского друга Дэвида, и Бен предложил Фрэнку позвонить ему – вдруг Бен сможет помочь с переводом в частную клинику.

– В конце концов, раз он государственный служащий, то должен знать, как делаются такие вэйщи, – сказал Бен. – Можете воспользоваться телефоном в комнате медсестер, когда я буду на дежурстве.

Но Фрэнк не был уверен. Чем меньше людей, с которыми он говорит, тем лучше – из-за его тайны, той тайны, которую Эдгар выдал ему. И потом, он с подозрением относился к Бену: с какой стати медбрат бросился помогать, особенно после горьких слов о том, что доктор Уилсон уделяет Фрэнку больше внимания, поскольку тот принадлежит к среднему классу? Бен держался искренне и дружелюбно, однако в нем было что-то ненастоящее. Фрэнк заметил, что присущий жителям Глазго выговор в его речи временами становится более выраженным, как бы для пушного эффекта.

Рано поутру Бен зашел к нему и спросил, не надумал ли он позвонить другу.

– Почему вы это делаете? – спросил вдруг Фрэнк. – Почему помогаете мне?

Бен вскинул руки, капитулируя:

– Ну и подозрительный же вы паренек. Мне просто кажется, что вам тут не место и надо пособить вам выбраться отсюда. Но решать вам, приятель, – если вы готовы положиться на доктора Уилсона, то ради бога.

Потом Бен ушел, а Фрэнк с тревогой смотрел ему вслед. Это правда: он ко всем относился подозрительно, с самого детства. Доктор Уилсон не заговаривал больше про электрошоковую терапию, но Фрэнк опасался, что ее могут применить, – тогда он выболтает все, что знает. Он снова подумал о Дэвиде Фицджеральде – одном из тех немногих, кому Фрэнк действительно доверял и к кому питал расположение. Вот только они не виделись много лет. После выпуска из Оксфорда они какое-то время переписывались, и в 1943 году от Дэвида пришло приглашение на свадьбу, но Фрэнк никогда не бывал на свадьбах и боялся, что ему будет неуютно среди множества народа. После этого перерывы между письмами Дэвида стали длиннее, и в последние несколько лет все свелось к обмену рождественскими открытками.

Фрэнк предпочел бы оставаться в «тихой палате», но санитары частенько выгоняли его со словами, что надо быть в рекреации, общаться с другими пациентами. Ему этого не хотелось – другие напоминали Фрэнку об ужасном положении, в котором он оказался. Кто-то сидел, тупо уставившись в стену, кто-то разражался беспричинными взрывами ярости. Но Фрэнк знал, что у него есть свой изъян – эта его улыбка. А еще он напал на брата. Может, он тоже сумасшедший? Пока действие наркотика было сильным, все выглядело замечательно, но по мере того, как оно слабело – когда уменьшался эффект последней из трех дневных доз, – сердце Фрэнка заходило от страха, ему хотелось кричать. После выпуска ему ни разу не снилась школа, но теперь это началось. Лечебница слишком уж напоминала Стрэнгмен. Кроме того, он видел несколько жутких снов, в которых являлась миссис Бейкер.

Миссис Бейкер была спиритуалисткой. Мать говорила, что она способна контактировать с его отцом, погибшим в 1917 году при Пашендейле; Фрэнк появился на свет до срока, через две недели после этого. Мать так и не оправилась полностью после смерти мужа. Джордж Манкастер, врач, не обязан был идти добровольцем, и жена просила его не ходить, но он считал, что служба в армейском медицинском корпусе – его долг. Потом, как и опасалась мать Фрэнка, он погиб, оставив ее одну в большом доме с двумя детьми и домработницей Лиззи.

Фрэнк знал, что мать не любит его, зато обожает Эдгара. Но Эдгар, будучи четырьмя годами старше брата, родился, когда она была молодой и счастливой – до того, как мир сошел с ума в 1914 году. Мать всегда говорила, что Эдгар – хороший мальчик, смывленный и послушный, а Фрэнк, с его детскими болезнями и проявившимися уже тогда странностями, стал для нее обузой.

Но именно Фрэнк сильнее всего походил на отца. На фотографии с траурной ленточкой, стоявшей на каминной полке, были видны тот же длинный нос, те же женственные губы и большие, тревожные темные глаза. Как и Фрэнк, Джордж глядел так, словно боялся окружающего мира. В отличие от них, Эдгар рос крупным, сильным и уверенным в себе. Перед тем как отправиться в Шотландию, в ту же школу, где учился отец, по квоте для детей павших воинов, Эдгар часто обзывал Фрэнка «коротышкой» и «задохликом», а еще – словечком, которое вычитал в сказках братьев Гримм. «Ты иссохший, Фрэнки, – говаривал он. – Иссохший человечек».

В двадцатые годы к спиритизму обратились тысячи женщин – тех, что потеряли в окопах сыновей, мужей и братьев. Впервые миссис Бейкер пришла в их эшерский дом осенью 1926 года, когда Фрэнку было девять. Эдгар уже уехал в Шотландию, а Фрэнк учился в маленькой начальной школе, рос тихим, боязливым ребенком и мало с кем дружил.

Именно из-за больших размеров дома, в котором располагалась еще и лечебница отца, миссис Бейкер облюбовала его для своих сеансов. Кружок собирался вечером, по вторникам, – с полдюжины женщин, состарившихся прежде срока. Служанка Лиззи, всегда расположенная к Фрэнку, сказала, что не питает доверия к спиритизму и советует ему держаться подальше от всего этого.

Гости приходили как раз перед тем, как Фрэнк ложился спать, и по-дружески вежливо здоровались с матерью. Лиззи загодя готовила бутерброды и прохладительные напитки – миссис Бейкер утверждала, что алкоголь забивает ее каналы общения с духами. Женщины сидели, болтая о повседневных делах: об огородах, слугах, этих проклятых шахтерах, устраивающих забастовки. Но стоило прийти миссис Бейкер, как воцарялось благоговейное молчание. То была очень рослая, дородная женщина лет пятидесяти, с крупным прямоугольным лицом в обрамлении коротких волнистых волос и маленькими голубыми глазками. Одевалась она хорошо, хотя прямые линии, бывшие тогда в моде, не слишком шли к ее корпулентной фигуре; с шеи до пояса спускалось жемчужное ожерелье. Через ее руку всегда была перекинута сумочка с узором «пейсли».

Фрэнку разрешалось посидеть со всеми, пока поглощались бутерброды. Женщины всякий раз вежливо спрашивали, как у него дела, а миссис Бейкер смотрела с высоты своего огромного роста и выражала надежду, что он хороший мальчик и помогает матери. Одна из дам как-то раз назвала его бедным сиротой-безотцовщиной, но миссис Бейкер с укором посмотрела на нее и с чувством проговорила своим звучным контральто, что отец Фрэнка всегда рядом с ним в виде духа. После двадцатиминутной беседы миссис Бейкер хлопала в ладоши. «Пора начинать, дамы, – говорила она. – Я ощущаю приближение Мен Фу». Мен Фу, принцесса из древнего Китая, была ее проводником в мире духов. «Она готова, – продолжала миссис Бейкер. – Я вижу, как она идет ко мне, семена крошечными перебинтованными ножками». Женщины уважительно опускали глаза, а мать приказывала Фрэнку ложиться в постель. Потом, сопровождаемая другими дамами, она распахивала двойные двери в столовую, где стоял большой стол.

Когда Фрэнк сидел на кухне, глядя, как Лиззи готовит, служанка говорила, что находит странным совет, даваемый миссис Бейкер своим подопечным: избегать расположенной в миле от них спиритуалистской церкви.

– Пусть твоя мамочка говорит сколько хочет, что другие спиритуалисты прогнали миссис Бейкер из зависти к ее выдающимся способностям. Я знаю, что ей платят за эти сеансы, – не знаю, сколько именно, но готова побиться об заклад, что кучу денег.

Мать заявляла Фрэнку, что миссис Бейкер почти еженедельно связывается с его отцом; она слышала, как он говорит с ней через спиритку – это был его голос, мужской, его шотландский выговор. Когда она рассказывала Фрэнку о сеансах, ее лицо, обычно печальное озарялось чудесной, счастливой улыбкой. Отец Фрэнка, продолжала она, сейчас там, где залитые солнцем сады и прекрасные дворцы. Иногда ему удастся разглядеть вдалеке Иисуса, шествующего в ореоле белого света. По ее словам, отец сожалеет, что ушел и покинул их. Теперь он понимает, что поступил неправильно. И всегда с любовью наблюдает за Фрэнком.

Мысль о том, что отец смотрит на него, мало вдохновляла Фрэнка, ведь он его не знал. А глубоко внутри проклевывалось зароненное Лиззи семя сомнения насчет миссис Бейкер и всех ее затей.

Вечером каждого вторника Фрэнк, движимый любопытством, тихонько вставал после того, как дамы удалялись в столовую. Спустившись до половины лестницы, он глядел через балясины на закрытую дверь и прислушивался. Иногда до него доносились постукивание, глухие удары и восклицания женщин, иногда плач. Удары пугали Фрэнка, а от чужих слез хотелось плакать самому, но он оставался на месте.

Однажды вечером, в конце весны, он, как обычно, занял свой пост на лестнице. Ему показалось, что в столовой на миг послышался мужской голос, потом одна из женщин зарыдала – жуткий, отчаянный звук. Он все продолжался. На глаза Фрэнка навернулись слезы. Затем дверь столовой вдруг распахнулась, и появилась миссис Бейкер. Она закрыла за собой дверь, привалилась к стене и закрыла глаза.

Фрэнк сжался в комок и замер. На лестнице было темно – если не шевелиться, она его не заметит. При миссис Бейкер была, как всегда, ее сумочка с узорами «пейсли». Фрэнк смотрел, как женщина ставит и открывает ее. Затем, к его изумлению, миссис Бейкер извлекла оттуда початую бутылку виски. Быстро и настороженно оглянувшись на закрытую дверь, она припала к бутылке и сделала большой глоток. Потом перевела дух, отпила еще и утерла губы, не спуская глаз с двери. Рыдания не смолкали. Женщина что-то пробормотала, Фрэнк уловил только два слова: «Тупые коровы». Выражение лица миссис Бейкер переменялось, став жестким и презрительным. Убрав бутылку в сумочку, она достала пакетик мятных леденцов и сунула один в рот, затем подняла взгляд и увидела таращившегося на нее Фрэнка.

Глаза ее сощурились. Она быстро посмотрела на дверь в столовую, потом кинулась к лестнице; длинная нитка жемчуга подпрыгивала на ее дородных телесах. Фрэнк перепугался, но был не в силах пошевелиться. Миссис Бейкер поднялась по лестнице и нависла над ним. Жемчуг коснулся его лица, и мальчик вздрогнул. Женщина вцепилась в его руку сильными мясистыми пальцами.

– Ах ты, мерзкий пронырливый мальчишка! – злобно прошипела она. – То, чем мы занимаемся, – дело личное, не для детских глаз. Духи разгневаются. Не говори никому ни слова о том, что видел, иначе я найду на тебя злых духов, по-настоящему коварных и жестоких, и они будут тебя мучить. – Женщина с силой встряхнула его. – Ты понял?

– Да, миссис Бейкер.

– Точно понял? – Хватка сделалась еще крепче. – Не думай, что я не смогу вызвать духов, – еще как смогу.

– Я понял.

– Вот и хорошо. А теперь ступай в кровать, мерзкий маленький соглядатай!

Она смотрела, как Фрэнк ковыляет в свою комнату. В темноте он улегся в постель, весь дрожа. Фрэнк боялся, но не злых духов. Он понял, что Лиззи была права: миссис Бейкер – бессовестная обманщица. А еще он убедился, что его опасения справедливы и мир – это плохое место, полное людей, готовых причинить ему вред, если смогут.

Сеансы продолжались. Миссис Бейкер была, как всегда, любезна с Фрэнком, хотя при взгляде на него в ее глазах появлялось какое-то новое выражение. Спустя пару недель мать позвала его и сказала, что отец прислал с «другой стороны» послание, в котором говорится, что Фрэнку пора ехать в школу, к своему брату. Мать посмотрела на него с привычной досадой, но одновременно – с неподдельной озабоченностью.

– Я была не уверена, что Стрэнгмен-колледж подходит тебе, слишком уж ты хилый, но твой отец сказал через миссис Бейкер, что там тебя приучат к дисциплине, это пойдет на пользу. Надо ехать, говорит она, ибо в мире духов знают куда больше нас. Ах, Фрэнк, не стой и не смотри на меня с этой дурацкой ухмылкой, пожалуйста.

Итак, несколько недель спустя, сразу после своего одиннадцатого дня рождения, Фрэнк отправился в школу. Помогая хозяйке собирать вещи сына, Лиззи чуть не плакала. Сидя в поезде на Эдинбург, Фрэнк размышлял, что, может, оно все к лучшему. Но вскоре обнаружил, что ошибся: миссис Бейкер и впрямь наслала на него целую орду ужасных духов.

В больнице серьезно относились к упражнениям. Если позволяло самочувствие, пациенты каждый день в течение часа упражнялись на прогулочных площадках. То были просторные дворы в центре больничного комплекса, с крытыми дорожками у стен. Целый час пациенты беспрестанно ходили по кругу, а дежурные медработники подгоняли лентяев, чтобы те не отставали. Некоторым больным разрешали прогуливаться по двору в одиночестве, не заходя за знаки «Граница территории», но Фрэнк не принадлежал к их числу.

Заняв свое любимое кресло в «тихой палате», Фрэнк глядел в окно. В комнате был еще один пациент, крупный мужчина в годах, по фамилии Мартиндейл, который верил, будто коммунисты и евреи направляют ему в голову лучи с посланиями; обычно он сидел, закрыв ладонями уши и бормоча что-нибудь в расчете заглушить передачу. В лечебнице он провел много лет, а до того был рабочим на заводе. Фрэнк знал, что Мартиндейл злится, когда его беспокоят, но совершенно безобиден, если его не трогают.

Заканчивалось утро, подходило время упражнений. Фрэнк услышал, как за спиной у него открылась дверь и кто-то вошел, по-военному чеканя шаг. В этот день дежурил не Бен, а Сэм, бывший солдат, – средних лет, в аккуратной отутюженной форме. Санитар обогнул кресло.

– Опять ты тут прячешься, Фрэнк, – сказал он с отчетливым бирмингемским выговором. – Выходи, пора на прогулку. Не зевай.

Фрэнк неохотно встал. Сэм повернулся к Мартиндейлу:

– Ты тоже выходи.

Мистер Мартиндейл жалобно посмотрел на Сэма.

– Прошу вас, мне нехорошо сегодня. Голоса громкие. Не трогайте меня.

– Мы тебе дадим попозже лишнюю таблетку, – пообещал Сэм. – Но упражнения обязательны. Марш, марш!

Пациенты принялись описывать круги по двору. Пару дней назад Фрэнка подстригли. Это входило в обязанности санитаров, и дежуривший в тот день отнесся к делу халатно: постриг спутанную каштановую шевелюру Фрэнка почти по-армейски, оставив лишь пушок. Теперь Фрэнк ощущал кожей холодный сырой воздух. Такой бездумный подход всегда напоминал ему о Стрэнгмене, а заодно и о том, кем он отныне являлся, – пациентом клиники для душевнобольных. Его обуревало желание как можно скорее вернуться в «тихую палату».

Он шел рядом с Мартиндейлом, который бормотал что-то про себя и спотыкался, зажимая ладонями уши.

– Мартиндейл! – раздраженно рявкнул Сэм. – Опустите руки! Упадешь ведь, если под ноги смотреть не будешь!

Другой санитар, молодой человек, недавно поступивший на работу, с опаской посмотрел на Сэма, но тот, желая показать, кто здесь главный, рявкнул снова:

– Мартиндейл! Руки опусти!

Фрэнк заметил, как изменился взгляд Мартиндейла. Прежде глаза его были опущены, но теперь они смотрели на Сэма, и в них было что-то дикое. Он взглянул на Фрэнка, и тот в испуге шарахнулся. Бывший рабочий снова посмотрел на санитаров, стоящих на лужайке в центре прогулочного двора, а затем бросился к ним, неожиданно быстро и энергично.

– Ты, долбаный ублюдок! – крикнул он Сэму. – Какого хрена ты ко мне привязался?

Мартиндейл, размахивая кулаками, обрушился на них, но ему подвернулся не Сэм, а новый помощник. Фрэнк видел, как из носа у молодого человека брызнула кровь. Колпак слетел с головы, и санитар врезался в стену. Сэм сунул в рот свисток и издал долгую трель. Фрэнк стоял, окаменев, и смотрел, как Сэм сражается с Мартиндейлом, стараясь заломить ему руки за спину. Другие тоже смотрели: кто-то наблюдал, пара человек хохотали, а один юноша принялся прыгать и рыдать.

Выбежали с полдюжины санитаров. Мартиндейла повалили на землю, Сэм пнул его в спину. Остальных пациентов быстро загнали в корпус. Оказавшись в отделении, Фрэнк ухитрился просочиться в «тихую палату» и сел в кресло. Руки дрожали, искалеченная ладонь болела. Ему и раньше доводилось наблюдать, как пациенты ругаются и кричат, как их силком укладывают в кровать, но подобного насилия он не видел никогда. Итак, находиться здесь небезопасно, всякое может произойти. Фрэнк снова подумал об электрошоке, о том, что он может выболтать секрет. «Я это сделаю, – сказал он себе. – Я позвоню ему. Дэвид, помоги мне, пожалуйста».

Глава 10

В пятницу Дэвид ушел с работы в пять и спустился в метро на станции «Пикадилли». Кэрол спросила, не хочет ли он послушать еще один концерт на следующей неделе, и Дэвид согласился – ему было поручено держать кастрюльку на медленном огне, как выразился Джексон, поэтому они раз в месяц посещали мероприятия.

Он вышел в Сохо. Вечер был сырой и промозглый, на скользкой мостовой отражались неоновые огни рекламы: «Боврил»⁹, «Спички „Английская слава“», «Австралийские вина „Эму“ к Рождеству». На узких улочках былолюдно: джентльмены из Сити, пижонистые сутенеры, типы в опереточных нарядах, солдаты в толстых шинелях, приехавшие на побывку из Индии или Африки. Проститутки в дверных проемах щеголяли прическами по немецкой моде – блондинистые косички, уложенные в кольцо за ушами. Навстречу прошел, шатаясь, пьяный чернорубашечник.

Дэвид нырнул в сырой переулок у кофейни, перешагивая через смятые сигаретные пачки и кучку собачьего дерьма. В кофейне сидела стайка мальчишек-подростков, которые глазели на проходивших мимо женщин поверх чашек, покрытых пенкой. У одного был намащенный кок, на несколько дюймов поднимавшийся над лбом. Как-то ночью в субботу пару недель назад чернорубашечники устроили налет на Сохо, переловили всех «джазовых мальчиков», которых смогли найти, и побрили им головы опасной бритвой. Но молодежь ничто не останавливало.

Зеленая дверь оказалась не заперта. Одинокая лампочка тускло освещала лестницу. С сырых стен шелухой сползала краска. Крупный мужчина средних лет, держащий в руке шляпхобург, вышел из квартиры проститутки. Дэвид отошел в сторону, пропуская его. Потное лицо мужчины выражало удовлетворение.

– Лакомый кусочек плоти, – проговорил он мечтательно. – Лакомый.

Дэвид постучал в противоположную дверь. Наталия впустила его. Как обычно, на ней была старая блуза в пятнах краски; никакого макияжа, волосы, как всегда, растрепаны. Обычно она встречала его приветливой, теплой улыбкой, но сейчас была серьезна.

– Входите, – сказала она.

В просторной комнате было холодно, пахло краской. На мольберте стояла очередная картина: ветхие дома на крутой улочке, вдалеке большой прямоугольный замок. Как на всех городских пейзажах Наталии, люди на улицах были изображены с опущенными головами либо спиной к зрителю.

Джексон стоял у камина. Здоровяк выглядел встревоженным, губы его были плотно сжаты.

– Спасибо, что смогли прийти в неурочный час, – сказал он.

– Садитесь, пожалуйста, – обратилась Наталия к нему, указав на потертые кресла у огня. Зачастую она прибегала именно к такому, вежливо-формальному тону. В таких случаях ее акцент походил на немецкий, но стоило ей разволноваться, как он становился резче, а гласные делались более ровными и протяжными.

– Что-то назревает, – сказал Джексон слегка обеспокоенно. – Что-то по-настоящему важное.

– Джефф и Бордман не придут? – спросил Дэвид.

– Не сегодня, – ответил Джексон, смотря ему в глаза.

Дэвид судорожно вздохнул:

– Нас раскрыли?

Джексон мотнул головой:

⁹ *Боврил* – мясной концентрат, предназначенный для употребления в виде горячего напитка или для добавления в еду.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Это никак не связано с работой нашей ячейки. Тут кое-что другое, информация, поступившая с самого верха.

Дэвид оглянулся на Наталию. Та серьезно кивнула.

– Если точнее, дело касается одного человека, знакомого вам по Оксфорду, – продолжил Джексон. – Его зовут Фрэнк Манкастер. Это имя вызывает у вас какие-нибудь ассоциации?

– Да. – Дэвид озадаченно нахмурился. – Джефф тоже его знает.

Джексон явно удивился, потом посмотрел на Наталию.

– Ну конечно! Они ведь учились в одном колледже.

– Там об этом не подумали, – сказала женщина.

– Это может быть нам полезно, – заявил Джексон.

Дэвиду вспомнился Фрэнк, когда они сидели вместе с ним и Джеффом в оксфордском пабе: длинные темные волосы, как всегда, спутаны, узкое лицо – нервное и напряженное, шарается от всего на свете.

– Что с ним стряслось? – спросил он тихо.

– Как понимаю, вы с Манкастером делили комнаты в Оксфорде, – сказал Джексон. – Были его лучшим другом.

– Пожалуй, так.

– Какой он?

– Странный, застенчивый. Боится людей. Мне кажется, у него было чертовски поганое детство. Но парень хороший, в жизни никому не причинил вреда. И еще у него есть привычка думать, он высказывает любопытные суждения, если его разговорить.

– Видимо, вы его защищали, – заметила Наталия.

– С чего вы взяли?

– Нам известно, что он обращался к вам за поддержкой.

– Неужели?

– Мы так полагаем.

– Он держался рядом со мной и Джеффом, входил в наш круг друзей. Когда мы поступили на госслужбу, Фрэнк остался в Оксфорде и стал научным сотрудником. Очень умный. – Джексон и Наталия внимательно слушали. Дэвид продолжил: – В последние годы мы с ним мало общались. Раньше обменивались письмами, но теперь только посылаем друг другу рождественские открытки.

Дэвид посмотрел на Наталию.

– Фрэнк умер? – вдруг спросил он.

– Нет, – ответила она прямо. – Но у него серьезные неприятности.

– Какие?

– Манкастер ведь был геологом, так? – спросил Джексон. – Вел научные изыскания в Бирмингемском университете?

– Да. Преподавательская работа не для него.

Джексон кивнул:

– Его отец погиб во время Великой войны, насколько мне известно, и их со старшим братом растила мать в доме близ Лондона. Оба учились в частной школе в Шотландии.

– Вы хорошо осведомлены, – заметил Дэвид.

– Но мы должны узнать еще больше, – сказала Наталия. – Нам нужна ваша помощь.

Дэвид глубоко вздохнул:

– Фрэнк мало рассказывал о своем детстве. Но я знаю, что его мать находилась под пятой у какой-то мошенницы-спиритуалистки.

– Что насчет старшего брата? – осведомилась женщина.

– По-моему, они с Фрэнком не ладили. Где-то в тридцатых он уехал в Америку. Тоже ученый. – Дэвид нахмурился. – Фрэнк избегал говорить о себе. В школе с ним произошел

несчастный случай, он сильно покалечил руку, но никогда не рассказывал, как это было. Сдается, ему там приходилось несладко. Думаю, его травили.

– Многих мальчиков травят в частных школах, – с сомнением заметил Джексон.

– Тех, кто не может за себя постоять, – нетерпеливо перебила Наталия. – Бедный мальчик.

– Брат Фрэнка Манкастера – тоже ученый, физик, – продолжил Джексон. – Он стал гражданином США и в последние десять лет занимал видную должность в одном из лучших калифорнийских университетов. Его работа связана с американской программой вооружений. Не знаю, как именно, но что-то очень важное. – Джексон помолчал, чтобы Дэвид осознал сказанное, потом заговорил снова: – В октябре старая миссис Манкастер умерла, и Эдгар приехал на похороны. Нам известно, что дом их матери выставлен на продажу. Вероятно, Эдгару нужны деньги. Он недавно развелся, и ему требуются средства для выплаты, как это там называется, алиментов. К тому же, надо думать, он сильно пристрастился к алкоголю.

– Это информация из Америки? – поинтересовался Дэвид. – Там тоже есть наши люди?

– У нас имеются контакты в их секретных службах, – ответила Наталия. – Но мы также получаем сведения из местных источников.

Джексон встал и стал неспешно расхаживать по потертому ковру. Через стену слышался звинченный хохот очередного клиента проститутки. «Каково Наталии быть тут по ночам одной и слышать все это», – подумал Дэвид.

Джексон брезгливо замычал и продолжил:

– У Сопротивления есть связи с американцами. Мы им не слишком-то по вкусу, большинству из них, хотя, быть может, при Эдлае Стивенсоне они станут больше расположены к нам. Но им и нацистская Европа не нравится, а мы – полезный канал. Иногда мы помогаем им переправлять людей в Штаты – например, пару евреев-ученых, которых они недавно затребовали. – Он тяжело вздохнул. – Две недели назад на нас вышел один очень серьезный человек из их секретной службы. Получается, что в прошлом месяце Эдгара Манкастера доставили в Америку со сломанной рукой. Ему пришлось кое в чем сознаться.

– Сознаться?

– Да. Приехав сюда, Эдгар навестил брата Фрэнка в Бирмингеме. Они сильно поссорились.

Дэвид помотал головой:

– Не могу представить себе, как Фрэнк ссорится с кем-либо.

– А вдруг он боялся того, что может случиться, если он потеряет контроль над собой? – с горечью предположила Наталия.

Джексон бросил на нее раздраженный взгляд.

– Нам неизвестно, из-за чего они поругались, – продолжил он. – Американцы ничего не скажут. Как и Фрэнк Манкастер. Но американцы предполагают, что Эдгар мог сболтнуть что-то лишнее про их разработки в области вооружений. В любом случае Фрэнк Манкастер пришел в такое состояние, что вытолкнул брата в окно второго этажа.

Дэвид никак не мог поверить, что Фрэнк способен напасть на кого-нибудь. Всю свою жизнь парень держал себя в узде. Что заставило Фрэнка сломаться? И во что он вляпался?

– Мы считаем, что это несчастный случай. Рама прогнила, но Эдгару повезло – отделался переломом руки. А Фрэнк между тем принялся громить собственную квартиру и нести какую-то чепуху про конец света. В конце концов его поместили в клинику для душевнобольных под Бирмингемом, где он сейчас и находится.

Джексон помотал головой, словно такое поведение было выше его понимания.

– Американцы считают, что никто не должен пронюхать о том, над чем работает Эдгар, – тихо заметила Наталия. – Ни наше правительство, ни немцы. Мы полагаем, что Фрэнк ничего не сказал. Пока.

– Откуда вы знаете?

– У нас в клинике есть свой человек, один из сотрудников.

– Боже правый!

Джексон улыбнулся:

– Больница, как и все такие заведения, очень велика, там около тысячи пациентов. Тот сотрудник – один из наших «кротов», он спокойно делает свою обычную работу, пока в один прекрасный день нам не потребуются его услуги. Это медбрат, там их называют санитарями. Человек надежный, опытный.

– Он присматривает за Фрэнком, – добавила Наталия. – Заботится о нем.

– Что случилось с Эдгаром?

– Насколько нам известно, он в Штатах, сидит под замком в очень надежном месте, – сказал Джексон.

– Выходит, они знают, сказал ли он что-нибудь Фрэнку.

– Да, – согласился Джексон. – Знают. Нам они не говорят, но не надо сложных умозаключений, чтобы это понять.

– Господи! Может, он проболтался про бомбу?

– Или про ракеты, или про биологическое оружие, – добавила Наталия. – Американцы называют себя последними защитниками демократии, но некоторые из вещей, над которыми они работают... ужасны.

– Американцы хотят заполучить Фрэнка Манкастера, – заявил Джексон напрямик. – Нашему человеку удалось в какой-то мере войти к нему в доверие. Манкастер, естественно, прежде не бывал в подобных местах и наверняка боится того, что с ним могут сделать.

– Что именно?

– Электрошоковая терапия, а то и что-нибудь похуже.

Дэвид покачал головой.

– Быть может, нам удастся вытащить его оттуда, – сказала Наталия.

Джексон снова сел и посмотрел на нее:

– Возможно. Но пока надо соблюдать осторожность и не привлекать к нему внимание. Разумеется, если он разгласит секреты, которые мог выболтать Эдгар, это могут истолковать как бред сумасшедшего, но, если Фрэнк потом исчезнет, на вещи посмотрят под другим углом. – Он вскинул брови. – По счастью, главврач больницы, Уилсон, вовсе не светоч медицины, но он, похоже, питает к Фрэнку некий интерес. А еще он родственник видного государственного чиновника, который служит под началом Черча, помощника министра здравоохранения.

Дэвид посмотрел на него:

– Это Черч проталкивает билль о стерилизации неполноценных?

– Да, тот еще евгенист. Вносил этот билль в тридцатом году. Но при этом не ярый сторонник Германии, стоит за независимость британских ведомств. – Джексон сухо хохотнул. – Еще не осознал, что битва проиграна. Ну да ладно. Наш человек говорит, что Манкастер очень замкнут. Уилсону не удалось его разговорить. Ему нужен друг, искренне в нем заинтересованный. – Джексон вскинул брови. – Из его разговора с нашим медбратом создается впечатление, что единственный человек, которому Фрэнк доверяет, – это вы.

Дэвид сжался под опустившимся на него гнетом.

– У него что, нет друзей в Бирмингеме?

– Похоже, он держался очень обособленно. Вряд ли университетское начальство видело в нем сколько-нибудь ценный актив. А брата Эдгара американцы к нему допускать не хотят.

– Я всегда думал, что Фрэнк может слететь с катушек, – промолвил Дэвид тихо. – Но чтобы так? И разработка оружия... – Он посмотрел на Джексона. – Нашему правительству известно что-нибудь о случившемся?

Джексон посмотрел на него:

– Думаете, Манкастер прохлаждался бы в психушке, если бы там знали?

– Господи!

Дэвид провел пятерней по коротким кудрям. Наталия склонилась к нему:

– Вы готовы помочь ему? Поедете туда, встретитесь с ним, восстановите былую дружбу.

– А что потом? Что будет с ним? – Дэвид посмотрел на собеседников. Встретился взглядом с Джексон. – Американцам он ведь наверняка нужен мертвым.

– Нет. – Джексон покачал головой. – Он как раз нужен им живым, чтобы допросить его. И эта операция находится под нашим контролем. – Он кисло улыбнулся. – А если бы он был нужен нам мертвым, то был бы уже покойником. Наш человек, санитар, имеет доступ к наркотикам.

Дэвид откинулся на спинку кресла. Пусть даже Фрэнку ничто не угрожало – пока, – от слов Джексона у него похолодело внутри. Наталия посмотрела на него.

– Мы не хотим его убивать. Если только не возникнет прямой риск того, что его заполучат немцы. А уж коли он попадет к ним...

– То лучше ему умереть, – закончил за нее Дэвид.

– Наш человек в клинике убеждает Манкастера связаться с вами, – сказал Джексон. – Если мы дадим ему знать, завтра вечером вам может позвонить Фрэнк с просьбой помочь ему выбраться из лечебницы. После чего вы с Наталией и, как я думаю, Джефф Дракс, тоже на правах товарища, поедете туда и навестите пациента. В воскресенье. Это день посещений. Войдите к нему в доверие, сообщите нам, в каком состоянии он находится. Тем, кто будет оформлять пропуск, вы назовете фальшивые имена и представитесь друзьями из школы. Наш человек позаботится о том, чтобы начальство клиники не узнало о вашем приезде. Вам дадут поддельные удостоверения личности, на тот случай, если на входе попросят предъявить документы.

Дэвид сделал глубокий вдох:

– Это ведь большое дело, да?

Джексон кивнул:

– Потенциально. Указания поступили с самого верха. Опасности тут нет, по крайней мере на ранней стадии. – На его губах появилась лукавая, уверенная улыбка. – Там на вас очень рассчитывают.

Дэвид невесело рассмеялся:

– Особый уполномоченный.

– Иногда приходится играть эту роль. Раз уж вы к нам присоединились. Как думаете, справитесь? – спросил Джексон.

– А как насчет моей жены?

– Ей не следует ничего знать, как и об остальной вашей работе. Придется вам придумать, как объяснить свое отсутствие в воскресенье.

Дэвид представил Фрэнка, которого допрашивает СС. В последние два года ему иногда приходило в голову, что это может ждать и его самого.

– Да, – сказал он. – Я навещу Фрэнка.

– Спасибо. – Джексон встал. – Мне нужно сделать несколько звонков. И я переговорю завтра с Драксом. Увижусь с вами обоими завтра утром в клубе.

Натягивая перчатки, он улыбнулся. В глазах его светилась искренняя благодарность.

– Джефф не был дружен с Фрэнком так, как я, – сказал Дэвид. – Фрэнк может удивиться, увидев нас двоих.

– Скажете ему, что Джефф вызвался отвезти вас, что ваша машина сломалась. – Джексон обратился к Наталии. – Вы изобразите подружку Дракса. Хорошее прикрытие. И затем вы дадите свой отзыв относительно состояния Фрэнка. – Он снова повернулся к Дэвиду. – Не спрашивайте Манкастера о том, что случилось с братом, просто подтолкните его к разговору. Посмотрим, что выйдет. Это важно. Оцените его умонастроение. Наталия, кстати, в воскресе-

ные будет за старшего. Если произойдет что-нибудь непредвиденное, подчиняйтесь ее приказам. При ней будет оружие, на всякий случай. – Джексон улыбнулся. – И стрелок она отменный.

Дэвид посмотрел на Наталию, та спокойно кивнула.

– Так, значит, договорились? – Джексон говорил с деланой веселостью. – Проведаете Манкастера, потом заглянете к нему на квартиру – наш человек добудет ключ. Затем позвоните мне из телефонной будки.

– Отлично, – сказал Дэвид. Потом добавил: – Бедный старина Фрэнк.

– Воистину. – Джексон кивнул. – Нужно помочь ему, вытащить его оттуда. – Он помолчал, потом заговорил снова, сменив тему: – Сегодня Бивербрук встретился в Берлине со Шпером и Геббельсом.

– Но не с Гитлером, – вставила Наталия.

– Да. – Джексон хмуро улыбнулся. – В прошлом году я был с делегацией Министерства иностранных дел в Германии на открытии новой художественной галереи фюрера в Линце. Впечатляющее зрелище. Там собраны сокровища, награбленные по всей Восточной Европе. Кто-то обмолвился, что накануне Гитлеру устроили персональную экскурсию. Его катили на коляске, и от болезни Паркинсона его трясло так, что он не мог даже толком сосредоточить взгляд на картине, не то что вскинуть руку в нацистском приветствии. – Лицо его помрачнело. – Знаете, я ведь встречался с ним однажды.

– С Гитлером? – переспросил Дэвид.

– Да. Я был с министром иностранных дел лордом Галифаксом, когда тот нанес ему визит в тридцать седьмом году. У канцлера было жутко зловонное дыхание, и он то и дело пускал ветры. Отвратительный человек. Большие, бешеные глаза. Но они отлично помогали воздействовать на толпу.

– Возможно, он уже тогда был болен.

– Да. – Джексон сдержанно улыбнулся. – А теперь он болен тяжело. И в Америке избран Стивенсон. Быть может, обстоятельства начнут-таки меняться к лучшему. – Он подошел к двери, готовясь уйти: они всегда выходили порознь. – Снова стало очень холодно. Надеюсь, в этом году нас не будут мучить густые туманы. Ну ладно, доброй ночи.

Джексон вышел. Дэвид слышал, как он тяжело спускается по лестнице.

Дэвид поднялся. Прежде он никогда не оставался с Наталией наедине.

– Мистер Джексон – англичанин во всем, – сказала она. – Не может обойтись без разговора про погоду.

– Да, это верно. Очень частно-школьный, как у нас говорят.

– Он ведет крайне опасную жизнь.

Видимо, Наталия уловила нотку недовольства в голосе Дэвида.

– Да.

– Мне жаль вашего друга. У меня был знакомый, который так же болел. Страшно мучился.

Дэвид вздохнул:

– Фрэнк не всегда был несчастным. Он просто...

– Не вполне от мира сего?

– Верно. Но у него есть право принадлежать к этому миру. Как и у всех нас. За это мы и сражаемся.

– Да, это так.

Он заметил, как в углу ее глаза блеснула слеза, и вдруг захотел подойти к ней и обнять. Потом подумал о Саре, ждущей дома, – он сказал ей, что в офисе аврал и ему придется задержаться. Теперь снова придется лгать жене. Он перевел взгляд с Наталии на картину, над которой она работала.

– Где это?

– Братислава, в Восточной Европе. Когда-то этот город был под властью Австро-Венгрии, потом стал частью Чехословакии, а сейчас является столицей Словакии. Одного из марионеточных государств Гитлера. – Женщина посмотрела на холст, на людей, бредущих по узким улочкам. – Когда я там росла, он был космополитичным, как большинство городов Восточной Европы. Словаки, венгры, немцы. Во многих жителях смешались все три национальности, как во мне. – Она снова улыбнулась своей печальной, горькой улыбкой. – Я космополит. Но потом подняли голову боги национализма.

– Там жило много евреев?

– Да. У меня было много еврейских друзей. Никого из них больше нет.

Потом Дэвид произнес резко:

– Мне пора возвращаться к жене.

Наталия медленно кивнула. Он повернулся и вышел.

Глава 11

В среду после обеда Фрэнк вновь встретился с доктором Уилсоном. Бен снова провожал его в приемный покой. Молодой шотландец все больше нравился Фрэнку, он был добр к нему, и Фрэнк понаблюдал за ним достаточно, чтобы понять: в этом человеке нет ничего, свойственного миру Стрэнгмена. И все-таки в Бене было нечто неуловимое, то, что мешало ему довериться.

Доктор возился с какими-то папками у себя в кабинете. Он указал Фрэнку на стул и спросил:

– Как вы?

– Все хорошо, спасибо.

– Звонили из полиции. – У Фрэнка упало сердце, но Уилсон продолжил: – Они еще не решили, выдвигать ли обвинение. Брата вашего тоже не нашли. Дело, похоже, зашло в тупик. Если дойдет до суда, – добавил он ободряюще, – мы сошлемся на невменяемость. Но будет хорошо, если ваш брат свяжется с нами. Мы не можем перевести вас в «частную виллу», пока не назначен опекун, способный управлять вашими средствами. До этого момента вам придется оставаться в общей палате.

– Я понимаю, – уныло промолвил Фрэнк.

Уилсон с интересом посмотрел на него:

– Я слышал, что вы по-прежнему очень замкнуты. Не общаетесь с персоналом и другими пациентами.

Фрэнк не ответил. Уилсон откинулся в кресле, взял ручку и принялся крутить ее в пальцах.

– Вы в детстве играли вместе с братом? – спросил он ни с того ни с сего. – Быть может, вместе с матерью?

Фрэнк посмотрел на врача. Нельзя втягиваться в разговор об Эдгаре.

– Наша мать была не из тех, кто... играет.

– Она предпочитала Эдгара?

– Я не знаю.

– Вы чувствовали, что это так?

– Я не знаю.

Уилсон вздохнул:

– Фрэнк, я склоняюсь к тому, чтобы подвергнуть вас электрошоковой терапии. На следующую неделю все расписано, так что через одну. Надо вывести вас из этого депрессивного состояния.

Бен вел Фрэнка обратно в отделение. На улице похолодало, воздух был морозным. Фрэнка пугала мысль о шоковой терапии. Ему хотелось убраться из больницы. От коллег из Бирмингема он получил открытку с пожеланием выздоровления, но этим их участие ограничилось. Да и Эдгар, похоже, решил не иметь с ним ничего общего. Пьет, наверное, в каком-нибудь баре в Сан-Франциско, пытаясь все забыть, глуша виски, как миссис Бейкер. Фрэнк ненавидел алкоголь, притупляющий в людях чувство недозванного – единственное, что не дает им вернуться в дикое состояние.

– Выпивка, – пробормотал он вслух.

– Что такое? – переспросил Бен.

– Ничего.

– Вам бы лучше не делать этого – не разговаривать с самим собой. Здесь опасно иметь такую привычку.

Фрэнку хотелось расспросить Бена о шоковой терапии, но было страшно. Жуткая усталость овладела им.

– Что сказал Уилсон? – поинтересовался Бен.

– Только то, что моего брата до сих пор не нашли.

– Думали насчет того, чтобы позвонить вашему старому приятелю?

Фрэнк не ответил, только потупил взгляд. Он еще не был до конца уверен, что это безопасно.

Бен оставил Фрэнка в рекреации. Пациенты расселись полукругом у телевизора, где Фанни Кредок показывала, как готовить квашеную капусту по-немецки. Несколько человек сидели за столом, вырезая из листа бумаги полоски детскими ножницами с тупым концом, – хотя до Рождества оставался месяц с лишним, больные уже готовили украшения. Мартиндейла в отделении не было – после недавней выходки его поместили в одну из камер с мягкими стенами.

Фрэнк пробрался в «тихую палату» и занял привычное место в мягком кресле у окна. Он думал про свою квартиру в Бирмингеме: убрался в ней кто-нибудь? Квартира, пусть и обшарпанная, ему нравилась. Вот только Бирмингем стоит так далеко от моря. Море Фрэнк полюбил с тех пор, как они с матерью ездили в гости к двоюродной сестре отца в Скегнесс, – ему было тогда десять лет. Эдгара с ними не было: он отправился со своим классом во Францию. Предоставленный сам себе Фрэнк дни напролет бродил по песку; пляж был полон отдыхающими, но море было таким пустым и огромным и всегда двигалось. Для купания было слишком холодно, он только играл с прибоем, да и тогда ноги сводило, но ему все равно хотелось бы погрузиться в воду. Будучи в гостях у родственников, мать пыталась убедить их в реальности мира духов и в уникальных способностях миссис Бейкер, связывающейся с ними. Больше их не приглашали.

В последние дни Фрэнк подумывал о том, чтобы свести счеты с жизнью, предпочитая унести с собой страшную тайну и не доверять ее никому, даже Дэвиду. Но он понимал, что ему не хватит духу. К тому же в больнице за ним постоянно присматривали. Тупые ножи и вилки пересчитывали после каждого приема пищи, в комнатах не было надежных крюков для ламп, на которых можно было бы повеситься. Правда, в «тихой палате» на желтой от никотина стене висела картина викторианских времен: охота на оленя в Шотландии. Видимо, она держалась на достаточно крепком гвозде или крюке. Фрэнк закрыл глаза, по телу прошла непроизвольная судорога. Умирать не хотелось, хотя в школе он порой грезил об этом. Как ему хотелось никогда больше не вспоминать про нее!

Колледж Стрэнгмен помещался в вытянутом прямоугольном здании на самой окраине Эдинбурга. Дом стоял на унылом склоне холма, в местности, продуваемой всеми ветрами. Одна из многих частных школ города. В Викторианскую эпоху тогдашний директор решил переместить заведение сюда, решив, что холодный воздух будет оказывать на детей бодрящее действие.

Он бодрил, и еще как, когда Фрэнк вышел из школьного экипажа, встретившего его на станции Уэверли тем воскресным днем 1928 года. С залива Ферт-оф-Форт налетел шторм, принес с собой промозглый дождь. Фрэнка едва не сбило с ног. В экипаже с ним приехало еще три новых интернатчика – большинство учеников Стрэнгмена были «дневными мальчиками», но кое-кто жил в интернате. Четверо одиннадцатилетних парнишек в новеньких форменных костюмчиках красного цвета стояли у школы, испуганные и встревоженные, и держали на голове красные фуражки, чтобы их не унесло ветром.

Фрэнк смотрел на подъездную дорожку, что вела к зданию из песчаника. Оно казалось огромным, а каменные блоки оставались красно-рыжими, хотя все дома, мимо которых они проезжали в Эдинбурге, были закопчены от сажи хуже, чем в Лондоне. «Дневные мальчики»,

видно, еще не приехали – семестр начинался со следующего дня, – и место выглядело покинутым. Фрэнк надеялся, что Эдгар, накануне вернувшийся из поездки, встретит его, но их ждал только учитель с планшетом в руках – высокий, тощий мужчина в шляпе и дождевике, с очками на носу, строгого вида.

Фрэнк все еще оглядывался в надежде высмотреть Эдгара, когда сильный толчок в ребро заставил его подпрыгнуть.

– Эй! – произнес учитель резким голосом. – Ты никак задремал, малый? – Из-за расклатистой «р» слово у него вышло «задррремал». – Фамилия твоя как? Манкастер?

– Да. Я Фрэнк.

Мужчина нахмурился:

– «Да...» – а дальше?

Фрэнк растерянно уставился на него.

– «Да, сэр», – продолжил учитель. – Разговаривая с преподавателем, ты должен прибавлять «сэр». И еще, ты Манкастер-младший – к мальчикам тут обращаются по фамилиям. – Он снова нахмурился. – И сотри с лица эту дурацкую ухмылку. Ты что, смеешься надо мной?

Один из мальчиков захихикал. Фрэнк держался как мог, подавляя отчаянное желание убежать.

Учитель повел ребят к пристройке позади главного корпуса. Внутри их ждала унылая комната с четырьмя железными койками. Рядом с каждой стояла тумбочка. Дождь неистовствовал и стучал в окна.

– Вот ваша спальня, – сказал учитель. – Номер восемь, запомните. Меня зовут мистер Ритнер, а ваш класс – четвертый «б». Запомните: четвертый «б». В четыре часа – полдник в столовой, на втором этаже. А пока разбирайте вещи, да поживее.

Он вышел, гроыхая по голым доскам. Фрэнк стоял с разинутым ртом, резкие указания вертели у него в голове.

За полдником – его накрыли в углу огромной столовой с длинными скамьями – появился Эдгар с дюжиной других обитателей интерната. Ему было уже пятнадцать: рослый и плечистый, помощник старосты с кисточкой на шапке. Он сел рядом с Фрэнком.

– Значит, ты здесь, – сказал он тихо.

– Привет, Эдгар. Черт, как я рад тебя видеть.

Ответный взгляд брата был холодным как лед.

– Послушай, Фрэнк. То, что я твой брат, еще не означает, что мы станем видеться в школе. Понял? – В его голосе появился местный выговор. – Ты всего лишь еще один маленький новичок. Не докучай мне, ясно? К тому же я живу в клоповнике для старших, так что мы все равно будем встречаться редко.

– В клоповнике?

– Так мы называем корпуса в интернате, – ответил Эдгар раздраженно, будто Фрэнк обязан был это знать. Он встал. – Здесь тебе придется самому стоять на ногах. Так заведено в Стрэнгмене. Тебе нужно закалиться.

В следующие дни Фрэнка все время охватывала паника – ему никак не удавалось найти дорогу в огромном здании, где повсюду мельтешили или маршировали шеренгами толпы мальчишек. Несколько раз, заблудившись, он спрашивал дорогу у других учеников, но те только смеялись.

– Ты чего так лыбишься? – сказал один из них с угрозой. – Рожа у тебя как у долбаного идиота. – (Фрэнк заморгал, чтобы не расплакаться.) – Хнычешь, сосунок?

Остальные ребята посмотрели на него с брезгливым презрением. Очень скоро по школе разлетелся слух, что в клоповнике есть новый пацан, неженка, которого видели плачущим.

Что еще хуже, он брат Эдгара Манкастера. Откуда у Эда Манкастера взялся такой мелкий сопляк-брат? Он позорит школу.

Жизнь Фрэнка превратилась в муку. На площадке для игр ребята окружали его, кричали и обзывались, потешаясь над его худобой, большими ушами, странной глупой улыбкой и слезами. Поначалу, перепуганный, он метался в кольце и орал, чтобы его оставили в покое. Это лишь усугубляло травлю, и понемногу Фрэнк сообразил, что лучше стоять спокойно, не плакать и вообще не выражать никаких эмоций.

Один раз, всего один, Фрэнк вышел из себя. С ним в классе учился «дневной» мальчик по фамилии Ламсден – высокий, полный, в очках: он и сам мог стать объектом травли, но ему хватало ума напускать на себя уверенный вид и пользоваться своими габаритами. Вскоре он сделался вожаком мучителей Фрэнка. Однажды холодным осенним днем, когда иней посеребрил траву на лишенном деревьев склоне, шайка мальчишек обступила Фрэнка на утренней перемене в надежде довести его до слез. Фрэнк стоял в середине кольца и не шевелился. Ламсден вышел вперед, присел, сгорбившись, и принялся размахивать руками, изобразив на лице ухмылку, призванную подражать гримасе Фрэнка.

– У-у, у-у, у-у, – забубнил он, подражая обезьяне. – Манкастер как шимпанзе, которого я видел в зоопарке на каникулах, они тоже постоянно лыбятся. Мартышка Манкастер! Мартышка Манкастер!

Ребята покатывались со смеху – Ламсден попал в десятку. В голове у Фрэнка что-то шелкнуло. Он напрыгнул на большого мальчика, молотя кулаками как попало. Ему хотелось выбить Ламсдену зубы, убить, но ярость сделала его неуклюжим. Ламсден подставил ему подножку, и Фрэнк рухнул навзничь на асфальт. Ламсден склонился над ним.

– Теперь тебе конец, Мартышка, – сказал он, лицо его перекосилось от злобы.

– Не оставляй следов, Гектор, – предупредил один из мальчишек.

Ламсден сел на Фрэнка верхом и стал бить кулаками в живот, пока тот не утратил способность дышать и едва не отключился.

– Хватит, Гектор! – воскликнул кто-то. – Еще убьешь мелкого уродца.

Ламсден, весь багровый, поднялся и довольно ухмыльнулся, глядя на Фрэнка:

– Теперь ты поймешь, кто ты такой на самом деле.

Отныне Фрэнк знал, что не может ничего сделать, что он беспомощен. Он не мог пожаловаться на обидчиков ни брату – Эдгар при встрече обходил его стороной, – ни учителям. Они знали – нужно было быть слепым и глухим, чтобы не знать, – как с ним обращаются, но, как сказал Эдгар, философия Стрэнгмена предусматривала, что каждый мальчик стоит за себя сам. Учителя не стали бы вступаться, если бы не увидели явных следов насилия. К тому же Фрэнк не нравился и им: на уроках он не мог сосредоточиться, сидел, словно погруженный в грезы, и получал замечания за взгляды в окно. Иногда его даже вытягивали – били по руке тонким кожаным ремешком с длинным разрезом на конце, чтобы получалось больнее.

Вот так Фрэнк научился прятаться, стал настоящим виртуозом в этом деле. Во время перемены или обеденного перерыва он укрывался в туалете или в пустой классной комнате. Более того, в углу большого актового зала, где мальчики каждое утро собирались на молитву, он обнаружил здоровенный штабель деревянных кресел, которые выставлялись только в дни вручения наград и прочих церемоний. Штабель был накрыт пожарным занавесом, старым и толстым. Пробираясь между составленными креслами, Фрэнк нашел в середине достаточно места, чтобы туда втиснулся маленький мальчик. Он понимал, что здесь не слишком безопасно, но ему было все равно – он обрел убежище.

Задиры не утруждали себя поисками: в такой большой школе они легко могли наловить других рыбок, а Фрэнк старался никому не отвечать. Хотя безропотная покорность помогала

ему оставаться незамеченным большую часть времени, ему вслед зачастую кричали: «Мартышка! Тупой! Покажи лыбу, Мартышка!»

Так все и продолжалось – не было способа остановить обидчиков. Мальчикам разрешалось гулять по холмам после уроков, и Фрэнк долгими часами бродил в одиночестве среди зарослей утесника и гранитных выступов, по поросшим длинной травой пустошам, продуваемым бесконечными ветрами, постоянно держась настороже и ныряя в кусты всякий раз, как показывался кто-нибудь из учеников Стрэнгмена.

Фрэнку исполнилось двенадцать, потом тринадцать и четырнадцать, а у него так и не появилось ни одного настоящего друга. Эдгару в 1931 году стукнуло восемнадцать, он окончил Стрэнгмен и уехал в Оксфорд учить физику. К этому времени Фрэнк уже почти не жил в реальном мире. Единственным дорогим ему местом была библиотека. Любимые всеми книги, романы Хенти и приключения Бульдога Драммонда, не очень привлекали его, зато он обожал научную фантастику, особенно Жюль Верна и Герберта Уэллса. Его завораживали истории о подземных и подводных мирах, полетах в космос и пришельцах с Марса, путешествиях в будущее. На каникулах он прочел в одном журнале про немецкого ученого, предсказавшего, что однажды ракеты доставят людей на Луну. Когда им начали преподавать физику и рассказывать про устройство солнечной системы, Фрэнк наострил уши. Учитель естествознания, которого предупредили насчет проблемного ученика по фамилии Манкастер, обнаружил, что тот смыслен и внимателен, способен на лету схватить сложную тему. Фрэнк впервые начал получать хорошие отметки. Другие преподаватели хмурились и цокали языком – они, мол, всегда говорили, что голова у Манкастера есть, вот только он чересчур ленив и рассеян, чтобы пускать ее в ход. Со временем Фрэнк освоил труды Ньютона, Кеплера и Резерфорда. Он воображал себя путешественником по иным мирам, где высокоразвитые существа встречают его тепло и уважительно. А иногда, уснув на жесткой железной койке, Фрэнк грезил о том, как марсиане вторгаются на Землю, один из описанных Уэллсом гигантских треножников наводит лучевую пушку на Стрэнгмен и разносит его на куски, словно огромный кукольный домик.

Он очнулся. Оказалось, он заснул в кресле. В «тихой палате» было холодно. Деревья и трава за окном покрылись инеем, влага превратилась в лед. Фрэнк задумался над тем, сколько времени, – темнеть начинало около четырех. Бен уже должен заступить на дежурство. Наверняка снова будет уговаривать, чтобы он позвонил Дэвиду. В памяти Фрэнка всплыли университетские дни – там хотя бы не было ужасов.

Мистер Маккендрик, школьный преподаватель естествознания, единственный человек в Стрэнгмене, старавшийся помочь Фрэнку, руководил его подготовкой к вступительным экзаменам в Оксфорд.

– Я думаю, ты поступишь, – сказал он и, поколебавшись, добавил: – Думаю, Манкастер, в Оксфорде тебе будет лучше. Придется очень много работать, чтобы преуспеть, но ты сможешь заниматься самостоятельно, чего нельзя делать в школе. И я думаю, что твоя жизнь станет... эмм... легче. Но если хочешь обзавестись друзьями, надо приложить усилия. Большие усилия, я бы сказал.

Фрэнк приехал в Оксфорд в 1935 году, чтобы изучать химию. Эдгар уже получил диплом и уехал аспирантствовать в Америку – баба с возу, кобыле легче, как решил Фрэнк. Он гулял по Оксфорду, восхищаясь красотой колледжей. Он надеялся получить собственное жилище и встревожился, когда ему сказали, что его придется делить с другим студентом. Но Фрэнк научился распознавать опасность, исходящую от людей, и при первом же взгляде на Дэвида понял, что ему ничто не угрожает. Высокий, атлетического сложения лондонец выглядел уверенным в себе, но абсолютно дружелюбным.

– Что изучаешь? – спросил Дэвид.

– Химию.

– А я занимаюсь новейшей историей. Послушай, какую спальню ты предпочитаешь? Одна побольше, зато в другой окно выходит на двор.

– Э-э-э... мне без разницы.

– Бери с окном, если хочешь.

– Спасибо.

Фрэнк был слишком застенчивым и подозрительным, чтобы завести настоящих друзей, – он работал с другими студентами в лабораториях, но избегал пускаться в разговоры: вдруг на него накинута и станут обзывать «мартышкой». Все же он кое-как пристроился к компании Дэвида, состоявшей из серьезных, разумных, как он, парней, не склонных к шалостям. Дэвид пользовался уважением среди студентов, так как занимался греблей и входил в университетскую команду.

Фрэнку навсегда запомнился один вечер. Близился к концу первый семестр. Италия вторглась в Абиссинию, и пакт между Британией и Францией, позволивший Италии аннексировать большую часть этой африканской страны, вызвал яростное сопротивление. Фрэнк и Дэвид сидели у себя и обсуждали ситуацию с лучшим другом Дэвида, Джеффом Драксом.

– Очевидно, что Италия выиграла войну, – сказал Джефф. – Мне бы хотелось, чтобы исход был другим, но лучше признать случившееся и прекратить боевые действия.

– Но это означает конец Лиги Наций. – В голосе Дэвида, всегда спокойном, слышалось непривычное волнение. – Получается, что теперь любая страна вправе начать агрессию.

– С Лигой Наций уже покончено. Она не помешала Японии вторгнуться в Манчжурию.

– Тем больше причин стоять на своем.

В шестом классе Фрэнк ходил в кино и видел, что происходит в Европе: злобный Сталин, наглые диктаторы Гитлер и Муссолини. Сюжеты о том, как скалящиеся коричневорубашечники бьют окна в еврейских магазинах, а их владельцы прячутся внутри, пробуждали в нем невольную симпатию к жертвам. Он начал следить за новостями.

– Если такое спустят с рук Муссолини, это подзадорит Гитлера, – заявил Фрэнк. – Он уже восстановил всеобщую воинскую повинность и, по словам Черчилля, создает военно-воздушные силы. Гитлер собирается снова начать войну в Европе, и одному Богу ведомо, что он тогда сделает с евреями.

Фрэнк заметил, что он говорит страстно, даже с напором. И резко оборвал себя. Взгляд Дэвида был направлен на него, и до Фрэнка дошло, что впервые, насколько ему удавалось вспомнить, кого-то всерьез интересует его мнение. Джефф тоже слушал его внимательно, хотя и сказал:

– Если Черчилль прав и Гитлер представляет опасность, тем больше причин постараться наладить дружбу с Муссолини.

– Гитлер и Муссолини – одного поля ягоды, – возразил Фрэнк. – Рано или поздно они стакнутся.

– Да, так и будет, – подтвердил Дэвид. – И ты прав: что станет тогда с евреями?

Кто-то вошел в «тихую палату», прервав раздумья Фрэнка. Бен пристально смотрел на него:

– Вы в порядке? Выглядите страшно усталым.

– Со мной все хорошо.

«Ему-то какое дело?» – снова подумал Фрэнк. Потом ему вспомнились ужасные мысли о самоубийстве, посетившие его недавно, Уилсон и шоковая терапия. Он понял, что существует лишь один доступный ему выход, и глубоко вздохнул.

– Я вот поразмыслил... Видимо, я должен связаться с моим другом Дэвидом, которого знал по университету.

– Отлично. – Бен быстро кивнул в знак согласия. – Можете позвонить в выходные, когда я буду на сестринском посту. Больше никому из персонала нэй говорите – вы ведь нэй хотите, чтобы Уилсон об этом пронюхал?

Фрэнк опять подумал о том, как трудно будет объяснить Дэвиду, где он оказался. Обща-
ясь с ним и его друзьями в университете, он по временам казался сам себе почти нормальным,
как все другие люди. Но это чувство давно прошло.

Бен вскинул брови и вопросительно склонил голову.

– Заметано? – спросил он.

– По рукам, – ответил Фрэнк. И улыбнулся, на этот раз искренне.

Глава 12

Сара вернулась с пятничного собрания в шестом часу. Проходя мимо скверика со старым бомбоубежищем, она часто думала: «Слава богу, что нам не пришлось там укрываться». Но теперь ей закралась в голову мысль: могла ли война в 1940 году принести им что-нибудь хуже всего происходящего? И помотала головой, не находя ответа.

На коврик перед дверью лежала записка, нацарапанная от руки. Это была смета от строителей, которых она просила прийти и переклеить обои на лестничной площадке. Сара тяжело опустилась в кресло, держа записку в руке. Она думала про мальчишек, избитых у метро, всех в крови. Жаль, что у ее отца нет телефона, – несмотря на дороговизну, она позвонила бы ему в Клактон. Можно позвонить Айрин, но известно, что скажет сестра: законы должны исполняться, пусть даже вспомогательная полиция иногда перегибает палку.

Ей вспомнилось, как в 1941 году арестовали отца. Пацифисты, поддержавшие мирный договор 1940 года, – миролюбиво настроенные члены парламента от лейбористов, активисты Союза обета мира, квакеры – проявили недовольство, когда по условиям соглашения всех бежавших от нацизма, прежде всего евреев, стали возвращать в Германию. Беспокойство вылилось в массовые протесты после нападения Германии на Россию следующей весной, когда старый боевой конь Ллойд Джордж, вернувшийся в премьерское кресло после почти двадцатилетнего перерыва, стал поощрять английских добровольцев к участию в немецком походе против коммунизма.

Возникла новая общественная организация «За мир в Европе», и отец Сары вступил в нее. Последовали демонстрации, кампании по распространению листовок, бойкот немецких товаров. Газеты, например «Экспресс», принадлежавший Бивербруку, потешались над бригадами вегетарианцев в сандалиях, которые, подобно коммунистам, мигом переобулись, как только Гитлер нарушил советско-германский пакт и напал на родину коммунизма.

В октябре 1941 года, сразу после падения Москвы, на Трафальгарской площади состоялась большая демонстрация, и отец Сары решил принять в ней участие. То был единственный раз, когда Сара и Айрин всерьез поссорились: Айрин вышла за Стива и перестала быть убежденной пацифисткой, а вот Сара собиралась пойти с отцом. Дело решил Джим, отказавшись взять ее, – даже Би-би-си клеймила участников антивоенных митингов, называя их опасными пособниками коммунистов, и если сам он уже вышел на пенсию, то Сара могла потерять работу. Поэтому ее там не было; из новостей она узнала, что демонстрация вылилась в разгул анархии. Позже отец рассказал, что произошло на самом деле. Тысячи митингующих мирно сидели под колонной Нельсона: Бертран Рассел, Вера Бриттен и А. Дж. П. Тейлор, сотни клириков, лондонские докеры, домохозяйки, безработные и пэры Англии. Власти окружили площадь броневиками, потом послали полицейских с дубинками. Многие из активистов угодили в исправительную колонию на острове Мэн, получив десятилетний срок, а кое-кого, по слухам, передали немцам и увезли на остров Уайт. Дальнейшие демонстрации были запрещены на основании старых ограничительных установлений, оставшихся в силе после 1940 года. Ллойд Джордж говорил о необходимости твердой рукой искоренить подрывную деятельность. Некоторые видные пацифисты, такие как Вера Бриттен и Феннер Брокуэй, объявили на острове Мэн голодовку – и умерли; власти не вмешивались. В конце концов, заявил Ллойд Джордж, это их выбор. Как сообщали старые друзья Джима, были и другие демонстрации, поменьше, но они замалчивались и безжалостно разгонялись. Джим сказал, что уже стар для участия в незаконных акциях, посоветовав Саре затаиться и ждать лучших времен. Когда Сара начала встречаться с Дэвидом, он разделял это мнение. Однако положение постоянно ухудшалось: люди ворчали и жаловались, но сделать уже ничего не могли.

Стоя в холле, Сара размышляла, рассказывать ли Дэвиду о случившемся, – он задерживался, и она не знала, действительно ли муж работает допоздна. Войдя в гостиную, она замерла, обхватив себя руками. Потом вздохнула. Было так легко забыть о том, что делалось вокруг; пожалуй, даже хорошо, что она столкнулась с этим лицом к лицу. Она затопила камин – домработница уже сложила дрова, – затем вернулась в холл и посмотрела на слезшие обои. На столе стояла большая расписная ваза эпохи Регентства, украшенная яркими цветами. То была одна из самых ценных вещей, принадлежавших матери Дэвида. Его отец, уезжая в Новую Зеландию, оставил вазу сыну. Саре вспомнился другой вечер, вечность назад. Чарли, уже научившийся ползать, добрался до стола и медленно, но верно ухватился за его край в попытке встать. Ваза покачнулась. Дэвид бросился к сыну широкими, тихими шагами, чтобы не испугать его, подхватил под руки и оттащил в сторону. Малыш обернулся и воззрился на папу с таким удивлением, что родители расхохотались, и Чарли тоже. Дэвид поднял сына над головой. «Нужно убрать бабушкину вазу, не то озорник Чарли до нее доберется». Вазу спрятали в буфет, но после смерти Чарли Дэвид решил вернуть ее на место. «Она всегда стояла в холле у нас дома».

Сара посмотрела на вазу. Потом согнулась и рыдала от бессилия.

Дэвид пришел домой в восемь. К тому времени Сара взяла себя в руки и приготовила ужин. Она вязала свитер – рождественский подарок старшему сыну Айрин. В последние дни она проводила все больше времени за вязанием – это был единственный способ скоротать одинокие часы в доме. Сара отложила свитер и посмотрела на мужа. Уставший и бледный, он был не похож на человека, который проводит время в постели с любовницей. Сара поцеловала его, как обычно. От него не исходило аромата духов, только сырой, холодный запах лондонских улиц.

– Прости, я хотел вернуться пораньше, – сказал он.

Он действительно работал допоздна, решила Сара. Он вымотан. Если только это напряжение не проистекает от необходимости притворяться. Она отстранилась. Дэвид посмотрел на нее.

– С тобой все хорошо? – спросил он, а когда жена не ответила, нежно обнял ее. – Сара, что-то случилось?

Значит, она выглядит более потрепанной, чем ей кажется.

– Да, – сказала она. – Сегодня днем в городе я видела кое-что ужасное.

Они сели, и Сара рассказала ему про нападение.

– Эти ребята всего лишь раздавали листовки. Те вспомогательные – просто варвары: избили их до полусмерти, а потом увезли в фургоне. Один старик мне сказал, что их передадут гестапо.

Дэвид смотрел на огонь:

– Разве Ганди не говорил, что мирный протест может подействовать только в том случае, если те, против кого ты протестуешь, способны испытывать стыд?

Сара подняла глаза:

– Они защищались. Вели себя храбро. Насилие, к которому начало прибегать Соппротивление, только усугубляет зло. И правительство набирает все больше и больше вспомогательных. Это замкнутый круг.

Дэвид устремил на нее странный, напряженный взгляд:

– А что еще делать людям? Мы ведь потеряли все: демократию, независимость, свободу.

– Ждать дальше, и только. – Сара горько рассмеялась. – Разве не этим мы занимались последние двенадцать лет? Я к тому, что именно так простой народ всегда переживал тяжелые времена. Гитлер не появился на публике, чтобы встретиться с Бивербруком, да? Своим самым ценным союзником. Может, он действительно умирает?

– Если он умрет, на смену ему придет Гиммлер.

Сара посмотрела на Дэвида. В последнее время он был настроен против режима не меньше ее, и она ожидала, что случай с мальчишками вызовет у него ярость и гнев.

– Все это невыносимо. То, что творится в мире, – промолвил он наконец.

– Ты устал, – сказала она. – Ступай наверх и сними рабочий костюм. Я накрою стол.

Рядом с его тарелкой она положила записку от строителя.

Дэвид сел за стол. Накладывая бараньи котлеты, Сара сказала:

– Пришло сегодня, пока я была в городе. Он может заглянуть на следующей неделе.

Дэвид поглядел на нее через стол:

– Это тебя тоже расстроило? Вместе с избиванием мальчишек?

– Немного, да. – Сара замялась. – По-моему, мы не всегда помогаем друг другу так, как могли бы.

– Знаю, – тихо ответил он. – Мне жаль.

Женщина грустно улыбнулась:

– Тяжелые годы выдались, во все отношениях, правда?

– Адски тяжелые.

– У меня еще одно собрание комитета в воскресенье.

– Ты в силах пойти?

– Да. Да, я пойду.

Они смотрели новости, сидя в креслах, на некотором расстоянии друг от друга. Транслировали обращение Бивербрука из Берлина: он стоял на ступенях рейхсканцелярии и весело улыбался репортерам, как всегда, блестящий, словно начищенная пуговица. Звучал резкий голос с канадским выговором:

– Счастлив объявить, господа, что мои переговоры с герром Геббельсом прошли очень успешно. Кроме того, сегодня утром у меня состоялась аудиенция с герром Гитлером. Он передает горячий привет народам Британии и империи. Приближается новая эра военного и экономического сотрудничества с Германией, только оно способно помочь нашей стране в эти трудные времена. Пошлины на торговлю между Британией и Европой будут снижены, что облегчит обмен товарами и поспособствует нашей промышленности. Численность английской армии, после внесения поправок в текст Берлинского договора, возрастет на сто тысяч человек, и мы укрепим наши имперские войска. Я привезу ключи к процветанию и развитию нашей страны и империи. Спасибо.

Дэвид невесело рассмеялся.

– Раз немцы разрешают нам расширить торговлю с Европой и набрать больше солдат, они хотят получить что-то взамен. Будет сделка. Предполагаю, это означает заказы для нашей оборонной промышленности – немцы давно уже хотят задействовать ее в войне с Россией.

– О боже! – Сара тряхнула головой. – Вспомни, как в тридцатые годы люди потешались над Мосли и его марширующими чернорубашечниками. Мы думали, что англичане не могут стать фашистами или пособниками фашистов. А они могут. Как, наверное, любой – при соответствующих обстоятельствах.

– Знаю.

По телевизору показывали, как в Норвегии валят гигантскую ель, ежегодный дар Британии, – через несколько недель дерево воздвигнут на Трафальгарской площади. Когда могучий ствол рухнул, взметая облачка снега, премьер-министр Квислинг захлопал в ладоши. Сара знала, что вид этого человека пробудит в Дэвиде воспоминания о норвежской кампании 1940 года.

– Мне завтра утром нужно на работу, – сказал он. – Это всего лишь встреча. Скука. К обеду буду дома.

– Хорошо, – со вздохом сказала Сара.

– Я устал. Пойду в постель, – продолжил Дэвид. – Но это не значит, что ты должна укладываться. Побудь внизу, если хочешь.

Поздним утром в субботу, возвращаясь после встречи с Джексоном, Дэвид испытывал тяжелое, гнетущее чувство. Саре не следовало знать о звонке Фрэнка, а что касается воскресной поездки в Бирмингем, то она должна была думать, что муж отправился в другое место.

В Нортгемптоне у Дэвида жил двоюродный дедушка, помогавший его родителям, когда те только перебрались в Англию. Он владел небольшой строительной компанией; теперь это был старик восьмидесяти с лишним лет, бездетный вдовец. Отец просил Дэвида приглядывать за дядей Тедом, и Дэвид навещал старого ирландца пару раз в год, как правило в одиночку – дядя славился своей раздражительностью. Дэвид придумал легенду: Тед упал и угодил в больницу. Фрэнк, по словам Джексона, собирался звонить в субботу между четырьмя и пятью вечера, и это нужно было представить как звонок дяди.

– Как мне помешать Саре взять трубку? – спросил Дэвид у Джексона. – Телефон стоит в спальне, а что мне там делать в четыре часа в субботу?

– Недомогание, – предложил тот. – Но не такое, которое помешает отправиться в поездку на следующий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.